

ISSN 2686-7249

ВЕСТНИК РГГУ

Серия
«Литературоведение.
Языкознание. Культурология»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

“Literary Theory.
Linguistics. Cultural Studies”
Series

Academic Journal

Основан в 1996 г.
Founded in 1996

4
часть 3
2022

VESTNIK RGGU. Seriya "Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya"

RSUH/RGGU BULLETIN. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series
Academic Journal

There are 10 issues of the journal a year.

Founder and Publisher: Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series is included: in the Russian Science Citation Index; in the List of leading scientific journals and other editions for publishing PhD research findings.

Peer-reviewed publications fall within the following research area:

10.01.00 Philology:

10.01.01 Russian literature

10.01.03 Foreign literature

10.01.08 Literary Theory. Textology

10.01.09 Folkloristics

10.02.00 Linguistics:

10.02.14 Classical philology, Byzantine and Modern Greek Studies

10.02.01 Russian language

10.02.02 Languages of the Russian Federation

10.02.19 Theoretical linguistics

10.02.20 Historical-comparative, typological and contrastive linguistics

24.00.00 Culturology:

24.00.01 Cultural history and theory

24.00.03 Museology, conservation and restoration of historical and cultural objects

Goals of the journal. Presentation of the results of the latest researches in the field of philology, linguistics and culturology, which have an unquestionable theoretical and practical value and are promising for the development of research in these fields of knowledge.

Advancement of empirically oriented linguistic research and high-quality studies of Russian, languages of the Russian Federation, and languages of the world within a variety of theoretical frameworks and in comparative, historical and typological perspectives.

Objectives of the journal. Implementation and development of expertise of scientific articles taking into account the dominance of modern interdisciplinary and integrated approaches; presentation of the most significant achievements important for the development of science and capable of being introduced into the educational process as examples of correct scientific work; attraction of new authors, researchers, showing high theoretical culture and undeniable scientific achievements; strengthening the interaction of academic and university science; translation of scientific experience between generations and between institutions.

RSUH/RGGU BULLETIN. "Literary Theory. Linguistics. Culturology" Series is registered by Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Certificate on registration: PI No. FS77-61883 of 25.05.2015.

Changes were made to the record of media registration in connection with the name change, renaming of the founder, clarification of the subject – registration number FS77-74270 of 09.11.2018.

Editorial staff office: 6, Miusskaya Sq., Moscow, 125047

e-mail: zabotkina@rggu.ru

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология»

Научный журнал

Выходит 10 номеров печатной версии журнала в год.

Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология» включен: в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

10.01.00 Литературоведение:

10.01.01 Русская литература

10.01.03 Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы)

10.01.08 Теория литературы. Текстология

10.01.09 Фольклористика

10.02.00 Языкознание:

10.02.14 Классическая филология, византийская и новогреческая филология

10.02.01 Русский язык

10.02.02 Языки народов Российской Федерации

(с указанием конкретного языка или языковой семьи)

10.02.19 Теория языка

10.02.20 Сравнительно-историческое типологическое и сопоставительное языкознание

24.00.00 Культурология:

24.00.01 Теория и история культуры

24.00.03 Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов

Цель журнала: представление результатов новейших исследований в области литературоведения, языкознания и культурологии, имеющих несомненное теоретическое и практическое значение и перспективных для развития исследований в этих областях знания. Продвижение эмпирически ориентированных исследований по русскому языку, языкам Российской Федерации и языкам мира в рамках разнообразных теоретических подходов и в сопоставительной, исторической и типологической перспективе.

Задачи журнала: осуществление и развитие экспертизы научных статей с учетом господства современных междисциплинарных и комплексных подходов; представление наиболее значимых достижений, важных для развития науки и способных быть внедренными в образовательный процесс как примеры правильной научной работы; привлечение новых авторов, исследователей, показывающих высокую теоретическую культуру и неоспоримые научные достижения; усиление взаимодействия академической и университетской науки; трансляция научного опыта между поколениями и между институтами.

Журнал принимает к публикации оригинальные статьи, комплексные исследования российских и зарубежных авторов, ранее не публиковавшиеся научные доклады.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-61883 от 25.05.2015 г. В запись о регистрации СМИ внесены изменения в связи с изменением названия, переименованием учредителя, уточнением тематики – регистрационный номер ПИ № ФС77-74270 от 09.11.2018 г.

Адрес редакции: 125047, Москва, Миусская пл., 6

Электронный адрес: zabotkina@rggu.ru

Founder and Publisher
Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

P.P. Shkarenkov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

D.I. Antonov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

P.M. Arkadiev, Dr. of Sci. (Philology), Institute of Slavic Studies RAS/Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
(*deputy editor*)

O.L. Akhunova, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

S.I. Baranova, Dr. of Sci. (History), The Moscow State Integrated Art and Historical Architectural and Natural Landscape Museum-Reserve, Moscow, Russian Federation

L.V. Belovinsky, Dr. of Sci. (History), professor, Moscow State Art and Cultural University, Moscow, Russian Federation

V.V. Gudkova, Dr. of Sci. (art studies), State Institute for Art Studies, Moscow, Russian Federation

N.P. Grintser, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Yu.V. Domansky, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.V. Dybo, RAS corr. memb., Dr. of Sci. (Philology), professor, Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russian Federation

I. Rzepnikowska, Dr. of Sci. (Philology), Nicolaus Copernicus University, Toruń, Poland

G.I. Zvereva, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor*)

I.I. Isaev, Cand. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

G.I. Kabakova, Dr. of Sci. (Philology), Universite de Paris-Sorbonne, Paris, France

N.V. Kapustin, Dr. of Sci. (Philology), professor, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation

V.I. Kimmelman, PhD, Bergen University, Bergen, Norway

J.D. Clayton, PhD, University of Ottawa, Ottawa, Canada

I.V. Kondakov, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

G.E. Kreidlin, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

L.I. Kulikov, Cand. of Sci. (Philology), PhD, Ghent University, Ghent, Belgium

M.N. Lipovetsky, Dr. of Sci. (Philology), professor, University of Colorado, Boulder, USA

D.M. Magomedova, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

- I.V. Morozova*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- V.G. Mostovaya*, Cand. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- S.Yu. Neklyudov*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- V.I. Podlesskaya*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- O.I. Polovinkina*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- E.Yu. Protasova*, Dr. of Sci. (pedagogy), University of Helsinki, Helsinki, Finland
- R.I. Rozina*, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- J. Sadowski*, Dr. of Sci. (History), Jagellonian University, Krakow, Poland
- A.Yu. Sorochan*, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Tver State University, Tver, Russian Federation
- Ya.G. Testelets*, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- O.I. Togoyeva*, Dr. of Sci. (History), Institute of General History RAS, Moscow, Russian Federation
- V.I. Tyupa*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- A.A. Kholikov*, Dr. of Sci. (Philology), Moscow State Lomonosov University, Moscow, Russian Federation
- O.B. Khristoforova*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- I.O. Shaytanov*, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- S.A. Yatsenko*, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Executive editor

V.I. Zobotkina, Dr. of Sci. (Philology), professor, RSUH

E.M. Pozdnyakova, Dr. of Sci. (Philology), professor, RSUH

S.I. Pereverzeva, Cand. of Sci. (Philology), RSUH

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

П.П. Шкаренков, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

Д.И. Антонов, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

П.М. Аркадьев, доктор филологических наук, Институт славяноведения РАН, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

О.Л. Ахунова, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

С.И. Баранова, доктор исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Л.В. Беловинский, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.В. Гудкова, доктор искусствоведения, Государственный институт искусствознания, Москва, Российская Федерация

Н.П. Гринцер, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ю.В. Доманский, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.В. Дыбо, член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, профессор, Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация

И. Жетниковска, доктор филологических наук, Университет Николая Коперника, Торунь, Республика Польша

Г.И. Зверева, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

И.И. Исаев, кандидат филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Г.И. Кабакова, доктор филологических наук, университет Сорбонны, Париж, Франция

Н.В. Капустин, доктор филологических наук, профессор, Ивановский государственный университет, Иваново, Российская Федерация

В.И. Киммельман, PhD, Берген, Королевство Норвегия

Д.Д. Клейтон, доктор филологических наук, Оттавский университет, Оттава, Канада

И.В. Кондаков, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Г.Е. Крейдлин, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

- Л.И. Куликов*, кандидат филологических наук, PhD, Гентский университет, Гент, Королевство Бельгия
- М.Н. Липовецкий*, доктор филологических наук, профессор, Университет Колорадо Болдер, США
- Д.М. Магомедова*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- И.В. Морозова*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- В.Г. Мостовая*, кандидат филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- С.Ю. Неклюдов*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- В.И. Подлеская*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- О.И. Половинкина*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Е.Ю. Протасова*, доктор педагогических наук, Хельсинкский университет, Хельсинки, Финляндская Республика
- Р.И. Розина*, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Я. Садовский*, доктор исторических наук, Ягеллонский университет, Краков, Республика Польша
- А.Ю. Сорочан*, доктор филологических наук, доцент, Тверской государственный университет, Тверь, Российская Федерация
- Я.Г. Тестелец*, доктор филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- О.И. Тогова*, доктор исторических наук, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Российская Федерация
- В.И. Тюпа*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- А.А. Холиков*, доктор филологических наук, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ), Москва, Российская Федерация
- О.Б. Христофорова*, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- И.О. Шайтанов*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- С.А. Яценко*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ответственный за выпуск

В.И. Заботкина, доктор филологических наук, профессор, РГГУ

Е.М. Позднякова, доктор филологических наук, профессор, РГГУ

С.И. Переверзева, кандидат филологических наук, РГГУ

СОДЕРЖАНИЕ

Интегративные и кросс-культурные подходы к изучению мышления и языка

Концептуальный анализ

- Вера И. Заботкина, Елена Л. Боярская*
Слова и смыслы в ментальных пространствах языка и культуры 300
- Валерий З. Демьянков*
Суждения о возможном и о вероятном в различных культурах 312
- Ирина А. Краева*
Градуальность: концептуальные основания
и специфика изменений 323
- Григорий Е. Крейдлин*
Семиотическая концептуализация тела
и сравнительная фразеология 338

Лингвофилософия и когнитивные науки

- Ernst Röppel*
Social spaces as necessity: a neuro-cognitive perspective 348
- Ханлар Д. Аликперов*
Ассоциация как одна из фаз познавательной деятельности
сознания в процессе генерации *новой* идеи
(репрезентация ассоциативного мышления на примере права) 355
- Сурен Т. Золян*
О модальной семантике и семиотических инструментах
построения исторической памяти 365
- Алексей Д. Кошелев*
О раздельном (гетерогенность) существовании
трех видов вербального мышления:
практического, технического и теоретического 378

<i>Жан Т. Тощенко</i> О соотношении понятий феномена и ноумена в современной социологии	392
---	-----

<i>Виктор К. Финн, Мария А. Михеенкова</i> Анализ рациональности мнений и объективизация опроса	401
--	-----

Анализ дискурса

<i>Ольга В. Александрова, Денис С. Мухортов</i> О некоторых разновидностях подтекста в современном политическом дискурсе	415
--	-----

<i>Наталья Б. Гвишиани</i> Мультимодальная репрезентация в составе коммуникативного события (когнитивно-дискурсивный аспект)	425
--	-----

<i>Елена М. Позднякова, Олеся Б. Нестерова</i> Многоаспектность языковой личности политика	436
---	-----

CONTENTS

Integrative and cross-cultural approaches to the study of cognition and language

Conceptual analysis

- Vera I. Zabotkina, Elena L. Boyarskaya*
Words and meanings at the crossroads of mental spaces
of language and culture 300
- Valery Z. Demyankov*
Possibility and probability judgments in different cultures 312
- Irina A. Kraeva*
Graduality: conceptual foundations and specifics of changes 323
- Grigori E. Kreydlin*
Semiotic conceptualization of the body
and the comparative phraseology 338

Philosophy of language and cognitive sciences

- Ernst Pöppel*
Social spaces as necessity: a neuro-cognitive perspective 348
- Hanlar D. Alikperov*
Association as one of the phases of cognitive activity consciousness
in the process of generating a *new* idea
(representation of associative thinking on the example of law) 355
- Suren T. Zolyan*
Modal semantics and semiotic instruments of constructing
of a historical memory 365
- Aleksei D. Koshelev*
On the separate (heterogeneity) existence of three types
of verbal thinking: practical, technical and theoretical 378
- Zhan T. Toshchenko*
On the relationship between the concepts of phenomenon
and noumenon in modern sociology 392

<i>Viktor K. Finn, Mariya A. Mikheenkova</i> Analysis of opinions' rationality and objectification of the poll	401
---	-----

Discourse analysis

<i>Ol'ga V. Aleksandrova, Denis S. Mukhortov</i> Featuring subtext in contemporary political discourse	415
---	-----

<i>Nataliya B. Gvishiani</i> The structure of a communicative event as a multimodal representation (based on the cognitive-discursive analysis)	425
---	-----

<i>Elena M. Pozdnyakova, Olesya B. Nesterova</i> Multidimensionality of politician's linguistic profile	436
--	-----

ИНТЕГРАТИВНЫЕ И КРОСС-КУЛЬТУРНЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ МЫШЛЕНИЯ И ЯЗЫКА

Концептуальный анализ

УДК 81`25

DOI: 10.28995/2686-7249-2022-4-300-311

Слова и смыслы
в ментальных пространствах языка и культуры

Вера И. Заботкина

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, zabotkina@rggu.ru*

Елена Л. Боярская

*Балтийский федеральный университет им. И. Канта,
Калининград, Россия, EBojarskaya@kantiana.ru*

Аннотация. В статье рассматривается взаимодействие между концептуальными пространствами языка и культуры в рамках триады язык – культура – когниция. Мы утверждаем, что в основе данного взаимодействия лежит динамическая сеть концептуальных проецирований. Мы доказываем, что язык и культура связаны концептуальными проецированиями в рамках нескольких измерений: семиотического, коммуникативного и собственно когнитивного. Основное внимание в статье уделено анализу концептуального взаимодействия между ментальными пространствами *двух* культур и языков на нескольких уровнях: на макроуровне (уровень концептуальных картин мира двух национальных культур), на мезоуровне, (уровень отдельных концептов) и на микроуровне (уровень отдельных концептуальных признаков, формирующих концепт). Мы концентрируемся на анализе микроуровня и доказываем важность концептуальных признаков, обладающих наибольшей степенью центральности, устойчивости и высокого инферентного потенциала в процессе концептуального проецирования. Наше исследование также доказывает, что инферентный потенциал признаков не совпадает в двух культурах и языках. Это отражается в процессе перевода. При переводе признаков с низким инферентным потенциалом переводчику требуется больше когнитивных усилий, так как данный процесс требует компенсаторных переводческих решений для

© Заботкина В.И., Боярская Е.Л., 2022

создания текста перевода. Максимальная когнитивная нагрузка на переводчика должна иметь своим результатом минимизацию когнитивной нагрузки на реципиента.

Ключевые слова: концептуальное проецирование, ментальные пространства, концептуальные признаки, инферентный потенциал, центральность признака

Для цитирования: Заботкина В.И., Боярская Е.Л. Слова и смыслы в ментальных пространствах языка и культуры // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 4. Ч. 3. С. 300–311. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-4-300-311

Words and meanings at the crossroads of mental spaces of language and culture

Vera I. Zobotkina

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
zobotkina@rggu.ru*

Elena L. Boyarskaya

*Immanuel Kant Baltic Federal University,
Kaliningrad, Russia, EBoyarskaya@kantiana.ru*

Abstract. The article deals with the interaction between the conceptual spaces of language and culture within the framework of the language – culture – cognition triad. We argue that this interaction is based on a dynamic network of conceptual mappings. We prove that language and culture are connected by conceptual mappings within several dimensions: semiotic, communicative and cognitive. The main emphasis is on the analysis of the conceptual interactions between the mental spaces of two cultures and languages at several levels: at the macro level (the level of conceptual worldviews of two national cultures), at the meso level (the level of individual concepts) and at the micro level (the level of individual conceptual features that form the concept). We focus on the analysis of the micro level and prove the importance of conceptual features that have the highest degree of centrality, stability and high inferential potential in the process of conceptual mapping. Our study also proves that the inferential potentials of conceptual features do not coincide in two cultures and languages. This is reflected in the translation process. When translating features with a low inferential potential, the translator needs more cognitive efforts, since this process requires compensatory translation solutions to create the translation text. The maximum cognitive load on the translator should result in the minimization of the cognitive load on the recipient.

Keywords: conceptual mapping, mental spaces, conceptual feature, inferential potential, centrality of the feature

For citation: Zabotkina, V.I. and Boyarskaya, E.L. (2022), “Words and meanings at the crossroads of mental spaces of language and culture”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 4, part 3, pp. 300–311, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-4-300-311

Статья посвящена рассмотрению взаимодействия между ментальными пространствами языка и культуры с позиции когнитивной лингвистики. Данное взаимодействие рассматривается в рамках более широкой проблемы – соотношения культуры, языка и когниции.

В последние десятилетия сформировался новый подход к анализу указанного взаимодействия на основе интеграции культурно-исторической психологии, когнитивной антропологии, нейронауки и когнитивной лингвистики [Нап 2017].

Мы остановимся на рассмотрении взаимодействия между ментальными пространствами языка и культуры посредством анализа концептуального проецирования нескольких уровней, что позволит увидеть связи между языком и другими формами когниции. Как известно, когниция основывается на сети взаимосвязанных концептуальных проецирований между различными доменами знания [Sweetser 2017]. Необходимо определить общие принципы и механизмы, лежащие в основе данного процесса. Мы попытаемся ответить на вопрос о том, каким образом наше сознание осуществляет проецирование между концептуальными доменами двух и более культур и каким образом это взаимодействие отражается в языке. Речь идет о концептуальном проецировании между ментальными пространствами нескольких уровней. Прежде всего это проецирование между культурой и языком. С позиции когнитивной парадигмы культура понимается как система знания. Как отмечает В.Н. Телия, культура – это семиотически бытующая в человеке в виде ментальных структур осознания мира «символическая Вселенная» (по Кассиреру) [Телия 2004, с. 680].

Слово является одновременно и инструментом формирования концептуальной картины культуры нации, и продуктом культуры. Общепринятым стало положение о слове как о «памятнике культуры», «зеркале жизни нации» [Верещагин, Костомаров 1983].

Язык формирует концептуальную картину мира и представляет собой самую сложную систему классификации человеческого опыта (ср. [Duranti 2007]). Многие ученые, изучающие социальные

аспекты языка и культуры, использовали концепты из области языкознания в качестве инструментов для изучения культуры. Так, например, Леви-Стросс использовал теорию бинарных акустических признаков Р. Якобсона, составляющих фонологические оппозиции (а именно вокальный треугольник), для изучения явлений культуры в противопоставлении с явлениями природы [Lewi-Strauss 1965].

Вопросы соотношения языка, культуры и когниции изучаются в рамках когнитивной антропологии. Лингвисты, работающие в данной парадигме, рассматривают языковые категории и их взаимоотношения как часть культуры. Это означает, что все представители одной культуры должны разделять пропозициональные знания и правила инференции, необходимые для понимания того, что определенные пропозиции верны. Они рассматривают язык как набор пропозиций о том, что говорящий на данном языке член общества знает или во что верит [Duranti 2007].

И язык, и культура являются одновременно и ресурсом знания, и инструментом для репрезентации знаний о мире. При этом и язык, и культура, будучи семиотическими системами, представляют собой вторичную репрезентацию мира через систему знаков. Если язык это делает посредством слова, культура – посредством принятых норм поведения, системы ценностей, ритуалов и т. д.

Кроме того, и язык, и культура – это коммуникативные системы, так как они являются продуктом взаимодействия между людьми.

Таким образом, язык и культура связаны концептуальными проецированиями в рамках нескольких измерений: семиотического, коммуникативного и собственно когнитивного.

Далее нам представляется важным осветить вопрос о том, как происходит концептуальное проецирование между ментальными пространствами *двух* культур.

Как известно, любая ментальная сущность структурируется фреймом. В данном случае речь идет об «интер-когнитивном» [Evans 2013] проецировании между фреймами, структурирующими ментальные пространства двух концептуальных картин национальных культур.

Как указывалось в наших предыдущих работах [Заботкина 2021], в процессе взаимодействия двух культур участвуют несколько ментальных пространств: ментальное пространство своей культуры, ментальное пространство другой культуры и общее межкультурное пространство. Для того чтобы коммуникация была успешной, необходимо наличие общего когнитивного и коммуникативного пространства между говорящим и слушающим. Данное пространство образуется на пересечении двух культур и создается

в рамках интер-когнитивного межкультурного диалога. Специфичность своей культуры может быть понята только по отношению к другой культуре. Напомним в этой связи слова М. Бахтина, который писал о том, что мы идентифицируем себя только по отношению к другому [Бахтин 1972]. Диалог двух культур, по мнению Бахтина, означает «взаимодействие говорящих сознаний» [Бахтин 1998].

Из чего следует, что, помимо ментальных пространств двух культур и межкультурного пространства, в данном процессе задействованы и ментальные пространства двух индивидов, находящихся в процессе диалога. Между всеми указанными пространствами происходит сложное концептуальное проецирование.

Здесь представляется важным затронуть вопрос об аксиосферах двух взаимодействующих культур, то есть о системах ценностей.

То, что является позитивным в одной культуре, может восприниматься как негативное в другой. В связи с этим важно ответить на вопрос: должна ли культура/язык переводить себя в термины другой культуры в соответствии со своими собственными представлениями, не учитывая чужую культуру, или же она должна понять другую культуру с учетом как своих базовых ценностей, так и ценностей другой культуры? Такая расстановка противоречит идее гегемонии одной культуры над другой (ср. [Iser 1995]).

Ответы на поставленные вопросы могут быть найдены в процессе анализа динамического проецирования между указанными выше ментальными пространствами на нескольких уровнях – на макроуровне (на уровне концептуальных картин мира двух культур), на мезоуровне (на уровне отдельных концептов) и на микроуровне (уровне отдельных концептуальных признаков).

Особое внимание при этом будет уделено анализу проецирования на микроуровне.

Одной из задач когнитивной науки на современном этапе ее развития является моделирование процессов зарождения и протекания когнитивных процессов, осуществляемое на основе анализа языка. Не вызывает сомнения факт наличия связи между языковыми формами и когнитивными структурами. Обнаружение и описание этих связей является целью построения концептуальных моделей как атомарных концептуальных образований (отдельных концептов), так и образований более высокого порядка – концептуальных категорий, событий и т. д.

В настоящее время в лингвистике утвердилось понимание концептуального моделирования как процесса построения моделей ментальных операций с целью познания, понимания или симуляции объекта репрезентации, будь то некие физические объекты или же явления и процессы более абстрактного порядка. Концептуаль-

ные модели являются комплексными формами репрезентаций, отражающих реальность в любой из ее форм.

Исследователи занимаются моделированием структуры концепта на основе черт-признаков. Определение признака концепта значимо для развития познания, теорий категоризации, изучения механизмов метафорического и метонимического переноса, теории сходства и многих других областей научных исследований. Как отмечают С. Сломан, Б. Лав и В. Ахн, общим для всех перечисленных теорий является возможность сведения концептов к определенному набору признаков, которые различаются по ряду параметров [Sloman, Love, Ahn 1998, p. 190].

Структура концепта может быть репрезентирована в виде регрессивной последовательности признаков, составленной с помощью приема «легкость представления» (ease of imagining), процедура которой заключается в выделении признаков на основе интуиции и интроспекции с последующим ответом на вопрос «Останется ли объект собой, если не будет признака X?».

Для проведения лингвистических исследований особое значение приобретают признаки центральности, устойчивости, инферентного потенциала и информационной значимости [Zabotkina, Boyarskaya 2018].

Центральность признака представляет собой степень, показывающую, насколько данный признак неотъемлем, существенен, важен для ментальной структуры, репрезентирующей объект или явление реальной действительности. Устойчивость того или иного признака (immutability of a feature) отражает степень зависимости от него всей внутренней структуры, а следовательно, общей целостности концепта. Признак является неизменным, постоянным, если его гипотетическое изменение приведет к полному распаду целостной структуры ментальной репрезентации [Sloman, Love, Ahn 1998, p. 191].

Структура концептов предметных существительных имеет общие признаки-атрибуты – физические характеристики объекта (форма, размер, материал, вес и т. д.), категориальная принадлежность, его назначение (функция), цель использования, физическая среда использования или существования, способ использования, пост-эффект использования и некоторые другие. При этом релевантность признаков в структуре концепта будет различной в зависимости от категориальной принадлежности концепта. Например, регрессивная последовательность признаков концепта *anchor* (якорь), принадлежащего к макрокатегории ИНСТРУМЕНТЫ и ПРИСПОСОБЛЕНИЯ, может выглядеть следующим образом:

1. Функция (фиксирует неизменное положение).
2. Объект воздействия.
3. Среда.
4. Вес.
5. Материал.
6. Форма.
7. Тип крепления.
8. Способ взаимодействия со средой.

Регрессивная последовательность ранжирует признаки от более устойчивых и центральных до менее устойчивых, периферийных. Устойчивость признака отражает системный характер строения концептуальной структуры. Так, гипотетическое изъятие признака функции «фиксация положения», а также отсутствие объекта фиксации разрушит концептуальную структуру объекта, в то время как такие признаки, как тип крепления (цепь, трос, веревка, иное) или же способ взаимодействия со средой (погружной или поверхностный) не будут иметь такой же степени значимости. Представляется возможным предположить, что в структуре всех концептов категории ИНСТРУМЕНТЫ и ПРИСПОСОБЛЕНИЯ признаки функции и цели будут являться максимально значимыми для целостности структуры ее концептов, так как все инструменты и приспособления создаются человеком для выполнения определенной функции. Этот факт может быть использован при составлении лексикографических описаний значения слова. В данном случае описание значения, построенного на основе представленных выше релевантных признаков концепта, может выглядеть так: *anchor – heavy object designed to make another object stay in one place usually in water or sand, which is attached to a cable or securely fixed*. Данное определение отражает происхождение (*object designed*), цель и назначение (*to make another object stay in one place*), физические характеристики (*heavy*), а также физическую среду использования (*in water or sand*). Данные признаки концепта являются устойчивыми по характеру.

Таким образом, вывод о том, что именно устойчивые признаки концепта могут быть положены в основу лексикографического описания значений слова является чрезвычайно важным для проведения лингвистических исследований. Признаки данного типа также проявляют тенденцию к метафорическому или метонимическому проецированию наравне с периферийными. При этом необходимо отметить, что задействие определенного типа признака в проецировании может быть детерминировано категориальной принадлежностью концепта.

Устойчивые признаки концептов обладают высоким инферентным потенциалом; они позволяют сделать вывод о наличии других признаков в структуре концепта. Инферентный потенциал признака возрастает пропорционально степени, с которой данный признак предсказывает наличие других признаков у данного концепта «Если есть признак Y, то существует вероятность наличия признака Z».

Концептуально инферентный потенциал отличен от понятия информациональная значимость. Некоторые признаки обладают низким инферентным потенциалом, но высокой степенью информациональной значимости. Признаки, уникальные для определенной категории концептов, обладают высокой информациональной значимостью для данной категории, однако они не позволяют сделать выводов о других свойствах концептов данной категории [Sloman, Love, Ahn 1998, p. 193]. Необходимо отметить, что, несмотря на различный статус признаков в структуре концепта, его целостность создается их взаимосвязью и взаимодействием.

В процессе перевода обработка различных признаков концепта требует различной степени ментальных усилий переводчика. Например, низкий инферентный потенциал признака, т. е. данный признак не «подсказывает» наличие других признаков структуры, требует большего ментального усилия по сравнению с высокоинферентным признаком. Однако это происходит лишь в случае необходимости его обработки и последующей вербализации. Для концептов объектов низкий инферентный потенциал в большинстве случаев характерен для нецентральных признаков. В нашем примере «тип крепления» не является центральным; он обладает низким инферентным потенциалом, не используется в проецировании и, в большинстве случаев, остается невербализованным в контексте.

Высокая инферентность признака означает наличие множественности вариантов выбора. Центральные и устойчивые признаки, обладают высоким инферентным потенциалом. В примере, приведенном выше, центральный и устойчивый признак 'фиксация положения' является высокоинферентным. Именно на его основе сформировались новые значения в структуре слова *anchor*:

- A person or feeling one uses to keep his or herself grounded or in a calm state when things are not well;
- A person who can slow down an entire group;
- An awkward person who makes it impossible to get anywhere and frequently misses the hint that he/she/it is not welcome;
- A person who is not quite a tourist, but not a local. Often used to describe a person who owns property in a vacation area and lives there for a season.

Интересно, что в русском языке в структуре данного предметного существительного не развились аналогичные значения, несмотря на то что концептуальные характеристики, лежащие в основе исходного значения *anchor* и *якорь* и приведенные выше, являются одинаковыми. Так, толковый словарь русского языка Ушакова приводит конкретные значения, которые были образованы на основе проецирования признака функции, но без его метафорической или метонимической проекции. Как следствие, все значения в структуре полисеманта *якорь* являются значениями конкретных существительных, вербализующих концепты одной и той же концептуальной категории – ИНСТРУМЕНТЫ и ПРИСПОСОБЛЕНИЯ:

1. Приспособление для удержания судна на месте в виде прикрепленного к длинной цепи металлического стержня с лапами, которые зацепляются за грунт.

2. То же, что ротор в 1-м знач. (тех.).

3. Деталь, регулирующая движения часового механизма (тех.).

Несовпадение концептуального содержания, которое фиксирует структура полисемантов в языке оригинала и языке перевода, создает дополнительную когнитивную нагрузку на переводчика, так как требует компенсаторных переводческих решений для создания текста перевода, который будет максимально концептуально и лингвистически прозрачен для реципиента. Максимальная когнитивная нагрузка наблюдается в случае концептуальной или языковой лакунарности, т. е. расхождения в концептуальных картинах мира, необходимости заполнения концептуальных лакун средствами языка-перевода или же вербализации существующего, но не ословленного фрагмента концептуальной картины мира. При этом максимальная когнитивная нагрузка на переводчика должна иметь своим результатом минимализацию когнитивной нагрузки на реципиента, а способ вербализации концептов и их сочетаний должен сделать текст перевода максимально прозрачным для понимания.

Заключение

Мы попытались ответить на вопрос о том, каким образом наше сознание осуществляет интер-когнитивное взаимодействие между концептуальными доменами двух культур и каким образом это взаимодействие отражается в языке. Наше исследование доказывает, что в основе этого взаимодействия лежит динамическая сеть концептуальных проецирований нескольких уровней.

Анализ взаимодействия между ментальными пространствами языка и культуры показал, что данные пространства связаны концептуальными проецированиями в рамках нескольких измерений: семиотического, коммуникативного и собственно когнитивного.

Основное внимание в статье было уделено анализу концептуального взаимодействия между ментальными пространствами *двух* культур и языков на микроуровне (уровень отдельных концептуальных признаков, формирующих концепт).

Анализ микроуровня доказывает важность концептуальных признаков, обладающих наибольшей степенью центральности, устойчивости, инферентного потенциала. Наше исследование также доказывает, что инферентность концептуальных признаков не совпадает в двух культурах и языках. Это отражается в процессе перевода. При переводе признаков с низким инферентным потенциалом требуется больше когнитивных усилий со стороны переводчика.

Максимальная когнитивная нагрузка на переводчика ведет к минимизации когнитивной нагрузки на реципиента (читающего/слушающего).

Дальнейшие исследования в данной области предполагают изучение общих принципов и механизмов, лежащих в основе различного рода концептуальных проецирований с привлечением данных нейронаук.

Благодарности

Публикация данной статьи осуществляется при финансовой поддержке гранта РФФ № 22-18-00594.

Acknowledgments

The publication of the article is financially supported by the Russian Scientific Foundation, project 22-18-00594.

Литература

- Бахтин 1972 – *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. 3-е изд. М.: Худ. лит., 1972. 470 с.
- Бахтин 1998 – *Бахтин М.М.* Тетралогия. М.: Лабиринт, 1998. 907 с.

- Верещагин, Костомаров 1983 – *Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Язык и культура. М.: Рус. яз., 1983. 269 с.
- Заботкина 2021 – *Заботкина В.И.* Научная дипломатия в России: когнитивное измерение // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Вып. 12 (110). Ч. 2. DOI: 10.18254/S207987840018748-1.
- Телия 2004 – *Телия В.Н.* Фактор культуры и воспроизводимость фразеологизмов – знаков-микротекстов // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: Сб. ст. в честь Н.Д. Арутюновой. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 674–684.
- Duranti 2007 – *Duranti A.* Linguistic anthropology. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 422 p.
- Evans 2013 – *Evans N.* Intercognitive Linguistics and Language Diversity // 12th International Cognitive Linguistics Conference, 23–28 June 2013. University of Alberta, Edmonton, Alberta, Canada. URL: <http://www.ualberta.ca/~iclc2013/ABSTRACTS/Evans.pdf> (дата обращения 23 сентября 2022).
- Han 2017 – *Han Sh.* The Sociocultural Brain. Oxford: Oxford University Press, 2017. 288 p.
- Iser 1995 – *Iser W.* On Translatability: Variables of Interpretation // The European English Messenger. 1995. Vol. 4 (1). P. 30–38.
- Lewi-Strauss 1965 – *Lewi-Strauss C.* Le triangle culinaire // L'Arc. 1965. No 26. P. 19–29.
- Sloman, Love, Ahn 1998 – *Sloman S.A., Love B.C., Ahn W.K.* Feature Centrality and Conceptual Coherence // Cognitive Science. 1998. Vol. 22 (2). P. 189–228.
- Sweetser 2017 – *Sweetser E.* Opening commentary: Conceptual mappings // (ed.) The Cambridge Handbook of Cognitive Linguistics / Ed. by B. Dancygier. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. P. 379–384.
- Zabotkina, Boyarskaya 2018 – *Zabotkina V.I., Boyarskaya E.L.* Conceptual foundation of event-referential ambiguity // SGEM International multidisciplinary scientific conference on social sciences and arts. 2018. Vol. 5. Issue 3.6. P. 142–148.

References

- Bakhtin, M.M. (1972), *Problemy poetiki Dostoevskogo*. [Problems of Dostoevskii's poetry], 3rd ed., Khudozhestvennaya literatura, Moscow, Russia.
- Bakhtin, M.M. (1998), *Tetralogiya* [Tetralogy], Labirint, Moscow, Russia.
- Duranti, A. (2007), *Linguistic anthropology*. Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Evans, N. (2013), “Intercognitive Linguistics and Language Diversity”, in *12th International Cognitive Linguistics Conference*, 23–28 June 2013, University of Alberta, Edmonton, Alberta, Canada, available at: <http://www.ualberta.ca/~iclc2013/ABSTRACTS/Evans.pdf> (Accessed 23 September 2022).
- Han, Sh. (2017), *The Sociocultural Brain*. Oxford University Press, Oxford, UK.
- Iser, W. (1995), “On Translatability: Variables of Interpretation”, *The European English Messenger*, vol. 4 (1), pp. 30–38.

- Lewi-Strauss, C. (1965), "Le triangle culinaire", *L'Arc*, no. 26, pp. 19–29.
- Slooman, S.A., Love, B.C. and Ahn, W.K. (1998), "Feature Centrality and Conceptual Coherence", *Cognitive Science*, vol. 22 (2), pp. 189–228.
- Sweetser, E. (2017), "Opening commentary: Conceptual mappings", in Dancygier, B. (ed.), *The Cambridge Handbook of Cognitive Linguistics*, Cambridge University Press, Cambridge, UK, pp. 379–384.
- Teliya, V.N. (2004), "The factor of culture and the reproducibility of phraseological units – signs-microtexts", in *Sokrovennyye smysly: Slovo. Tekst. Kul'tura: sbornik statei v chest' N.D. Arutyunovoi* [Secret meanings: Word. Text. Culture], Yazyki slavyanskoi kul'tury, Moscow, Russia, pp. 674–684.
- Vereshchagin, E.M. and Kostomarov, V.G. (1983), *Yazyk i kul'tura* [Language and culture], Rus. yaz., Moscow, Russia.
- Zabotkina, V.I. (2021), "Science Diplomacy in Russia: New Trends and Dimensions", *Istoriya*, iss. 12 (110), part 2, DOI: 10.18254/S207987840018748-1.
- Zabotkina, V.I. and Boyarskaya, E.L. (2018), "Conceptual foundation of event-referential ambiguity", *SGEM International Multidisciplinary scientific conference on social sciences and arts*, vol. 5, iss. 3.6, pp. 142–148.

Информация об авторах

Вера И. Заботкина, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; zabotkina@rggu.ru

Елена Л. Боярская, кандидат филологических наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия; 236041, Россия, Калининград, ул. Александра Невского, д. 14; EBoyarskaya@kantiana.ru

Information about the authors

Vera I. Zabotkina, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; zabotkina@rggu.ru

Elena L. Boyarskaya, Cand. of Sci. (Philology), associate professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia; bld. 14, A. Nevskogo Street, Kaliningrad, Russia, 236016; EBoyarskaya@kantiana.ru

Суждения о возможном и о вероятном в различных культурах

Валерий З. Демьянков

*Институт языкознания РАН, Москва, Россия,
vdemiank@mail.ru*

Аннотация. Способы представления мнений зависят от ментальных культур, которые включают в себя, например, стили формирования суждений о возможности и вероятности событий и состояний дел. Исследование большого многоязычного корпуса текстов на нескольких западноевропейских языках и на русском показывает, что утверждения о возможности встречаются более чем в два раза чаще, чем утверждения о вероятности. Термин *возможность* на латыни и в современных языках обозначает физикалистское отношение к положению вещей. Этот термин был введен гораздо позже, чем термин *вероятность*, первоначально связанный с человеческими аспектами оценки. Сам термин *probabilis* в латыни был родственным слову *probare*, означавшему «одобрение» и/или «контроль» над событиями. Кроме того, в современных романских языках суждения, передающие сомнения и надежды, то есть дистанцирование говорящего от чужих и заведомо неверных мнений, обычно содержат глаголы в особом, «субъюнктивном», наклонении. Создание альтернативных «возможных миров» как фигура речи о гипотезах возникла и широко использовалась в работах Лейбница на французском языке, который использовал эту фигуру в соответствии с французской, а не родной для него немецкой грамматикой.

К средствам дистанцированной, «остраненной», подачи мнения относятся выражения типа *возможно, вероятно, вряд ли*, регулирующие пропозициональную («фактическую») и эмоциональную («пропозиционально-установочную») ратифицируемость высказывания и толерантность восприятия. Убеждение, подаваемое с помощью этих средств, позволяет преодолеть порог несовместимости с «резидентными» мнениями адресата.

Делаются предварительные выводы о культурной обусловленности подобных явлений.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, ментальная культура, возможность vs. вероятность, субъюнктив в романских языках

Для цитирования: Демьянков В.З. Суждения о возможном и о вероятном в различных культурах // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 4. Ч. 3. С. 312–322. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-4-312-322

Possibility and probability judgments in different cultures

Valery Z. Demyankov

*Russian Academy of Sciences Institute of Linguistics,
Moscow, Russia, vdemiank@mail.ru*

Abstract. Ways of presenting opinions depend on mental cultures which include i.a. styles of forming judgments on possibility and on probability of events and of states of affairs. Research on a large multilingual corpus of texts in several West-European languages and in Russian shows that the possibility statements are used more than twice as often as the probability statements. The term ‘possibility’ in Latin and in modern languages denotes a physicalist attitude towards states of affairs. This term was coined much later than the term ‘probability’, originally connected to the human aspects of evaluation. The term ‘probabilis’ itself in Latin was a cognate of ‘probare’, which meant ‘approving’ and/or ‘controlling’ events. Additionally, in modern Romance languages, judgments of doubt and hope, i. e. sentences conveying speaker’s distancing from alien and non-actual opinions, usually contain verbs in a special ‘conjunctive mood’. Creating alternative ‘possible worlds’ as a figure of speech for ‘conjecture’ originated and was extensively used in writings by Leibniz in French, who used this figure in accordance with French grammar. The same ideas formulated in Russian or in German lack the ‘subjunctive’ mood, whereas it is obligatory in French.

Keywords: cognitive linguistics, mental culture, possibility vs. probability, Romance subjunctive mood

For citation: Demyankov, V.Z. (2022), “Possibility and probability judgments in different cultures”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 4, part 3, pp. 312–322, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-4-312-322

1. Материальная и ментальная культура

Понятие культуры сродни понятию стиля в филологии: обладая выбором при решении задачи (скажем, выбором речевого акта или его осуществления), придерживаются определенных излюбленных приемов или жанроопределяющих «стилей», в большей или меньшей степени присущих данному субъекту. Выбор самого стиля при этом несет дополнительную смысловую нагрузку, сказываясь на интерпретации коммуникативных действий. Справедливо это по

отношению к материальной культуре: в одних обществах устрицы едят чаще всего сырыми, в других – жареными, а когда официант хочет помочь вам в выборе, он тонко намекнет: «Сырые, к сожалению кончились. Можем предложить жареные». Это предупредительное гораздо мягче, чем знаменитое шекспировское категорическое: «Не пей вина, Гертруда» (король знает, что вино отравлено). Но знающий поймет этот тонкий доброжелательный намек: известно, что устрицы не первой свежести выдают себя запахом, который можно замаскировать поджариванием. Так что, мол, решайте, какой «стиль» выбрать: с душком и не совсем свежее блюдо – или пусть и не свежее, но без запаха. А может, лучше все-таки какую-нибудь стилистически незатейливую и трогательную лягушечку?

Оценка и констатация «вещной» стилистики как реализация (принципиального или случайного) выбора опирается на наивно-статистическую оценку: то, что бывает реже, имеет больше шансов вызвать удивление, восхищение и испуг. Подобно Санта-Клаусу (Деду Морозу) на пляже в разгар лета. Да и то, в зависимости от того, кто оценивает эту самую креативность: бывалая Снегурочка, ветеран новогодних утренников для детей, и не такое повидала на своем веку, «избитой» креативностью ее не удивить.

Аналогичное и в нематериальной культуре. Скажем, поблагодарить можно деликатно, поджав губы, или совсем «по-простому»: все зависит от этических и эстетических предпочтений родной культуры. На вопрос «Ты устрицы любишь?» естественнее всего, «без дураков», ожидать прямого ответа: «Да!» или «Нет». Непрямой ответ типа: «Моя бабушка их подавала к борщу» бдительного интерпретатора наводит на мысль, что все-таки не любишь или – еще вероятнее – никогда и не пробовал. Выбрав же необычное, а потому и креативненькое «Возможно» или даже «Вероятно», надевают маску ботаника-отличника, который лучше умрет за Истину и промолчит, чем соврет.

Искушенные в бытовой дипломатии, мы привыкли к тому, что мнение обычно подают с гарниром искренних или напускных, вынужденных или осторожничающих мнений. Однако даже роскошные от природы волосы много выигрывают от искусной укладки в дорогом салоне красоты и вызывают прилив трогательного самоуважения у их владелицы, а техническая стилистика наиправдивейшей сервировки фактов варьируется в зависимости от стандартов культур. Недаром «простое, как правда» сообщение адресату своего отрицательного мнения называют у нас «бескультурьем», то есть выходом за рамки стандартов ментальной культуры. Когда «отвязанный» аутист говорит, что ненавидит вашу собачку, он демонстрирует не только бескорыстное правдолюбие (основу бы-

тового хамства), но и результаты *родовой* травмы, произошедшей при усвоении первой в своей жизни, *родной* культуры поведения, не затронутой корректировочным курсом в исправительном заведении типа «семья», «детский сад» или «школа». Когда начальнику ЖЭКа, сообщающему, что он едет в мэрию, электрик и сантехник хором рекомендуют: «Дуйте!», нарушение культурных норм является результатом столкновения с нормами чужой культуры, несовпадения репертуаров вербальных средств, даже этических норм двух культур, внутреннего противоречия норм внутри одной и той же культуры и т. п. И дело здесь не просто в неадекватном употреблении речевых средств.

Пример антихамства, неискренного деликатничания, дает нам знаменитое:

Вы любите ли сыр? – спросили раз ханжу.

Люблю, – он отвечал, – я вкус в нем нахожу (*Козьма Прутков*.
Эпиграмма № 1. 1854).

Реплика «Возможно» в таких ситуациях стилистически парадоксальна: как любой уход от прямого ответа, она смягчает («эвфемизирует») горькое признание в нелюбви, легко вычисляемое даже не очень опытным интерпретатором.

Итак, целесообразность выбора средств подачи искреннего и/или справедливого мнения оценивается в рамках ментально-культурных, а не просто речевых норм, изо всех сил им соответствия или отчаянно их нарушая.

2. Речь о возможном и о вероятном в русской и европейских культурах

Можно выделить много различных технических средств «уклончивой» речи, из которых наиболее характерны для русского и для западноевропейских языков следующие три:

2.1. Модальные глаголы класса «мочь»: в английском *can*, *may* (оба на русский переводятся как «мочь», но употребляются, как известно, в разных контекстах), *be able to*; немецкие *können*, *dürfen*, *mögen* (все три соответствуют русскому «мочь», но в разных контекстах) и т. д. Это «дежурные» средства выражения «чутьочку неродного» мнения.

2.2. Субьюнктив после предиката опасения, боязни и т. п. Это техническое средство представлено больше в романских языках, начиная с латыни. Например, во французском:

Une femme ne peut jamais s'empêcher de craindre que cette plaisanterie ne *devienne* un jour très sérieuse...

Женщина никогда не может не бояться (букв. «не может никогда помешать себе бояться»), что эта ерунда когда-нибудь *станет* очень серьезной (*Balzac H. de. Physiologie du mariage*, 1828).

Глагол *devenir* «становиться» употреблен в форме субъюнктива *devienne* со значением «стал(а) бы», а не индикатива *devient*, так что по-русски ближе к оригиналу было бы буквально: «что эта ерунда стала бы серьезной». Но по-русски так не говорят и смело употребляют индикатив, которым подавляют обязательные для франкофона сомнения.

По-русски сослагательное наклонение в таких случаях выглядит («выглядело бы», выражаясь «на цыпочках», осторожно, в субъюнктиве) по меньшей мере, непривычно и является уделом деликатничающего переводчика, стремящегося подчеркнуть тонкость оригинала, которой приходится жертвовать в переводе. А в немецком неиндикативное сослагательное наклонение (Konjunktiv) в таких контекстах допустимо, но употребляется как средство пересказа чужого мнения или даже своего прежнего, но более неактуального мнения, ставшего чужим:

...auch sie hatte gefürchtet, daß der Schuß der eines Selbstmörders gewesen sei

...она тоже боялась, что этот выстрел *якобы был* из рук самоубийцы (*Auerbach B. Das Landhaus am Rhein: Band 3*, 1869).

Глагол *sein* «быть» употреблен в форме сослагательного наклонения *sei*, а не изъявительного *ist* «есть, является», поскольку автор предложения не разделяет опасений героини: по-русски в таких случаях мы привыкли употреблять *якобы*. Но прося в Берлине нарезать 100 граммов ливерной колбасы, в русском переводе вы скорее всего обойдетесь без этого *якобы*, а попросту скажете, от первого лица: *Ich hätte gerne*, буквально «я имел бы охотно» (а не «я якобы хотел»), приглашая мясника погостить в вашем мире предстоящего удовольствия от пока еще недорогого деликатеса.

Интересно, что великий немецкий философ и математик Г.В. Лейбниц, когда писал по-французски, безукоризненно-сопереживающе, по системе К.С. Станиславского, адаптировался к французской ментальной культуре и сомневался по правилам французской грамматики, см. [Демьянков 2021]. Например:

...les âmes ne quittent jamais tout leur corps et ne passent point d'un corps dans un autre corps qui leur **soit** entièrement nouveau.

...души никогда не покидают все свое тело и не переходят из одного тела в другое, совершенно новое (букв. которое *являлось бы* совершенно новым) для них (*Leibniz G.W. Principes de la nature et de la grâce fondés en raison, 1714*).

Иногда он же следовал сразу двум ментальным культурам, немецкой и французской, при употреблении сослагательного наклонения по-французски при передаче чужой речи, напр.:

Et Spinoza veut à peu près (comme un ancien péripatéticien nommé Straton) que tout *soit* venu de la première cause ou de la nature primitive, par une nécessité aveugle et toute géométrique, sans que ce premier principe des choses *soit* capable de choix, de bonté et d'entendement.

И Спиноза в некоторой степени хочет (подобно древнему перипатетику по имени Стратон) сказать, что все якобы произошло (*soit venu* «было бы произошло» – субъюнктив от *быть*. – В. Д.) от первопричины или от первобытной природы, по слепой и неотвратимой (букв. геометрической) необходимости, без того, чтобы этот первый принцип вещей был (*soit* – «был бы» субъюнктив от *быть*. – В. Д.) способен на выбор, доброту и понимание (*Leibnitz G.W. Essai de théodicée, 1710*).

Суждения в реалисе, потенциалисе, ирреалисе и т. п. опираются на шкалу предпочтений, когда объявляют вотум доверия или недоверия, любви или ненависти к актуальному миру. Так же как и выбор модальности возможности, вероятности и необходимости, производимый на границе между материальным и ментальным.

2.3. Прилагательные и наречия классов «возможное» и «вероятное». Немецкое *möglich* «возможный, вероятный» соотносят с английским и французским *possible*, а *wahrscheinlich* «вероятный, правдоподобный» – с английскими *probable* и *likely* и с французскими *probable* и *vraisemblable*.

Разграничение возможного и вероятного было уже в предке современных романских языков, в латыни. Прилагательное *possibilis* буквально означает «могущий мочь»: *poss-* как в *possum* «могу» плюс суффикс *-ibilis*, прямой прародитель современного французского и английского *-ible*, придающий производным прилагательным значение «способный». А *probabilis* является производным от *prob-* плюс тот же суффикс, но с иной огласовкой, *-ābilis*. Основа *prob-* в глаголе *probo* (*āvī, ātum, āre*) имела множество значений, важнейшие из которых: 1) испытывать, пробовать, проверять; 2) одобрять,

удовлетворяться, благоприятно отзываться, хвалить; 3) признавать, принимать; 4) рекомендовать; 5) ясно представлять, с очевидностью показывать, доказывать. Как показывают типовые словоупотребления, быть *probabilis* – значит, получить «человеческую» рекомендацию, ср. у М.Т. Цицерона (106 г. до н. э. – 46 г. до н. э.):

...*probabilis* orator, iam vero etiam probatus, ex hac inopi ad ornandum, sed ad inveniendum expedita Hermagorae disciplina .

...оратор, *достойный похвалы*, успевший даже завоевать признание, хотя и был слабеньким в искусстве украшать свои речи, но мастерству изобретения речей (*inventio* как раздел риторики. – В. Д.) он научился у Гермагора (*Cicero M.T. Brutus*).

Сегодня такого оратора назвали бы *креативным*.

От такой оценки всего лишь шаг до квалификации «достоверное объяснение», как знак качества, получаемый из рук профессионала в качестве гарантии правдивости, напр.:

Pla vero cur eveniant, quis probabiliter dixerit?

Но почему происходит [это] – кто *достаточно достоверно* сказал бы? (*Cicero M.T. De Divinatione*, 44 г. до н. э.).

Probabiliter «в высшей степени вероятный» (ср. английское *highly likely*) как форма сравнительной степени от *probabilis* указывает на степень совершенства «выше средней».

Некоторое приближение к значению «правдоподобный, похожий на привычное» имеем в другом раннем употреблении этой же лексемы:

Multo est *probabilius*: “non est autem divinatio; non sunt ergo di”.

Гораздо больше *походит на правду* [такое суждение]: “если уж нет предсказания, значит, нет и богов” (*Cicero M.T. De Divinatione*).

Сема «одобрение» сохранилась и значительно позже, в трудах Фомы Аквинского (1225–1274), напр.:

Praeterea, sicut se habet vis affectiva ad *probabile* et *reprobabile*, ita se habet vis cognitiva ad *probabile* et *improbabile*.

Кроме того, как в аффективной сфере [«силе» в оригинале] бывает *одобряемое и осуждаемое*, так и в сфере познания есть *вероятное и невероятное* (*Aquinas S.Th. Quaestiones disputatae de veritate*, 1256–1259).

Ср. дожившее до наших дней юридическое понятие *vis probandi*, «доказательная сила», то есть сила, которую следует применять в процессе одобрения и/или отвергания доводов.

При этом, как показывают данные большого корпуса латинских текстов [Демьянков 2020], *possibilis* «возможный» начал активно употребляться позже, чем *probabilis* «вероятный». Осознание надчеловеческой, физикалистской стороны истины пришло позже установления чисто «человеческих», субъективных параметров «правды», производных от человеческих установок. То есть первоначально человек большей частью верил своим непосредственным показаниям, одобренным другими людьми. Но со временем эпитет *possibilis* стал употребляться все чаще и чаще. А *probabilis* «вероятный» связывается с человеческими слабостями тех самых неуверенных «проб» познания, которые без ошибок не бывают.

В одном из самых ранних упоминаний термин *possibilis* как «возможное» противопоставляется необходимости; так, у Квинтилиана (35 г. н. э. – 100 г. н. э.):

Melius igitur qui tertiam partem duxerunt δυνατόν, quod nostri 'possibile' nominant: quae ut dura videatur appellatio, tamen sola est.

Лучшим приближением к переводу греческого δυνατόν было бы поэтому латинское слово 'possibile'; может, и неуклюжим оно кажется, но другого у нас нет (*Quintilianus M.F. Institutio Oratoria Libri I–XII*, предположительно 94 г. н. э.).

Указанная древнегреческая лексема (с модернизированной флексией), кстати, и в современном греческом имеет значение «возможность», ср. εἶναι δυνατόν «возможно».

В угаре моды, вежливо называемой «ветром перемен» и «духом времени», частотность единицы с физикалистской, «нечеловеческой» семантикой резко рванула вверх, опередив основу *probabil-*. Вот этот вектор и унаследовали рефлексы в «новых» языках: *possibilis* переносит нас в сферу надчеловеческую, а *probabilis* – смиренная оценка человеком человеческих способностей. Более архаичное «вероятие» напоминает нам о давних временах, когда об истине допустимо было судить «демократическим» путем: если «вероятное» мнение (в принципе обладающее шансами на одобрение, то есть кажущееся *probabilis*) большинством людей одобряется, то оно и верно. На следующих «выборах», конечно, этот кандидат в истины может с треском провалиться, хотя бы просто потому, что надоест своей незатейливой правдивой примитивностью или, наоборот, непрозрачностью. Конкурирующая же, «тираническая»,

процедура установления истины типа *sic volo* «так хочу» от демократии далека: «возможное» мнение может оказаться истинным, даже если никто из смертных не готов этого признать.

Наш эмпирический материал показывает, что о достоверном и о сомнительном, о возможном и о вероятном говорят не так же, как о неумолимой реальности с ее железной хваткой.

Во всех проанализированных оригинальных (непереводных) текстах на латинском, французском, итальянском, испанском, английском, немецком и русском языках *возможное* упоминают более чем в два раза чаще, чем *вероятное*. Есть и вариации, за которыми маячат расхождения в «культурах ментальности», см. [Демьянков 2020]:

1. Речь о *невозможном* в полтора-два раза чаще речи о *вероятном* в романских языках, но не в германских и не в русском.

2. В английском *невозможное*, наоборот, в два раза реже *вероятного*, в немецком они примерно одинаково часты; а в русском *невозможное* фигурирует ненамного, но чаще, чем *вероятное*, хотя и не в той же мере, что в романских.

3. *Невероятное* в романских и в немецком, но не в «мечтательных» английском и русском, находится на дне частотности. В английском же *невероятное* несильно уступает *невозможному* (как если бы физическая нереальность была сблизена с субъективной), а в русском более чем вдвое чаще *невозможного*.

Таблица

Возможное и вероятное в непереводном тексте

	Латынь	Франц.	Итал.	Испан.	Англ.	Нем.	Рус.
Возможное possibilis	4044	73 283	15 109	6125	423 761	154 573	758 388
Вероятное probabilis	1403	24 168	4493	1142	295 357	43 999	179 395
Невозможн. impossibilis	3339	45 848	6413	3220	155 991	43 066	216 306
Невероятное improbabilis	51	619	207	97	11 899	3575	55 894

Источник: актуализированные данные из [Демьянков 2020, с. 11]

3. Заключение

Анализируя большие корпуса текстов, предполагают и надеются за представленностью в материале увидеть не только вариации формальных свойств текстов, но и характерные (то есть обладающие своей частотностью) черты различных ментальных культур. Посередине между этими двумя задачами лежит установление представительности языковых явлений как продукта человеческой ментальности в рамках конкретных (национальных) культур.

«Сослагательное» размышление в романских ментальных культурах – не просто грамматическая условность, а конструирование возможных миров [Демьянков 2021] и «хождение на цыпочках» вокруг суждений там, где в других культурах, таких как русской, ступают полной ступней по-простому, «индикативно»-констатирующе, без страха, упрека и без заламывания рук от сомнений в устройстве реальности.

Каковы же причины расхождений внутри ментальных культур и между ними? Например, случаен ли «технический разнобой» в отстраненной подаче мнения – или он предопределен глубинными расхождениями в ментальных культурах у разных народов, носителей разных языков? Кто выступает заказчиком вариаций: сослагательное мышление, приводящее к формированию парадигм особых форм глаголов, – или грамматическая система с ее уже существующими парадигмами, заставляющая носителей языка оптимально использовать богатство форм, вызывая дифференцированную подачу мнений в романском языке там, где в ином языке об альтернативных «возможных мирах» даже не задумываются?

Эти и подобные вопросы выводят нас на широкие мультидисциплинарные просторы когнитивного исследования.

Благодарности

Исследование, описанное в разделе 1, выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00040) в Институте языкознания РАН. Раздел 2 данного исследования выполнен за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00429) в Институте языкознания РАН.

Acknowledgments

The research presented in section 1 is financially supported by the Russian Scientific Foundation, project 19-18-00040 “Parametrization of linguistic cre-

ativity in discourse and language” at the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences. The research presented in section 2 is financially supported by the Russian Scientific Foundation, project 19-18-00429 “Language mechanisms of cultural system accommodation in various types of discourse of the 20th and 21st centuries” at the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences.

Литература

- Демьянков 2020 – Демьянков В.З. О языковых техниках адаптации мнения // Вопросы когнитивной лингвистики. 2020. № 4. С. 5–17.
- Демьянков 2021 – Демьянков В.З. О возможности в логике и в когнитивной семантике // Вопросы когнитивной лингвистики. 2021. № 4. С. 5–21.

References

- Dem'yankov, V.Z. (2020), “On linguistic techniques of adapting opinions”, *Issues of cognitive linguistics*, no. 4, pp. 5–17.
- Dem'yankov, V.Z. (2021), “On *possibility* in logic and in cognitive semantics”, *Issues of cognitive linguistics*, no. 4, pp. 5–21.

Информация об авторе

Валерий З. Демьянков, доктор филологических наук, профессор, Институт языкознания РАН, Москва, Россия; 125009, Россия, Москва, Большой Кисловский пер., д. 1, стр. 1, vdemiank@mail.ru

Information about the author

Valery Z. Demyankov, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian Academy of Sciences Institute of Linguistics, Moscow, Russia; bld. 1, 1 Bolshoi Kislovskii Lane, Moscow, Russia, 125009; vdemiank@mail.ru

Градуальность: концептуальные основания и специфика изменений

Ирина А. Краева

*Московский государственный лингвистический университет,
Москва, Россия, irinakraeva@linguanet.ru*

Аннотация. В статье рассматривается модусный концепт «градуальность», автор дает свое определение данного концепта. Для описания структуры модусного концепта «градуальность» предлагается использовать когнитивно-матричный анализ, разработанный Н.Н. Болдыревым. Суммируются основные положения данного типа анализа. Автор полагает, что структура концепта «градуальность» состоит из ядра (знания о том, что признак предмета, состояния или действия может варьироваться, то есть проявляться в разной степени) и собственно матрицы, в которую в качестве источников-компонентов входят такие концептуальные области, как «сравнение», «признак», «степень проявления признака», «норма», «количество», «качество», «оценка», «языковая репрезентация».

Утверждается, что на базе концепта «градуальность» в языке формируется категория градуальности, которая, как и другие языковые категории, развивается. В работе впервые высказывается мнение о том, что формирование и развитие категории градуальности в английском языке имеют свои концептуальные основания. Предпринята попытка выявить концептуальные основания развития модусной категории градуальности, в качестве которых в итоге рассматриваются сам модусный концепт «градуальность», концептуальная основа категории и ее модусный характер, а также особенности концептуальной структуры семантики лексических единиц, являющихся членами данной языковой категории.

Ключевые слова: градуальность, концепт, модусная категория, концептуальные основания, когнитивная матрица

Для цитирования: Краева И.А. Градуальность: концептуальные основания и специфика изменений // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 4. Ч. 3. С. 323–337. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-4-323-337

Graduality: conceptual foundations and specifics of changes

Irina A. Kraeva

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia,

irinakraeva@linguanet.ru

Abstract. The article discusses the modus concept of “graduality”, the author gives her own definition of the concept. To describe the structure of the modus concept “graduality”, it is proposed to use cognitive matrix analysis developed by N.N. Boldyrev. The main provisions of this type of analysis are summarized. The author believes that the structure of the concept of “graduality” consists of a core (knowledge that the feature of an object, state or action can vary, that is, manifest itself to varying degrees) and the matrix itself, which includes such conceptual areas as “comparison”, “feature”, “the degree of feature manifestation”, “norm”, “quantity”, “quality”, “assessment”, “language representation”.

It is argued that on the basis of the concept of “graduality”, a category of graduality is formed in the language, which, like other language categories, is developing. The paper for the first time expresses the opinion that the formation and development of the category of graduality in the English language have their own conceptual foundations. An attempt is made to identify the conceptual foundations of the development of the modus category of graduality, which comprise the modus concept “graduality” itself, the conceptual basis of the category and its modus character, as well as specific features of the conceptual structure of the semantics of lexical units-members of the language category under analysis.

Keywords: graduality, concept, modus category, conceptual foundations, cognitive matrix

For citation: Kraeva, I.A. (2022), “Graduality: conceptual foundations and specifics of changes”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 4, part 3, pp. 323–337, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-4-323-337

В настоящее время вопрос о новых направлениях интегративных процессов в когнитивной науке, о дальнейшем исследовании мышления и языка, а также вопросы кросс-культурного взаимодействия являются, несомненно, чрезвычайно актуальными. Не вызывает сомнения тот факт, что в современном мире межличностное взаимодействие носителей разных культур при совместном решении ими в определенных условиях общих коммуникативных задач

чрезвычайно важно. Неслучайно данная область исследований так динамично развивается с конца прошлого века.

Между тем, как мы видим, не иссякает интерес исследователей и к «старым» проблемам, особенно тем, которые *важны* для выявления и изучения того общего, что объединяет всех людей. В первую очередь, это исследования онтологических категорий (количества, качества, градуальности, оценки, интенсивности и др.), которые находятся в центре внимания ученых разных областей на протяжении всей истории научной мысли, поскольку имеют для мышления человека и его изучения непреходящее значение.

Одной из таких основополагающих универсальных понятийных категорий является *градуальность*, которая выражает, по мнению С.Д. Кацнельсона, «отношение одного понятия к другому» [Кацнельсон 2001, с. 564].

Данная категория формируется у человека в ходе сравнения объектов окружающего мира и стоит в одном ряду с такими онтологическими категориями, как качество и количество, единичное и общее, содержание и форма, целое и часть, причина и следствие, пространство, время, движение и др. В то же время, отражая субъективные представления человека о степени проявления свойств объекта, категория градуальности оказывается тесно связанной с модусными категориями оценки, модальности, эмотивности, экспрессивности. Кроме того, градуальность соотносится с языковыми категориями и явлениями – такими, как суперлативность, качественность/относительность прилагательных, интенсивность и пр.

В последние десятилетия категория градуальности изучалась в основном с точки зрения:

- *структурно-семантического подхода*, где ее трактовали как логико-семантическую, лексико-семантическую категорию, лексико-синтаксическую, а также включали в состав коммуникативно-прагматической категории усиления;
- *функционально-семантического подхода*, где данная категория рассматривалась в плане особенностей функционирования различных частей речи в качестве градуаторов (в другой терминологии – квантификаторов, кванторов, квалификаторов, градаторов). Мы используем термин *модификатор степени*.

В лингвистической литературе существует большое количество трудов, посвященных проблеме градуальности, выполненных в рамках разных направлений и подходов, в том числе работы выдающихся отечественных и зарубежных ученых – Нины Давидовны Арутюновой, Александра Ивановича Смирницкого, Юрия Сергеевича Степанова, Эдуарда Сепира, Дуайта Болинджера и других.

Только за последние 25 лет появился ряд значимых исследований градуальности, проведенных в основном на материале русского языка, отчасти – английского и французского языков, в том числе: докторская диссертация на материале русского языка – С.М. Колесникова (1999), кандидатские диссертации на материале русского языка – Е.В. Белоглазова (2003); Н.Д. Федяева (2003); П.П. Березницкая (2004); Н.Н. Горшкова (2004); Н.Л. Нестерова (2005); Н.В. Рогожина (2005); Н.В. Прекина (2006); С.З. Темирханова (2007), Г.В. Киреева (2010); на материале других языков народов РФ – Е.М. Девяткина (2009, финно-угорская группа); М.У. Зубайраева (2003, чеченский язык); на материале германских языков – А.Б. Иванова (2002); И.В. Назарова (2009); С.Г. Ткаченко (2018); на материале романских языков – М.В. Бондаренко (2001); З.Б. Долгих (2020).

В указанных диссертационных исследованиях и в целом в большинстве работ по проблеме градуальности последних лет категория градуальности предстает как *функционально-семантическая*, актуализируемая в языке разноуровневыми средствами, выражающими некий изменяемый признак. И лишь в отдельных работах последних лет рассматривались когнитивные аспекты градуальности, например в работе И.В. Назаровой (2009).

В настоящее время в русле когнитивной лингвистики градуальность рассматривается как концепт.

Из всего множества существующих на сегодняшний день определений концепта, базирующихся на разных релевантных признаках, положенных в основу его дефиниции, для нашего исследования наиболее важны два определения.

В первую очередь, это одно из первых определений концепта в отечественной лингвистике, которое принадлежит Е.С. Кубряковой. Согласно ему концепт – это

...термин, служащий объяснению единиц ментальных и психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике [Кубрякова 1996, с. 90].

То есть концепт – это оперативная содержательная единица сознания, которая выполняет функцию хранения и передачи знаний об окружающем мире и языке [Кубрякова 1996].

Второе, также широко принятое определение, дали в своих работах З.Д. Попова и И.А. Стернин:

Концепт понимается как глобальная мыслительная единица, представляющая собой квант структурированного знания. Концепты – это идеальные сущности, которые формируются в сознании человека [Попова, Стернин 1999, с. 4].

Основываясь на указанных определениях концепта в целом, модусный концепт «градуальность», на базе которого формируется объективирующая его в языке категория градуальности, мы определяем как *квант структурированного знания о том, что признак предмета, состояния или действия может варьироваться, то есть проявляться в разной степени. При этом степень проявления признака может изменяться в большую или меньшую сторону по отношению к некоторому стандарту/норме/эталоноу.*

Концепты, как писал Джорж Лакофф, лежат в основе формирования категорий, которыми оперирует человеческое сознание [Lakoff 1987]. Модусный концепт «градуальность» лежит в основе формирования модусной категории «градуальность», которая объединяет языковые единицы в процессе их сопоставления.

И здесь следует особо подчеркнуть, что большим вкладом в развитие теории категоризации стало выделение Н.Н. Болдыревым наряду с лексическими и грамматическими категориями целого ряда

...модусных, или оценочных (в широком смысле этого слова) категорий, т. е. категорий модусного типа, обеспечивающих возможности различной интерпретации говорящим того или иного концептуального содержания и формирования на основе этого отдельных смыслов [Болдырев 2005, с. 32].

На протяжении определенного времени ученые, опираясь на онтологический треугольник «мир – человек – язык», сводили все многообразие языковых категорий как форм репрезентации знаний к двум основным видам категоризации, соответствующим двум основным моделям категориального видения мира человеком, – лексической и грамматической. Н.Н. Болдырев впервые высказал и обосновал мысль о том, что, сообразно указанному онтологическому треугольнику,

...всё многообразие языковых категорий как форм репрезентации знаний можно свести к трем основным типам, представляющим собой три модели категориального видения мира: лексические, грамматические и модусные [Болдырев 2006, с. 21].

К числу модусных категорий, в основе формирования которых лежат соответствующие модусные концепты, ученый относит, например, отрицание, аксиологические (собственно оценочные) категории, категории аппроксимации, эвиденциальности.

В ходе сравнения концепт «градуальность» ведет к логическому процессу *градуирования/градации*, результаты которого вербализуются в языке. При этом, с точки зрения Е.С. Кубряковой,

...чем значимее определенный концепт для человеческого мышления, тем более сложной системой языковых средств и языковых форм он может быть выражен [Кубрякова 2004, с. 313].

Несмотря на устойчивый интерес современных лингвистов к изучаемому явлению, на настоящий момент не предложено единой концепции градуальности, которая позволила бы с когнитивных позиций объяснить широкий диапазон языковых явлений (морфологических, лексико-семантических, синтаксических, прагматических), опирающихся на категорию градуальности, а также выявить *концептуальные основания* развития этой важнейшей категории, отражающей способность человека вычленять изменяемые свойства объектов, оценивать степень их проявления и выражать это в языке.

Между тем, как и другие языковые категории, категория градуальности развивается: с одной стороны, она пополняется новыми членами, с другой стороны, что чрезвычайно важно, категория пополняется новыми структурами знаний, что свидетельствует о ее когнитивном усложнении. В настоящее время члены категории градуальности стали передавать всё более сложные смыслы, что, несомненно, связано с усложнением мира и, как следствие, усложнением самого концепта «градуальность».

Изучая категорию градуальности, мы впервые предприняли попытку рассмотреть в русле когнитивной парадигмы лингвистического знания *процесс ее развития*. Категория градуальности изучается нами как категория, совмещающая в себе онтологическую, модусную (интерпретационную) и языковую категоризацию и объективирующая в языке модусный концепт «градуальность». Основная задача исследования заключается в том, чтобы выявить содержание и особенности данного процесса в современном английском языке.

Отметим, что при трактовке термина «развитие категории», мы опираемся на мнение ученых, которые считают, что динамика языка включает три процесса – 1) эволюцию языка, 2) развитие языка (т. е. увеличение числа единиц языка и качественное усложнение их отношений), 3) совершенствование языка (см., например, [Рож-

дественский 1990]).

Полагаем, что формирование и развитие категории «градуальность» в английском языке (в том числе характер этого развития и его особенности) имеют свои *концептуальные основания* и определяются в первую очередь самим концептом «градуальность» и модусным характером категории градуальности.

Одним из актуальных вопросов современной лингвистики при изучении концептов и формируемых вокруг них языковых категорий является вопрос о разработке *новых методов исследования* концептуальных структур. В частности, исследователи у нас в стране и за рубежом уже на протяжении ряда лет отмечают необходимость разработки новых методов исследования концептов – их содержания и структуры.

Данную мысль неоднократно подчеркивал один из выдающихся отечественных лингвистов И.К. Архипов. По его мнению, концепты, особенно основные, трудно исследовать, поскольку они обладают очень сложной природой. В реальной жизни, по мнению И.К. Архипова,

...главные, базовые мысли о 'главном' никто ни с кем никогда не обсуждает (в нормальном состоянии). <...> Все, что совершается за пределами непосредственного общения, становится тайной. И так, концепты – это 'тайны', которые знают все члены языкового коллектива по отдельности, потому что вырастают и обучаются в нем, и все знают, что остальные тоже знают [Архипов 2009, с. 37].

Сложно изучать концепты и в науке, поскольку, как считает И.К. Архипов,

...задача определения содержания концептов может оказаться по плечу достаточно узкому кругу специалистов в областях гуманитарного знания, служащего базой для развитого, достигающего уровня поэтического, творческого интуитивного мышления. Такой исследователь должен развить в себе умение 'подглядывать' за работой мышления своего и окружающих, строя догадки о том, что есть еще за значениями слов. В подобных случаях он может выходить за рамки 'объективного анализа' контекстуального, трансформационного и др. – и ставить себя под удар подобно Р. Ленекеру, сказавшему однажды: 'Я знаю, что это так, но не могу вам это объяснить' (Langacker 1987, p. 57) [Архипов 2009, с. 39].

Исследователи разного типа концептов отмечают наличие в их структуре некоей зоны стабильности, чего-то неизменного, свя-

занного с формой концепта, – наличие *ядра*. Это отмечают ученые, изучающие, например, культурные концепты. Так, Ю.С. Степанов при изучении «констант русской культуры» отмечает, что «концепты не привязаны к той или иной материальной форме – они парят над материальными формами» [Степанов 2004, с. 5] и каждый имеет «ядро», которое представляется ему центром, покрытым «социальными и ментальными оболочками», а вся «конструкция» напоминает ему шар [Степанов 2004, с. 964].

В то же время при изучении языковых концептов ученые предлагают обратиться

...к практике *лингвистического* анализа, а именно к материальным формам слов, с которыми ассоциируются в нашем сознании мысли, которые мы хотим выразить, образуя значения [Архипов 2009, с. 42].

Например, И.К. Архипов предлагал изучать лексические прототипы:

В качестве метода анализа доступного материала можно, в частности, предложить продолжить исследования содержательных ядер слов, ассоциируемых с образами их материальных форм, *лексических прототипов*. <...> Будучи инвариантом семантической структуры многозначного слова, лексический прототип является, на наш взгляд, ядром, цементирующим все ЛСВ, а также реальной основой актуализации каждого из них в ходе коммуникативного акта [Архипов 2009, с. 42].

Для описания структуры модусных концептов, например диалектных, стилистических, этнических, культурных концептов как единиц знания о диалектных, стилистических и других отличиях в языке, Н.Н. Болдыревым и его учениками было успешно применено понятие *когнитивной матрицы*, впервые использованное Р. Ленекером для описания конфигурации знания, служащей основанием значения языковой единицы [Langacker 1987, p. 147].

«Именно когнитивная матрица как особый формат знания, – отмечает Н.Н. Болдырев, – позволяет отразить различные связи модусного концепта с теми концептуальными областями, которые служат источниками его содержания» [Болдырев 2009, с. 101]. В целом новая методика исследования модусных концептов – когнитивно-матричный анализ – позволяет определить структуру матрицы, соотношение между ее компонентами и языковыми средствами их репрезентации, а также структуру категорий, формирующихся на основе модусных концептов.

Нами была предпринята попытка суммировать основные положения указанной методики представления модусных концептов, теоретически значимые для данного исследования:

- 1) структуру модусного концепта можно представить в виде особого формата – когнитивной матрицы, открывающей доступ к нескольким концептуальным областям различного уровня сложности;
- 2) когнитивная матрица как особый формат знания позволяет отразить различные связи модусного концепта с теми концептуальными областями, которые служат источниками его содержания;
- 3) модусные концепты лежат в основе формирования особого рода категорий в языке, которые объединяют языковые единицы в процессе их сопоставления;
- 4) в структуре модусного концепта выделяется ядро – знание особого рода – и собственно матрица (ее различные компоненты); концептуальные области обеспечивают связь ядра концепта со структурами языкового и неязыкового знания;
- 5) важным компонентом когнитивной матрицы являются средства языковой репрезентации, которые составляют часть языкового знания.

Известно, что представители когнитивного направления в отечественной лингвистике всегда стараются подчеркнуть *преемственность* новых разрабатываемых ими методик с уже существующими и успешно применяемыми, выделив при этом те положительные моменты, которые будут иметь место при применении новых процедур. Когнитивно-матричный анализ не явился в этом смысле исключением. Обосновывая применение данного вида анализа при исследовании диалектных концептов, его авторы отмечают:

Метод когнитивно-матричного анализа является логическим и естественным продолжением методов, прочно закрепившихся в традиционной лингвистике (сравнительный метод, анализ словарных дефиниций, контекстуальный анализ), а также методов, возникших в когнитивной лингвистике: концептуальный, фреймовый, прототипический анализ, когнитивное моделирование и другие. Методика матричного анализа позволяет расширить поле применения когнитивного подхода в лингвистике и включить в число объектов исследования диалекты языка. Этот метод может быть использован и для описания культурного знания, которое находит свое выражение в языке через заимствование, ксенизмы, клише и стереотипы, отражающие специфику иных культур [Болдырев, Куликов 2006, с. 4].

Кроме того, важно, что когнитивно-матричный анализ учитывает временные и пространственные принципы организации концептуальной системы языка, а также способы ее репрезентации.

Таким образом, в качестве *концептуальных оснований развития* языковой категории градуальности выступают, на наш взгляд, следующие.

1. Во-первых, это сам *модусный концепт «градуальность»*.

Представляется, что для описания модусного концепта «градуальность» наиболее удачным является представление его именно в виде когнитивной матрицы, поскольку данный вид представления концепта «градуальность», как и других модусных концептов, действительно открывает доступ к нескольким концептуальным областям различного уровня сложности и позволяет выявить и продемонстрировать различные связи изучаемого концепта с теми концептуальными областями, которые служат источниками его содержания.

По нашему мнению, в качестве таких источников-компонентов матрицы для концепта «градуальность» могут рассматриваться следующие концептуальные области: «сравнение», «признак», «степень проявления признака», «норма», «количество», «качество», «оценка», «языковая репрезентация».

Кроме того, для данного исследования важно применение именно когнитивно-матричного анализа, поскольку его использование

...предполагает учет основных механизмов работы человеческого сознания, таких как: сравнение, отождествление, внимание, апперцепция, инференция. Действие этих механизмов требует объединения нескольких элементов, подвергающихся сравнению, отождествлению, выделению и т. д., в единую концептуальную структуру и установления определенных типов отношений между ними. Такие динамические, возникающие в ходе мыслительной деятельности концептуальные структуры, состоящие из элементов и отношений между ними, Ж. Фоконье предложил называть ментальными пространствами¹ [Болдырев, Куликов 2006, с. 5]. А ментальные пространства, как известно, изменяются, пересекаются и т. д., т. е. подвержены различного рода динамическим изменениям.

Что касается структуры модусного концепта «градуальность», то, по нашему мнению, она включает в себя *ядро* – знание о том, что признак предмета, состояния или действия может варьироваться, то есть проявляться в разной степени, – и собственно *матрицу* – то

¹ Fauconnier G. Mental spaces. Cambridge, Mass., 1985.

есть перечисленные выше концептуальные области, которые обеспечивают связь ядра концепта «градуальность» со структурами языкового и неязыкового знания. При этом часть языкового знания составляют языковые средства репрезентации концепта «градуальность».

Важно также отметить, что градуальное знание (как и базовые знания других модусных концептов) имеет соотносительно-сопоставительный характер и возникает только в результате сравнения языковых форм и степеней проявления признаков.

2. Во-вторых, важной составляющей концептуальных оснований языковой категории «градуальность» является ее *концептуальная основа*, которая служит основой формирования и существования данной категории и непосредственно связана с содержательной стороной концепта «градуальность», который лежит в основе этой объективирующей его языковой категории.

3. Кроме того, говоря о концептуальных основаниях категории «градуальность», мы имеем в виду *модусный характер* самой языковой категории градуальности, т. е. она развивается потому, что она категория модусная (оценочная, интерпретирующая). Причем модусный характер категории градуальности не только приводит к развитию данной категории, но и определяет характер этого развития и его особенности.

Как известно, в работах ученых ранее отмечались области, которые чаще всего подвергаются интерпретирующей деятельности человеческого сознания – чаще всего такими сферами являются различные показатели личного пространства человека, его физические способности, ментальные состояния, эмоциональные переживания, а также интеллектуальные способности. А к трем сферам человеческого бытия, наиболее часто подверженным градуированию, обычно относят: 1) чувства и эмоции человека; 2) физические состояния человека; 3) взаимодействие индивида с окружающей действительностью (ср., например, [Назарова 2009]).

Однако по мере того как расширяется сфера интерпретирующей деятельности сознания человека, расширяются и границы действия категории градуальности – она начинает передавать все более сложные смыслы, в частности, в сферу градуальности попадают признаки, которые ранее не подвергались градуированию, например признак «национальная/географическая принадлежность», что приводит к модусной перекатегоризации.

В качестве примера можно привести предложение *The food itself was very British* (*Угощение оказалось типично английским*), где рассматриваемое прилагательное явно употребляется в качественном значении (*Fentom J. "Black Tie Only"*).

Или предложение “*Vita at that age was British through and through / Вита в том возрасте была типичной англичанкой*” [CCELD, p. 174], в котором при помощи употребления устойчивого выражения “to be smth through and through” («иметь все качества человека, принадлежащего к определенной группе») фиксируется высокая степень проявления признака.

4. Развитие категории «градуальность» возможно и благодаря концептуальной структуре семантики лексических единиц-членов категории градуальности. Дело в том, что многие члены данной категории, номинирующей в языке концепт «градуальность», являются отдельными лексемами (в нашем случае – качественными прилагательными, имеющими градуируемые значения), в основе семантики которых лежат базовые концепты «признак» и «степень проявления признака». Их концептуальная структура позволяет им не только имплицитно выражать разную степень признака, но и служить базой для создания новых модификаторов степени, что в итоге приводит к пополнению категории новыми членами, расширению ее границ (например, *utter – utterly, fantastic – fantastically, brilliant – brilliantly, gorgeous – gorgeously, outrageous – outrageously* и др.).

В своем большинстве такие модификаторы эквивалентны русским лексемам *абсолютно, чрезвычайно, совершенно, полностью* и являются часто употребляемыми единицами. Доказательство этому мы находим в авторитетных онлайн-словарях лексической сочетаемости, созданных на основе Британского национального корпуса, где сочетания указанных наречий с прилагательными фиксируются как частотные. Например, такие словосочетания, как *dazzlingly / astonishingly / incredibly / wonderfully / staggeringly / startlingly / strikingly / stunningly / unbelievably / breathtakingly beautiful; desperately / horribly / mortally afraid; glaringly / immediately / instantly apparent; amazingly / remarkably / surprisingly / uncannily accurate* и мн. др.

Другими словами, новые модификаторы степени в настоящее время часто сочетаются с качественными прилагательными, имеющими в своей концептуальной структуре один и тот же концептуальный признак (обычно это «высокая/очень высокая степень признака»), что некоторое время назад считалось ненормативным. Такая «нетрадиционная» сочетаемость приводит к расширению границ деятельности категории, а новые модификаторы степени, несомненно, придают высказыванию существенную эмоциональную окраску.

Суммируя сказанное, можно утверждать, что развитие категории «градуальность» в английском языке имеет свои концептуаль-

ные основания, которые определяются в первую очередь самим концептом «градуальность» и модусным характером категории градуальности (совмещением в ней признаков онтологической, модусной и языковой категоризации), а также особенностями английского языка и последними тенденциями его развития.

Литература

- Архипов 2009 – *Архипов И.К.* Природа концепта и методы его изучения // Когнитивные исследования языка. Вып. I: Концептуальный анализ языка. 2009. С. 35–43.
- Болдырев 2005 – *Болдырев Н.Н.* Категории как форма репрезентации знаний в языке // Концептуальное пространство языка: Сб. науч. тр., посв. юбилею профессора Николая Николаевича Болдырева / Под ред. проф. Е.С. Кубряковой. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2005. С. 16–39.
- Болдырев 2006 – *Болдырев Н.Н.* Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 2. С. 5–22.
- Болдырев, Куликов 2006 – *Болдырев Н.Н., Куликов В.Г.* О диалектном концепте в когнитивной системе языка // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2006. Т. 65. № 3. С. 3–13.
- Болдырев 2009 – *Болдырев Н.Н.* Проблемы исследования языкового знания // Когнитивные исследования языка. 2009. Вып. I: Концептуальный анализ языка. С. 91–103.
- Кацнельсон 2001 – *Кацнельсон С.Д.* Категории языка и мышления: Из научного наследия / Отв. ред. Л.Ю. Брауде. М.: Языки славянской культуры, 2001 (переиздание основных работ с дополнениями). 851 с.
- Кубрякова 1996 – *Кубрякова Е.С.* Концепт // Краткий словарь когнитивных терминов. М.: МГУ, 1996. С. 90–93.
- Кубрякова 2004 – *Кубрякова Е.С.* Язык и знание. На пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
- Назарова 2009 – *Назарова И.В.* Наречия как средства репрезентации категории градуальности в современном английском языке: Дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2009. 182 с.
- Попова, Стернин 1999 – *Попова Э.Д., Стернин И.А.* Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. Воронеж: Изд-во Воронежского ГУ, 1999. 30 с.
- Рождественский 1990 – *Рождественский Ю.В.* Лекции по общему языкознанию. М.: Высшая школа, 1990. 381 с.
- Степанов 2004 – *Степанов Ю.С.* Константы: Словарь русской культуры. 3-е изд., испр. и доп. М.: Академический проект, 2004. 982 с.
- CCELD – Collins Cobuild English Language Dictionary. Birmingham: Collins Publishers, 1988. 1703 p.

- Fauconnier 1985 – Fauconnier G. *Mental spaces*. Cambridge, Massachusetts: MIT Press, 1985. 185 p.
- Lakoff 1987 – Lakoff G. *Women, Fire and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind*. Chicago: The University of Chicago Press, 1987. 556 p.
- Langacker 1987 – Langacker R.W. *Foundations of Cognitive Grammar*. Vol. 1: Theoretical Prerequisites. Stanford: Stanford University Press, 1987. 528 p.

References

- Arkhipov, I.K. (2009), “The nature of the concept and methods of its study”, *Cognitive Studies of Language*, no. 1, pp. 35–43.
- Boldyrev, N.N. (2005), “Categories as a form of knowledge representation in language”, in Kubryakova, E.S. (ed.), *Kontseptual'noe prostranstvo yazyka: Sb. nauch. tr., posv. yubileyu professora Nikolaya Nikolaevicha Boldyreva* [Conceptual space of language], Izd-vo TGU im. G.R. Derzhavina, Tambov, Russia, pp. 16–39.
- Boldyrev, N.N. (2006), “Language categories as a format of knowledge”, *Issues of Cognitive Linguistics*, no. 2, pp. 5–22.
- Boldyrev, N.N. and Kulikov, V.G. (2006), “On the dialect concept in the cognitive system of language”, *Izvestiya RAN. Seriya literaturny i yazyka*, vol. 65, no. 3, pp. 3–13.
- Boldyrev, N.N. (2009), “The issues of language meaning study”, *Cognitive Studies of Language*, no. 1, pp. 91–103.
- Collins Cobuild English Language Dictionary (1988), Collins Publishers, Birmingham, UK.
- Fauconnier, G. (1985), *Mental spaces*. MIT Press, Cambridge, Massachusetts.
- Katsnel'son, S.D. (2001), *Kategorii yazyka i myshleniya: Iz nauchnogo naslediya* [Categories of language and thinking: From the scientific heritage], L.Yu. Braude (ed.), Yazyki slavyanskoi kul'tury, Moscow, Russia.
- Kubryakova, E.S. (1996), “Concept”, *Kratkii slovar' kognitivnykh terminov* [A concise dictionary of cognitive terms], MGU, Moscow, Russia, pp. 90–93.
- Kubryakova, E.S. (2004), *Yazyk i znanie. Na puti polucheniya znaniy o yazyke. Chasti rechi s kognitivnoi tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira* [Language and knowledge. On the way to gaining knowledge about language. Parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in cognition of the world], Yazyki slavyanskoi kul'tury, Moscow, Russia.
- Langacker, R.W. (1987), *Foundations of Cognitive Grammar*, vol. 1: Theoretical Prerequisites, Stanford, California, USA.
- Lakoff, G. (1987), *Women, Fire and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind*, The University of Chicago Press, Chicago, USA.
- Nazarova, I.V. (2009), *Adverbs as a means of representing the category of graduality in modern English*, PhD dissertation, Tambov State University, Tambov, Russia.
- Popova, E.D. and Sternin, I.A. (1999), *Ponyatie “kontsept” v lingvisticheskikh issledovaniyakh* [The concept of “concept” in linguistic research], Izd-vo Voronezhskogo GU, Voronezh, Russia.

Rozhdestvenskii, Yu.V. (1990), *Lektsii po obshchemu yazykoznaniiu* [Lectures on general linguistics], Vysshaya shkola, Moscow, Russia.

Stepanov, Yu.S. (2004), *Konstanty: Slovar' russkoi kul'tury* [Constants: Dictionary of Russian Culture], 3rd ed., Akademicheskii proekt, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Ирина А. Краева, кандидат филологических наук, доцент, Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия; 119034, Россия, Москва, ул. Остоженка, д. 38; irinakraeva@linguanet.ru

Information about the author

Irina A. Kraeva, Cand. of Sci. (Philology), associate professor, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia; bld. 38, Ostozhenka Street, Moscow, Russia, 119034; irinakraeva@linguanet.ru

Семиотическая концептуализация тела и сравнительная фразеология

Григорий Е. Крейдлин

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, gekr@iitp.ru*

Аннотация. В статье рассматривается фрагмент семиотической концептуализации тела на материале двух языков – русского и испанского. В качестве такого фрагмента был выбран телесный объект «сердце» как он представлен во фразеологических соматизмах этих двух языков. В статье приводится семантическое описание русского слова *сердце* и его испанского эквивалента *corazón*: ‘невидимый соматический объект, расположенный в верхней левой части человеческого тела за грудью. Сердце можно слышать, поскольку оно постоянно бьется. Основная функция сердца – снабжать кровью все соматические объекты в теле человека’. Демонстрируется важность включения в семантические представления этих слов физических, структурных и функциональных признаков объекта «сердце». В качестве физических признаков сердца рассматриваются такие признаки, как каритивность и избыточность, в качестве структурных – наличие на/в сердце посторонних объектов (в частности, волос или шерсти), в качестве функциональных – способность сердца снабжать кровью тело и его части. Этот признаковый подход позволяет объяснить некоторые употребления испанского и русского слов, обозначающих сердце. Демонстрируется различие во фразеологических соматизмах двух языков с этими словами.

Ключевые слова: семиотическая концептуализация тела, сердце, *corazón*, фразеологические соматизмы, сравнительный анализ

Для цитирования: Крейдлин Г.Е. Семиотическая концептуализация тела и сравнительная фразеология // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 4. Ч. 3. С. 338–347. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-4-338-347

Semiotic conceptualization of the body and the comparative phraseology

Grigorii E. Kreidlin

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
gekr@iitp.ru*

Abstract. The article considers a fragment of the Russian and Spanish semiotic conceptualization of the human body. This fragment is presented by the somatic object “heart”, as there are phraseological somatisms with the name of this object both in Russian and in Spanish. The article provides a semantic description of the Russian word *сердце* and its Spanish equivalent *corazón*: ‘an invisible somatic object located in the upper left part of the human body behind the chest. The heart can be heard because it is constantly beating. The main function of the heart is to supply blood to all somatic objects in the human body’. The importance of including physical, structural and functional features of the heart into the semantic representations of these words is demonstrated. Among the physical features of the heart we consider caritivity and redundancy, among the structural ones – the presence of alien objects on / inside the heart (in particular, hair or wool), as the functional ones – the ability of the heart to supply blood to the body and its parts. This feature approach allows to explain some of the uses of the Spanish and Russian words for the heart. The difference in phraseological somatisms of two languages with these words is demonstrated.

Keywords: semiotic conceptualization of the body, heart, *corazón*, phraseological somatisms, comparative analysis

For citation: Kreidlin, G.E. (2022), “Semiotic conceptualization of the body and the comparative phraseology”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 4, part 3, pp. 338–347, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-4-338-347

В сердце человека есть места,
которых еще нет,
и страдания входят в них,
чтобы они обрели жизнь.

Леон Блум

В статье я остановлюсь на вопросе, которому до сих пор в лингвистике уделялось мало внимания. Речь пойдет о том, как семиотическая концептуализация тела¹ представлена в особых языковых

¹ См. подробно об этом понятии в монографиях [Крейдлин 2004] и [ЯиСТ 2020].

единицах – *фразеологических соматизмах*, под которыми имеются в виду некомпозиционные сочетания, содержащие слова, называющие какой-то телесный объект или его признак².

Материал работы составили фразеологические соматизмы испанского и русского языков со словами *corazón* и *сердце*. Я хочу вскрыть некоторые неочевидные особенности испанской и русской семиотических концептуализаций в области фразеологии этих языков и показать при этом адекватность и эффективность признакового подхода к описанию этих единиц³.

Одной из задач признакового подхода, применяемого для описания семиотической концептуализации тела и телесности, является выявление значений имен телесных, или соматических, объектов (здесь *corazón* и *сердце*), указание их важнейших признаков, а также анализ языковых выражений с именами этих признаков. Любой телесный объект обладает тремя основными группами признаков: физическими, структурными и функциональными. Далее речь пойдет о некоторых физических, структурных и функциональных признаках сердца и об отражениях этих признаков во фразеологии двух языков.

По данным наиболее значительных толковых словарей русского и испанского языков⁴, а также согласно постоянно обновляющемуся испанскому электронному словарному ресурсу RAЕ, слова *сердце* и *corazón* имеют несколько значений, большинство из которых относится к человеку. Все эти словари так или иначе⁵ выделяют следующее общее значение у слов *сердце* и *corazón*: ‘невидимый соматический объект, расположенный в верхней левой части

² О фразеологических соматизмах и некоторых проблемах, связанных с отражением в них особенностей семиотической концептуализации тела, см. работы [ЯиСТ 2020, т. I, гл. V, § 3] и [Козеренко, Крейдлин 2011].

³ Признаковый подход подробно изложен в [ЯиСТ 2020]. Там же содержится анализ некоторых слов и сочетаний слов, относящихся к телу и телесности.

⁴ См. следующие источники: Словарь русского языка: В 4 т. / РАН, Ин-т лингвист. исследований. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Т. 4. С–Я. С. 80. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/18/ma408009.htm> (дата обращения 22 августа 2022); Словарь современного русского литературного языка. Т. 13. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1962; Ortografía básica de la lengua española. Madrid: Espasa, 2012. 256 p.; *Moliner M. Diccionario de Uso del Español*. 3ª ed. 2 vols. Barcelona: RBA & Gredos, 2007. 1680 p.

⁵ Под словами *так или иначе* я имею в виду разные метаязыки, на которых формулируются соответствующие толкования.

человеческого тела в груди' – и указывают на физический признак сердца «звучание» ('сердце можно слышать, поскольку оно постоянно бьется') и основную функцию сердца ('снабжать кровью все соматические объекты в теле человека'). Иными словами, *сердце* <человека> – это 'невидимый соматический объект, расположенный в верхней левой части человеческого тела за грудью. Сердце можно слышать, поскольку оно постоянно бьется. Основная функция сердца – снабжать кровью все соматические объекты в теле человека'.

Толкование, которое я здесь привожу, вполне согласуется с общей моделью и метаязыком, принятыми в монографии [ЯиСТ 2020, т. I, с. 19–23]. Оно отличается от толкований, содержащихся в упомянутых ранее словарях, тем, что сведения об основных признаках и функциях телесного объекта дополняются указанием языковых обозначений основных физических, структурных и функциональных признаков сердца. Ср. толкование, которое приводим мы, с более научным толкованием, взятым из «Словаря русского языка» (МАС):

1. Центральный орган кровообращения в виде мускульного мешка, находящийся у человека в левой стороне грудной полости. *Он слушает во всех местах грудь и говорит, что дыхание решительно чистое, что биение сердца весьма правильное.* Чернышевский, Дневник моих отношений с тою, которая теперь составляет мое счастье⁶.

Многие физические признаки телесного объекта можно количественно измерить и дать соответствующим измерениям качественную оценку. К физическим признакам телесного объекта относятся, прежде всего, его форма и размер. Это также температура объекта, цвет, вес (тяжесть), текстура (свойство поверхности), консистенция и ряд других.

Отмечу особо два физических признака – «каритивность» и «избыточность». Под «каритивностью» понимается отсутствие у объекта того, что у него должно быть в норме. Оба эти признака соматического объекта, как, впрочем, и другие признаки, могут переноситься на человека. Указания во фразеологизмах на значения этих признаков, связанных с сердцем, имеют свои особенности. Так, в ситуации, когда человеку не хватает мужества, отваги и храбрости – например, для того, чтобы прийти другому человеку на

⁶ Сердце // Словарь русского языка: В 4 т. Т. 4. С–Я. С. 80. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/18/ma408009.htm> (дата обращения 22 августа 2022).

помощь, либо для того, чтобы, преодолев себя, совершить смелый поступок, – испанцы часто используют фразеологизм *faltarle a uno el corazón*. Он означает буквально, что человеку не хватает сердца, а литературный перевод его таков: ‘человеку изменило мужество, у него не хватило духа’. По-русски, если надо выразить мысль, что человеку изменило мужество, из-за чего он не совершает каких-то действий, которые от него ожидалось, не говорят, что у человека *мало сердца*, и не говорят, что у него *маленькое сердце*. Иными словами, в русском языке нет ни фразеологизмов, соответствующих испанскому, ни метафорических сочетаний. Между тем предложение *У человека мало сердца* существует, но означает оно, что человек сухой, недостаточно эмоциональный или чересчур эгоистичный, не способный сопереживать другому, см. следующий пример:

(1) ..Если подсудимый – человек деятельный и честный, то, с другой стороны, это человек злобный и себялюбивый, в котором мало сердца, которому недоступно чувство настоящей любви, неразлучной со снисхождением, с прощением, с извинением слабостей, ошибок... (А.Ф. Кони. Выступление по делу об убийстве коллежского асессора Чихачева).

Среди структурных признаков телесного объекта, активно проявляющихся во фразеологии, укажем на возможность нахождения на/в нем каких-то посторонних объектов, то есть тех, которых там в норме быть не должно. Среди инородных объектов, которые, по данным фразеологии, попадают в сердце, выделим те, имена которых содержат общий смысловой компонент ‘тяжесть’, – это *камень*, *груз* и т. п., а также собственно слово *тяжесть*. Внутри сердца (*в сердце*) или на его поверхности (*на сердце*) могут находиться также «тяжелые» негативные чувства – уныние, грусть или тоска. Наличие их в сердце сближает два значения слова *сердце*, фиксируемые всеми просмотренными нами толковыми словарями:

2. Этот орган как символ средоточия чувств, переживаний, настроений человека. *Сердце радуется. Растревожить сердце.* <...>
3. *перен.* Душевный мир человека, его переживания, настроения, чувства. *Сердце, как и ум, требует развития* (И. Гончаров. Воспоминания)⁷.

Человеку, у которого в сердце или на сердце имеются «тяжелые» инородные объекты, от этого бывает плохо. Часто он стремится

⁷ Сердце // Словарь русского языка: В 4 т. Т. 4. С–Я. С. 80.

избавиться от них, так сказать, *снять с сердца тяжесть*. Примеры (2)–(4) иллюстрируют ситуации, когда у человека на сердце лежат тяжелые предметы:

(2) Я не мог понять, почему мне требуется профессиональная помощь: я считал, что у человека должны быть *гири на сердце*, когда у него умирает папа, и что если у человека нет гирь на сердце, тогда ему нужна помощь (Д. Фюер. Жутко громко и запрительно близко).

(3) Вот не было от тебя писем, и прямо *камень на сердце* (Г. Бакланов. Навеки девятнадцатилетние).

(4) Когда *на сердце тяжесть* и холодно в груди... (А. Городницкий. Атланты)

Русские фразеологические соматизмы говорят нам о том, что в сердце также могут находиться такие тонкие острые объекты, как игла (иголка), заноза, кинжал. Все они легко проникают внутрь сердца и могут застрять в нем и остаться на какое-то, иногда довольно продолжительное, время. И от этого человеку тоже бывает неприятно и больно. См. предложения (5) и (6):

(5) Но это я перенес спокойно, так как снимал фильм «Покровские ворота» по пьесе Л. Зорина, хотя *заноза в сердце* осталась (М. Козаков. В своем квадрате).

(6) Вдруг телефонный звонок, голос – длинная, медленная *игла в сердце* (Е. Замятин. Мы).

Судя по собранному нами корпусу испанских фразеологизмов, в сердце или на сердце тоже могут находиться посторонние объекты, однако они иные, чем в русском языке. Выделю оборот *tener pelos en el corazón*, который буквально означает ‘иметь на сердце волосы’⁸. Указание на наличие на телесном объекте, который испанцы обозначают словом *corazón*, густых волос, которые иногда также называют *шерстью*, может осмысляться двояким образом.

Во-первых, густые волосы могут как бы расти непосредственно на сердце и интерпретироваться как нежелательный посторонний объект. В этом случае указание во внутренней форме фразеологизма на наличие густых волос осмысляется как препятствие на пути к сердцу, в котором хранятся эмоции и к которому трудно подступиться. Любопытно, что в Националь-

⁸ На наш взгляд, здесь имеется в виду, что волос много или что они густые. Если же волос мало, то нет никакой коммуникативной необходимости выделять как отдельный факт наличия волос.

ном корпусе русского языка⁹ находится несколько примеров, в основном первой половины XX в., в которых говорится о том, что на сердце может расти шерсть:

(7) ...Я совсем уже как Иеремия, и даже не своим голосом, выкликала что-то пророчески грозное о сердцах, поросших волчьей шерстью, о камнях мостовой, которые будут есть вместо хлеба те, кто еще не понимает, что такое голод, и об ожесточении, об окаменении, об озверении (*В.Г. Малахьева-Мирович. Маятник жизни моей: дневник русской женщины (1933)*).

(8) ...Теперь творится столько несправедливостей и жестокостей, что сердца людей огрубели, поросли шерстью (*Н.К. Перих. Листы дневника (1947)*).

(9) Мне нужны такие сильные и жадные люди, с меткою рукою, верным взглядом и с сердцем, обросшим шерстью (*А.И. Курпир. Су-ламифь (1908)*).

Мы предлагаем следующее толкование данного фразеологизма в одном из его значений, а именно: *tener pelos en el corazón* 1 – ‘быть бессердечным человеком, таким, как будто у него сердце обросло шерстью’.

Во-вторых, наличие густых волос не внутри человека, а на наружной, видимой поверхности тела, которая скрывает и защищает сердце, то есть на груди, является характерным признаком маскулинности в испанской культуре. Это отражено во втором значении того же фразеологизма, а именно *tener pelos en el corazón* 2 обозначает такие качества, как бесстрашие, смелость или храбрость, и человек при этом описывается как имеющий на груди густые волосы.

У сердца есть по крайней мере одна выделенная (заметная, бросающаяся в глаза), или основная, функция, которая указана в тексте предложенного нами толкования слов *corazón* и *serdце*, а именно ‘снабжать кровью все соматические объекты в теле и на теле человека’. Разумеется, само сердце тоже снабжается кровью. Если сердце выполняет данную функцию плохо, в частности плохо само себя снабжает кровью, то это находит отражение во фразеологии обоих языков. Плохо также, если сердце переполнено кровью (это одно из проявлений признака «избыточность» применительно к сердцу). Говорят, что *serdце переполняется кровью* или, чаще, что *serdце обливается кровью*; аналогичные вы-

⁹ URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-main.html> (дата обращения 22 августа 2022).

ражения есть и в испанском языке, см. о них далее. Когда сердце переполнено кровью, оно плохо обеспечивает поступление крови в различные русла (сосуды) и тем самым доставку крови к другим соматическим объектам.

Выражение *сердце обливается кровью* имеет не только прямое (медицинское), но и переносное, фразеологическое, значение. Физическая аномалия, на которую указывает внутренняя форма фразеологизма (*обливаться кровью*), метафорически переосмыслиется как некая аномалия психических свойств человека – обладателя сердца. Вообще прямое указание физических и функциональных свойств соматических объектов во фразеологии и в метафорике обычно переосмысливается как обозначение психических свойств. Так, в приведенном сочетании кровь метафорически уподобляется слезам, выражающим переживания субъекта за кого-то или за что-то, а чувство жалости или сострадания к кому-то или чему-то уподобляется «сердечному плачу». Обратим внимание на употребление глагола *обливаться* с именами телесных жидкостей: *обливаться кровью, обливаться слезами, обливаться потом*. Заметим при этом, что нет фразеологизованных выражений *обливаться лимфой* или *обливаться желчью*. Однако выражения со слезами и кровью довольно близки друг другу и структурно, и по смыслу.

Фразеологизм *обливаться кровью* и его испанский, тоже фразеологический, эквивалент *el corazón le sangra* означают следующее:

У человека X сердце кровью обливается (по причине некоторого события Z) / el corazón le sangra a X por (Z) означает ‘человек X очень сильно переживает по поводу наступившего или с большой вероятностью наступающего события Z, являющегося злом для него или для близкого ему человека. По этой причине X чувствует очень сильную тревогу или сильное волнение, как будто его сердце переполняется кровью и плохо функционирует’.

Как видим, в толковании отражен факт сильного беспокойства человека по поводу некоего плохого события, которое наступило или которое, как он считает, скорее всего наступит. Это событие в сильной степени влияет или – в случае его реального наступления – повлияет на его/ее дальнейшую жизнь. Внутренняя форма фразеологизма, вводимая маркером *как будто*, связывает свободное и несвободное значения толкуемой единицы.

Причинами, по которым у человека сердце может обливаться кровью, бывают не только реальные наступившие плохие события, но и плохие события, представляемые человеком как весьма вероятные, см. предложение (10):

(10) – Наверное, у тебя *сердце кровью обливается*, когда ты представляешь себе эту картину? («Сергей Устинов – антиквар по призванию // «Мир & Дом. City»).

Испанский фразеологизм *corazón sangra*, который буквально означает то, что сердце <человека> кровоточит, получил в испанско-русском фразеологическом словаре¹⁰ литературный перевод, показывающий, что человек чем-то возмущен или взволнован. См. пример (11):

(11) Los “colaboracionistas” se fueron. Su despedida fue: “Volveremos. Hemos inventado armas terribles. Sépanlo ustedes. *El corazón sangra* cuando se sabe lo que van a hacer de Francia. En Navidad, lo más tardar, estaremos de vuelta” (*J.M. Gironella. Los hombres lloran solos*).

Коллаборационисты ушли. На прощание они сказали: «Мы вернемся. Мы создали чудовищное оружие. Знайте это. *Сердце кровью обливается*, когда узнаешь, что они могут сотворить во Франции» (*Х.М. Хиронея. Мужчины плачут в одиночестве*).

Проанализированные здесь испанские и русские фразеологизмы со словами *corazón* и *сердце* в своей внутренней форме сообщают о конкретных значениях физических признаков сердца: размере, температуре, твердости и др. Было показано, что значениям физических признаков сердца, проявляющихся во фразеологии двух языков, регулярно соответствуют черты характера человека, такие как темперамент, смелость, а также душевные качества, чувства, ощущения или особенности поведения. Сопоставление близких по значению фразеологизмов двух языков со словами *сердце* и *corazón* обнаруживает также различия в их интерпретации. Смысловой спектр испанских фразеологических единиц со словом *corazón* шире, чем русских со словом *сердце*.

Литература

- Козеренко, Крейдлин 2011 – Козеренко А.Д., Крейдлин Г.Е. Фразеологические семантизмы и семиотическая концептуализация тела // Вопросы языкознания. 2011. № 6. С. 54–66.
- Крейдлин 2004 – Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика. Язык тела и естественный язык. 2-е изд. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 592 с.

¹⁰ Левинтова Э.И., Вольф Е.М. Испанско-русский фразеологический словарь. М.: Русский язык, 1985. 1080 с.

ЯиСТ 2020 – Язык и семиотика тела. Т. 1: Тело и телесность в естественном языке и языке жестов / Г.Е. Крейдлин (отв. рук.), П.М. Аркадьев, А.Б. Летучий, С.И. Переверзева, Л.А. Хесед. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 672 с.

References

- Kozerenko, A.D. and Kreidlin, G.E. (2011), "Phraseological somatisms and the semiotic conceptualization of the body", *Topics in the study of language*, no. 6, pp. 54–66.
- Kreidlin, G.E. (2004), *Neverbal'naya semiotika. Yazyk tela i estestvennyi yazyk* [Nonverbal semiotics. The body language and the natural language], *Novoe literaturnoe obozrenie*, Moscow, Russia.
- Kreidlin, G.E., Arkad'ev, P.A., Letuchii, A.B., Pereverzeva, S.I. and Khesed, L.A. *Yazyk i semiotika tela* [Language and the semiotics of the body], vol. 1: *Telo i telesnost' v estestvennom yazyke i yazyke zhestov* [The body and the corporeality in the natural language and the language of gestures], *Novoe literaturnoe obozrenie*, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Григорий Е. Крейдлин, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; gekr@iitp.ru

Information about the author

Grigori E. Kreidlin, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; gekr@iitp.ru

УДК 81`27

DOI: 10.28995/2686-7249-2022-4-348-354

Social spaces as necessity: a neuro-cognitive perspective

Ernst Pöppel

Ludwig Maximilian University, Munich, Germany,

Peking University, Beijing, China, ernst.poeppel@med.uni-muenchen.de

Abstract. Every scientific institution is also a social space. To have worked in different institutions on different continents is both a challenge and a gift. In this personal report, a few experiences and observations are sketched which have been made in China, Russia, the United States, and Germany. The journey begins in Germany, to be exposed to research in ethology and biological rhythms. From there, it goes to the United States, where neuropsychology and neuroanatomy opened a new window. Early on, several doors opened to Russia, and the open doors were used for decades, enjoying interdisciplinary cognitive science. In China, intense cooperation started in the new millennium with the focus on visual attention, temporal processing, and neuroaesthetics. In spite of all the diversity in research topics, in spite of cultural differences, political systems, historical trajectories, there was always one strong belief that never should be given up: Scientists are natural ambassadors.

Keywords: blindsight, circadian rhythms, neuroaesthetics, oscillations, time perception

For citation: Pöppel, E. (2022), "Social spaces as necessity: a neuro-cognitive perspective", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 4, part 3, pp. 348–354, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-4-348-354

Социальные пространства как необходимость: нейрокогнитивный подход

Эрнст Пёппель

Университет Людвига-Максимилиана, Мюнхен, Германия;

Пекинский университет, Пекин, Китай,

ernst.poepfel@med.uni-muenchen.de

Аннотация. Каждое научное учреждение является еще и социальным пространством. Работать в разных учреждениях на разных континентах – это и вызов, и подарок. В этом описании личного опыта освещен ряд научных контактов и наблюдений, полученных в ходе этих контактов в Китае, России, США и Германии. Путешествие начинается в Германии, где я приобрел опыт исследования в области этологии и биологических ритмов. Из Германии мой путь пролегал в Соединенные Штаты, где нейрорпсихология и нейроанатомия открыли новые горизонты. Еще до этого открылись двери в Россию, и эти двери оставались открытыми несколько десятилетий, позволяя сотрудничать в области междисциплинарных когнитивных исследований. В Китае интенсивное сотрудничество началось в новом тысячелетии с упором на визуальное внимание, временную обработку информации и нейроэстетику. Несмотря на все разнообразие тем исследований, несмотря на различия в культуре, политических системах, траекториях исторического развития, для меня всегда существовало одно твердое убеждение, от которого никогда нельзя отказываться: ученые, по сути, являются послами своих государств.

Ключевые слова: ложная слепота, циркадные ритмы, нейроэстетика, осциллограммы, восприятие времени

Для цитирования: Пёппель Э. Социальные пространства как необходимость: нейрокогнитивный подход // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 4. Ч. 3. С. 348–354. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-4-348-354

This is a very personal report. I will make myself an “experimental subject” in this report who had important personal experiences in different “social spaces”. In this journey I raise some scientific issues, in fact more questions than answers. The overriding motto is “scientists are natural ambassadors”.

The journey begins in Germany in the Max-Planck-Institute of Behavioral Physiology. An important person in this “social space” was Konrad Lorenz, one of the founders of modern ethology, the discoverer of “imprinting” who actually was once a professor in Königsberg, or Ka-

liningrad now. With Lorenz, I learned about anthropological universals, or innate releasing patterns [Lorenz 1943], i. e., behavioral patterns that unite all humans, in a complementary way to cultural specifics. What makes us different, what unites us?

The other person in this social space was Jürgen Aschoff, who discovered circadian rhythms in humans [Aschoff 1965]. It was shown that the 24-hour rhythm is self-sustained when subjects spend weeks in complete isolation; I was one of the subjects. This “internal clock” has become an important topic in cognitive science. We can use the 24-hour rhythm as an experimental tool. Yan Bao from Peking University has discovered that we have a morning system that is different from the evening system when paying attention. The “phase differences” of attentional control are a crucial indicator; they indicate that we are dealing with different cognitive systems. This attentional phenomenon can be explained by distinct projection systems of the retina towards central areas of the brain. Thus, neuroanatomy helps to understand cognitive phenomena [Bao, Pöppel 2012].

Now I move to the MIT (Massachusetts Institute of Technology in Cambridge). When I still was at the Max-Planck-Institute of Behavioral Physiology there came as a visitor the provost of MIT and he asked what everybody was doing. I said that I studied the diurnal rhythm of time perception. He said that at MIT somebody had already solved the problem: the diurnal rhythm of time perception is determined by the diurnal rhythm of body temperature, as predicted by chemical laws; the warmer, the faster. I said that this was wrong; he looked surprised. The phases of the maxima do not coincide; the maxima of the two functions are many hours apart. He said, “Do you want to come to MIT?” I said yes.

At MIT, I entered a new social space of high interdisciplinarity. The director was Hans-Lukas Teuber, who got some special “imprinting” from Alexander Luria in Moscow [Luria 1973]; being now Teuber’s student, I suddenly became the scientific grandson of Luria. Research at MIT was dedicated to the visual system, in particular the early visual pathway [Teuber 1960]. I was lucky to discover a phenomenon that was later named “blindsight”. This observation opened the eyes to different knowledge systems, i.e., in addition to explicit knowledge (usually represented in language), we also have to deal with the system of implicit or tacit knowledge [Pöppel, Held, Frost 1973]. When we navigate through the world, we rely mainly on the implicit knowledge system; without consciously “seeing”, we know where we are.

The social space at MIT was characterized by another deep experience. Every Tuesday evening Walle Nauta, a leading neuroanatomist, working however in an institute of psychology, gave lectures which

were attended not only by students but also professors of different faculties [Nauta, Feirtag 1986]. One important message sticks forever in the mind; let us call it “Nauta’s law”: Every nerve cell is not farther away from any other in the brain than 4 intermediate steps. Thus, we have amazing interconnectivity. How to prevent neural chaos because of this high connectivity? The answer is: by neuronal inhibition. Inhibition and disinhibition are essential, for instance, in attentional control.

Now I find myself on my journey between social spaces in Russia. I got to know Victor Shklovsky, who has set up the “Center for Speech Pathology and Neurorehabilitation” in Moscow. This is, in my view, the best center in the world to deal with brain-injured patients. I had several opportunities over the years to present ideas about “blindsight” and temporal processing. This center is a unique “social space” for taking care of patients, also in their personal environment.

It was in the early seventies last century when I worked in the Max-Planck-Institute of Psychiatry in Munich when a visitor came from the Pawlow-Institute near St. Petersburg. It was Nikita Podvigin who discovered neural oscillations in the visual pathway with periods of some 30 milliseconds [Podvigin et al. 2004]. There was only one “mistake”: he published in Russian, and others did not know about it. Years later, after his publications, neural oscillations were “re-discovered” and reported in another language. Now it has become a fashion to work on oscillations in different frequency domains. What are these oscillations described by Podvigin good for? They can serve the purpose of complexity reduction for visual input that is physically ill-defined in the temporal domain. The concept is that one period defines a system state within which the before-after relationship of sensory input is not defined; thus, temporal integration for ill-defined stimuli is made possible [Pöppel 1970].

Many years ago I was visiting Kaliningrad and also Svetlogorsk (formerly Rauschen) at the Baltic Sea. At the university in Kaliningrad, Vera Zobotkina organized within less than a day a lecture for me, and I was impressed that students spoke German. I suddenly found myself in a different social space. The German novelist Thomas Mann stayed for some time in Svetlogorsk before he moved to a house in Nidden. Having dinner at the Baltic Sea, we experienced a physical social space, the sound of the water, and an interdisciplinary social space bringing art and science together. Now Vera Zobotkina, together with colleagues from China and Spain and myself, works on a manuscript about a “taxonomy of cognitive functions”, which is based on evolutionary principles and neuropsychological observations [Zhao et al. 2022]. We have a taxonomy in chemistry, as developed by Mendeleev and Meyer, or in biology, as developed by Linné and substantiated by Darwin, and we need one in cognitive science.

In Moscow, I see myself in episodic memory standing in front of the picture “The Black Square” by Kasimir Malevich in the Tretyakov Gallery. This picture can be used to characterize the deep link between art and science [Bao et al. 2022]. When we ask ourselves what is represented on the retina, the background of the eye, the answer is: only edges and surfaces with different brightness or color [Pöppel 1986]. There are no lines on the retina; lines are a theoretical construct as in Euclidian geometry. This brings me now to China. The Chinese cognitive scientist Lin Chen made a fundamental discovery about the genesis of visual percepts [Chen 2005]. His point is that prior to a local feature analysis, the visual brain extracts topological invariants like edges, surfaces, or holes. As is normal in scientific debates, colleagues have problems with that concept and argue about it; people do not necessarily like new paradigms. Years ago I walked along the Charles River in Cambridge (the river being another social space) with Thomas Kuhn from MIT, discussing with him the concept of “scientific paradigms” in his book “The Structure of Scientific Revolutions”, a book highly recommended [Kuhn 1962]. The data that Lin Chen presents are convincing, but when will they reach others? His discovery is indeed fundamental in cognitive science but beyond the border of the paradigmatic dogma.

Being in the Chinese social space now I experience and have experienced another scientific paradigm we have to deal with. It has been shown that cognitive processes are embedded in a pre-semantic time window of a few seconds; Yan Bao has called this “the magic seconds of 3”. Both behavioral data and brain imaging results indicate that perceptual processes, aesthetic evaluations, and many other phenomena are embedded in a temporal window of a few seconds. What is important: this time window is not created BY the information processed, but FOR information processing in neural systems; thus, it is pre-semantic. This time window serves the purpose to create and maintain perceptual and conceptual identity – for some time; after this time segment a new percept or concept can enter consciousness, or the previous one is confirmed.

The journey between these personal social spaces has come to an end; it has brought me from Germany to the US, to Russia, to China [Pöppel 2018]. Many scientific questions remain open. What remains, however, is that on the basis of personal trust and friendship, we work together; in the ideal case, we follow one goal, which is a better understanding of the nature within us and the nature around us, and we enhance our understanding of being embedded in a cultural environment, being part of social spaces that may be different on the surface but are connected below the surface. Science itself is a social space. Scientists are natural ambassadors living in this space.

Acknowledgements

During the different phases of this report substantial material and spiritual support have been obtained from the Max-Planck-Society, the German Research Foundation, the Neurosciences Research Program of the Massachusetts Institute of Technology, the Federal Ministry of Research and Technology (Germany), the Parmenides Foundation, the Russian State University for the Humanities, the Chinese Academy of Sciences, and the Human Science Center of Ludwig Maximilian University Munich, which is gratefully acknowledged.

Благодарности

На разных этапах работы над этим отчетом существенная материальная и духовная поддержка была получена от Общества Макса Планка, Немецкого исследовательского фонда, Программы исследований в области неврологии Массачусетского технологического института, Федерального министерства исследований и технологий (Германия), Фонда «Парменид», Российского государственного гуманитарного университета, Китайской академии наук, а также от Центра гуманитарных наук Мюнхенского университета Людвиг-Максимилиана, за что выражаем свою благодарность.

References

- Aschoff, J. (1965), "Circadian rhythms in man", *Science*, no. 148, pp. 1427–1432.
- Bao, Y. and Pöppel, E. (2012), "Anthropological universals and cultural specifics: Conceptual and methodological challenges in cultural neuroscience", *Neuroscience and Biobehavioral Reviews*, no. 36, pp. 2143–2146.
- Bao, Y., Zhang, D., Zhao, C., Pöppel, E. and Zobotkina, V. (2022), "An Aesthetic Frame for Three Modes of Knowing", *PsyCh Journal*, no. 11, pp. 636–644.
- Chen, L. (2005), "The topological approach to perceptual organization", *Visual Cognition*, no. 12, pp. 553–637.
- Kuhn, Th. (1962), *The structure of scientific revolutions*, University of Chicago Press, Chicago, USA.
- Lorenz, K. (1943), "Die angeborenen Formen möglicher Erfahrung (Innate forms of possible experience)", *Zeitschrift für Tierpsychologie*, no. 5, pp. 235–409.
- Luria, A.R. (1973), *The Working Brain. An Introduction to Neuropsychology*, Basic Books, New York, NY, USA.
- Nauta, W.J.H., Feirtag, M (1986), *Fundamental Neuroanatomy*. Freeman and Co., New York, NY, USA.

- Podvigin, N.F., Bagaeva, T.V., Boykova, E.V., Zargarov, A.A., Podvigina, D.N. and Pöppel, E. (2004), “Three bands of oscillatory activity in the lateral geniculate nucleus of the cat visual system”, *Neuroscience Letters*, no. 361, pp. 83–85.
- Pöppel, E. (1970), “Excitability cycles in central intermittency”, *Psychologische Forschung*, no. 34, pp. 1–9.
- Pöppel, E. (1986), “Long-range colour-generating interactions across the retina”, *Nature*, no. 320, pp. 523–525.
- Pöppel, E. (2018), “East of West, West of East: a matter of global and local identity”, *Cognitive Processing*, no. 19, pp. 115–119, doi.org/10.1007/s10339-018-0885-2.
- Pöppel, E., Held, R. and Frost, D. (1973), “Residual visual function after brain wounds involving the central visual pathways in man”, *Nature*, no. 243, pp. 295–296.
- Teuber, H.L. (1960), *Perception. Handbook of physiology – Neurophysiology III*, Springer Verlag, Germany, pp. 1595–1668.
- Zhao, Ch., Enriquez, P., Izadifar, M., Pöppel, E., Bao, Y. and Zobotkina, V. (2022), “Complementarity of Mental Content and Logistic Algorithms in a Taxonomy of Cognitive Functions”, *PsyCh Journal*, no. 11 (2022), pp. 1–7.

Information about the author

Ernst Pöppel, Dr. phil. (Psychology), Dr. med. habil. (Sensory Physiology) Maximilian University, Munich, Germany; bld. 31, Goethestrasse, Munich, Germany, 80336;

Guest professor at School of Psychological and Cognitive Sciences, Peking University, Beijing, China; bld. 5, Yiheyuan Road, Beijing, China, 100080; ernst.poeppel@med.uni-muenchen.de

Информация об авторе

Эрнст Пёппель, доктор психологии, доктор медицинских наук (физиология сенсорных систем), Мюнхенский университет имени Людвиг-Максимилиана, Мюнхен, Германия; 80336, Германия, Мюнхен, Гёте-штрассе, д. 31;

приглашенный профессор факультета психологии и когнитивных наук, Пекинский университет, Ихэюань-роуд, Китай; 100080, Китай, Ихэюань-роуд, д. 5; ernst.poeppel@med.uni-muenchen.de

Ассоциация как одна из фаз познавательной
деятельности сознания в процессе генерации *новой* идеи
(репрезентация ассоциативного мышления
на примере права)

Ханлар Д. Аликперов

Центр правовых исследований, Баку, Азербайджанская Республика,

xan_alikperov@hotmail.com

Аннотация. Генерация новой идеи, вырабатываемой на стадии ассоциативной фазы мышления, осуществляется посредством многоступенчатой деятельности сознания: формулировка проблемы (далее сокращенно – «П»); *проникновение в суть* «П» (*изучение, анализ, выдвигание гипотез и т. д.*); вычленение из «П» неизвестных граней; разработка алгоритма поиска путей решения этих граней; частичный отход от попыток решить «П» традиционными научными методами; произвольный переход «П» со всей накопленной информацией о ней на подсознательные пласты психики для поиска ее решения; поиск на подсознательном уровне оптимального пути решения «П» и ретрансляция полученных результатов в сознание, которое временно отошло от ее решения; внезапно возникшая перед исследователем (на ментальном или физическом уровне) случайная фигура (форма, образ и т. д.), не связанная с решаемой «П». Однако ее конфигурация и отдельные элементы вызывают ассоциативные сравнения с нерешенной «П» и как бы наталкивают на выдвигание новых гипотез о методах ее решения; максимальная активизация возникших ассоциативных впечатлений, их расшифровка, изучение, сопоставление, анализ, выявление связей между ними и с «П»; подключение индуктивного мышления с целью проверки и упорядочения возникших ассоциативных версий путей решения «П»; процесс выработки четких словесных формулировок результатов индуктивного мышления; внезапное озарение – нахождение оптимального способа решения проблемы.

Эта далеко не полная картина механизма ассоциативной генерации правильного инсайта позволяет предположить, что озарение – вовсе не щедрый «подарок» информационного поля Земли или иных таинственных сил природы. Скорее всего, оно – концентрированный плод собственных размышлений исследователя над проблемой, над решением которой долгое время «бились» его извилины, которые, достигнув эмергентного состояния, трансформировались в готовый рецепт решения рассматри-

© Аликперов Х.Д., 2022

ваемой проблемы. Иными словами, накопленные исследователем знания на определенном этапе переходят на качественно иной уровень, который, в свою очередь, порождает у него принципиально новые когнитивные возможности, благодаря чему порой (это уже зависит от генов) его «Эго» (с подачи подсознания) запускает процесс просветления, триггером которого выступает проблема, над решением которой он работает.

Ключевые слова: ассоциативное мышление, трансформация, гештальт, сознание, инсайт, познание, феномен

Для цитирования: Аликперов Х.Д. Ассоциация как одна из фаз познавательной деятельности сознания в процессе генерации новой идеи (репрезентация ассоциативного мышления на примере права) // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 4. Ч. 3. С. 355–364. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-4-355-364

Association as one of the phases of cognitive activity consciousness in the process of generating a *new* idea (representation of associative thinking on the example of law)

Khanlar D. Alikperov
Legal Research Center, Baku, Azerbaijan,
xan_alikperov@hotmail.com

Abstract. The generation of a new idea, developed at the stage of the associative phase of thinking, is carried out through a multi-stage activity of consciousness: the formulation of the problem (hereinafter abbreviated – “P”); insight into the essence of “P” (study, analysis, hypotheses, etc.); isolation from “P” unknown faces; development of an algorithm for finding a way to solve these faces; partial withdrawal from attempts solve “P” by traditional scientific methods; arbitrary transition of “P” with all the accumulated information about it to the subconscious layers of the psyche to search for its solution; search on the subconscious level for the optimal way to solve the “P” and relay the results obtained to consciousness, which has temporarily moved away from its solution; a random figure (form, image, etc.) that suddenly appeared in front of the researcher (at the mental or physical level), not related to the “P” being solved. However, its configuration and individual elements cause associative comparisons with the unresolved “P” and, as it were, prompt the putting forward of new hypotheses about the methods of its solution; maximum activation of the associative impressions that have arisen, their decoding, study, comparison, analysis, identification of connections between them and with “P”; connection of inductive thinking in order to check and streamline the resulting

associative versions of the ways to solve “P”; the process of developing a clear verbal formulation of the results of inductive thinking; sudden insight – finding the best way to solve a problem.

This far from complete picture of the mechanism of associative generation of correct insight suggests that insight is not at all a generous “gift” of the information field of the Earth or other mysterious forces of nature. Most likely, it is a concentrated fruit of the researcher’s own reflections on the problem, over the solution of which his convolutions “fought” for a long time, which, having reached an emergent state, were transformed into a ready-made solution recipe. The problem under consideration. In other words, the knowledge accumulated by the researcher at a certain stage moves to a qualitatively different level, which, in turn, gives rise to fundamentally new cognitive abilities in him, due to which sometimes (this already depends on the genes) his “Ego” (from the subconscious mind) starts the process enlightenment, the trigger of which is the problem, on the solution of which he is working.

Keywords: associative thinking, transformation, gestalt, consciousness, insight, cognition, phenomenon

For citation: Alikperov, Kh.D. (2022), “Association as one of the phases of cognitive activity consciousness in the process of generating a *new* idea (representation of associative thinking on the example of law)”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 4, part 3, pp. 355–364, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-4-355-364

5–6 апреля 2022 г. в рамках форума «Гуманитарные чтения РГГУ–2022» в Российском государственном гуманитарном университете совместно с Санкт-Петербургским государственным университетом была организована и проведена международная конференция на тему «Интегративные и кросс-культурные подходы к изучению мышления и языка». В работе этого представительного форума принимали участие видные ученые-специалисты в области философии и социологии, психологии и лингвистики, филологии и криминологии и т. д., многие из которых выступили на пленарном заседании с крайне интересными докладами. Среди них особо хотелось бы выделить содержательные доклады члена-корреспондента РАН, профессора Ж.Т. Тощенко, профессоров В.И. Заботкиной, Т.В. Черниговской и др., в которых были проанализированы фундаментальные аспекты интегративных процессов в рамках когнитивной науки, возможности формирования новых кластеров наук в пределах гуманитарной науки и т. д.

Мне как криминологу весьма импонирует то, что тематика конференции и многие доклады, вынесенные на обсуждение, так

или иначе соприкасались с предметом криминологии. Здесь хотелось бы отметить, что криминология достаточно многовекторная научная дисциплина трансдисциплинарного характера, в силу чего большинство фундаментальных исследований в этой области часто выходят далеко за рамки тех или иных правовых наук криминального цикла.

Это объясняется тем, что в современных условиях без широкого использования новейших достижений когнитивных наук и других источников научного познания крайне сложно распознать как глубинные пласты патогенеза преступности, так и неизведанные грани наказания, разработать алгоритм превентивных мер противодействия этому опасному социально-правовому феномену и подвергнуть комплексному анализу мотивацию индивидуального преступного поведения и т. д. Поэтому сегодня большинство фундаментальных исследований, проводимых в рамках криминологии, как правило, носят междисциплинарный характер, и преступноведы творчески используют достижения как когнитивных, так и естественных наук.

Говоря о криминологии, нельзя обойти молчанием и тот факт, что она, помимо всего прочего, играет и санитарно-правовую роль в обществе, в силу чего является своего рода его социальной селезенкой и желчным пузырем. В частности, осуществляя столь своеобразную социально-правовую инженерию, криминология разрабатывает для системы правоохраны превентивные организационно-правовые и методические инструментариумы для эффективного расщепления ядовитых элементов правонарушений и токсичных компонентов девиантного поведения в социуме. В силу изложенного вызывает сожаление, что криминология по сей день не принята в семью когнитивных наук.

С учетом этих предварительных замечаний я на основе собственного опыта кратко остановлюсь на роли ассоциативного и дискурсивного мышления в процессе генерации новых идей. При этом, говоря «новые идеи», я имею в виду не их локальные разновидности, а исключительно те, которые носят системообразующий характер и со временем становятся локомотивом кардинального развития отдельных учений в рамках тех или иных наук.

Многолетний опыт показывает, что идеи, локального или глобального характера, перманентно посещают каждого из нас. Однако не каждый может распознать их, увидеть в них зачатки алгоритма решения той или иной фундаментальной научной проблемы. Такая прозорливость – удел лишь тех, кто пытается в своих исследованиях сказать «что-то», а не писать «о чем-то». А для этого, как отмечал Николай Бердяев, «нужен гений или огромный творческий

дар... сказать же *о чем-то* можно и при гораздо более скромных дарованиях» [Бердяев 2007, с. 7–8].

Словом, путь к мигу озарения достаточно длинный и сложный, а познание информации, заложенной в нем, требует от претендента на инсайт не только безупречных профессиональных знаний, но и достаточных познаний об окружающем мире, способностей к целостному восприятию пространства и времени, навыков ассоциативного и рассудочного мышления и т. д.

Об этом мне рассказывали мои незабвенные наставники, общепризнанные корифеи в сфере криминологии и уголовного права, заслуженные деятели науки России Игорь Иванович Карпец и Генрих Михайлович Миньковский, с которыми судьба свела меня в дни мои аспирантские в начале 80-х гг. прошлого столетия в Академии МВД СССР. Они научили меня мыслить по их особому рецепту.

Так, профессор Карпец говорил, что надо уединиться с возникшей проблемой, размышлять над ней масштабно и неустанно в уме вопрошать о том, что ты ищешь конкретно, и тогда через определенное время искомый ответ придет к тебе сам. А профессор Миньковский советовал мне при поиске решения сложной проблемы максимально абстрагироваться от данностей, господствующих в науке по рассматриваемому вопросу, выбирать исследовательский путь, который свободен или по которому не идут другие; научиться слышать свой внутренний голос и всегда помнить, что истина порой лежит за пределами данностей.

Только так, по их мнению, можно отбросить узкие формы и границы мысли, вырваться на бескрайние просторы вольных понятий и раскрепощенных представлений, на лоне которых в глубинных пластах своего сознания ты сможешь найти ответы на многие поставленные вопросы, которые не всегда могут быть объяснены известными законами природы или знаниями, полученными обычными сенсорными путями.

Взяв на вооружение эти нестандартные исследовательские методы, я начал иными мерками измерять сложность возникающих проблем и прокладывать путь к их решению. В частности, апробация перечисленных методов мышления со временем убедила меня, что для успешного исследования тех или иных фундаментальных проблем необходимы определенные предпосылки.

Во-первых, наличие достаточного свободного времени для научных изысканий. Ведь давно сказано, что наука – интеллектуальный продукт свободного времени.

Во-вторых, голова исследователя не должна быть забита бытовыми проблемами.

В-третьих, необходима солидная база знаний в различных областях науки, литературе, искусстве и т. д.

В-четвертых, предмет, избранный для исследования, должен быть настолько фундаментальным, чтобы в процессе работы ты был вынужден сгенерировать что-то смыслопорождающее.

Наконец, в-пятых, важно уединиться с решаемой проблемой в тиши, безмолвие которой пробуждает тонкие струны интеллектуальных возможностей человека. В частности, этот остов вольнодумства создает сложно доступную для описания духовную обстановку для созерцания и абстрактного мышления на лоне завораживающей тиши, уводящей тебя далеко-далеко за пределы привычной системы координат и правил мировосприятия.

Рис. 1. Алгоритм генерации новой идеи

Пребывая в своем сознании за пределами данности, твоё «Эго» раскрепощается, решительно сбрасывает с себя физические законы бытия и отпускает узды полета творческой мысли на вольные хлеба. В этом неопишемом мироздании для тебя лично Вселенная сужается до одной точки, сконцентрировавшись на которой, ты плавно перемещаешься в другой мир, где перед твоим внутренним взором открываются глубинные пласты собственного сознания.

Оказавшись там и убрав все преграды мышления, ты приступаешь к анализу новых идей, щедро сыплющихся из бездны премудрости на рецепторы твоих ментальных струн, от чего они начинают

тихо издавать нежную мелодию Софии, звуки которой еще не отражены ни в нотах уголовного права, ни в житнице криминологии...

Описанный выше ступенчатый процесс генерации инсайта схематично показан на рис. 1.

Большинство своих новел в теории уголовного права и криминологии я разработал благодаря уединению, божественные аккорды которого пробуждают в твоих извилинах *что-то* качественно новое, смыслообразующее. Пропустив это *что-то* через ситце своих извилин и собрав крупички озарения в единое целое, ты бросаешь вызов некоторым аксиоматичным премудростям, господствующим в теории, и печатными словами, неведомо откуда берущимися в твоём ментальном аппарате, начинаешь в бессонных ночах выводить на белом листе первые штрихи концепции того или иного нового учения, которые в мучительной череде проб и ошибок, сомнений и прозрений постепенно выкристаллизовываются.

Теперь несколько слов о самом механизме возникновения новой идеи. Поиск оптимального решения той или иной фундаментальной проблемы, над которой ты корпишь не один год, совершенно случайно венчается успехом: в один прекрасный миг ты вдруг на лету хватаешь «Эврику» за хвост, и ее благодатный свет освещает заветную тропинку, ведущую к решению поставленной задачи. Но во всем этом есть одна особенность, так сказать, своя не домолотая мука – столь стремительный полет мысли бывает непродолжительным, а главное – не всегда способствует достижению поставленной цели, хотя в миг озарения и была показана дорога к ней.

Иными словами, не в каждом просветлении возможно разглядеть истину, так как посетивший тебя инсайт не всегда предполагает возможность ее познания. Как правило, она дается тебе в виде символов, аллегорий, образов, а проблемы ее разгадки Отправитель оставляет твоим извилинам. А они, как показывает личный опыт, оперируя строго в рамках данностей, к которым ты их приковал еще со студенческих лет, чаще всего не справляются с этой задачей. Поэтому порой бывает и так, что спустя определенное время (максимум, через 2–3 дня) страсть души угасает, так и не успев в полной мере вкушать радость посещения «Эврики» и осознать ее в полной мере.

Наступает час пробуждения рассудка, и, вернувшись к берегам здравого смысла, приходит горькое осознание, что ты вовсе не картезианский индивидуум, а всего лишь подобие аффективного субъекта Спинозы.

Отсюда первый важный вывод: подобные идеи, как правило, могут посетить лишь тех, кто обладает незаурядным багажом знаний.

Во-вторых, инсайт посещает исследователя (да и не только его) внезапно и застигает врасплох, причем в любом месте и в любой ситуации. При этом в качестве триггера могут выступать любые мыслимые и немыслимые природные, техногенные, социальные или антропогенные явления и процессы, происходящие в различных сегментах культурной или естественной среды. К примеру, пусковым механизмом просветления может стать одно-единственное слово, высказанное при общении с собеседником, или случайное явление; либо чтение художественной или специальной литературы и т. д. Примером сказанному могут служить открытия Александром Флемингом пенициллина, Ньютоном – классической теории тяготения и т. д. Нередко инсайт посещает человека и во сне. Здесь можно сослаться не только на знаменитую таблицу Менделеева, но и на всемирно известного канадского режиссера Джеймса Кэмерона, который концепцию сценария своего будущего научно-фантастического или эпического фильма видит во сне.

В-третьих, озарение – явление крайне мимолетное, и если в этот миг вы не поймали его за хвост и не вобрали из него информацию, то позже может и не быть такого мгновения.

В-четвертых, чем ценнее идея, возникающая в состоянии озарения, тем сложнее механизм ее расшифровки. Как правило, он предстает перед вами фрагментарно, как бы в виде паззлов, среди которых не достает нескольких системообразующих элементов для создания целостной картины посетившей идеи. Их поиск или разработку Отправитель оставляет адресату.

Эта неполная картина процесса поэтапной генерации новых идей позволяет выдвигать гипотезу, что озарение – вовсе не щедрый «подарок» информационного поля Земли или иных сил природы. Скорее всего, оно – идея, навеянная ассоциациями, так сказать, концентрированный плод ассоциативного и дискурсивного мышления исследователя о путях решения проблемы, над поиском которого долгое время «бились» его извилины и, достигнув критического уровня, трансформировались в искомое решение поставленной проблемы.

Здесь, видимо, накопленные исследователем знания на этапе их синтеза переходят на качественно иной уровень, который, в свою очередь, порождает у него новые когнитивные возможности, благодаря чему его Самость порой (это зависит от генов и случая) запускает процесс просветления, что позволяет в финале выработать оптимальное решение исследуемой проблемы.

Описанный выше механизм генерации инсайта я в последний раз наблюдал в ходе исследования патогенеза преступности и бытия наказания, результаты которого превзошли ожидания. К при-

меру, было установлено, что причины преступности не от мира сего, так как они гнездятся внутри самого человека. Более того, оказалось, что наказание на самом деле не что иное, как репрезентация, т. е. копия того, чего на самом деле нет, а то, что мы называем наказанием, – нечеловекотворный феномен, зародившийся задолго до сотворения Адама в виде насилия (психического, физического и т. д.), применяемого всеми живыми организмами с целью кары, самообороны, для добывания пищи, осуществления агрессии, подавления ближнего и т. д.

В завершение хочу поделиться одной гипотезой, которая сформировалась у меня в результате неоднократного соприкосновения с внезапно посетившими меня инсайтами. Мне представляется, что в глубинных пластах мыслительной деятельности каждого человека есть собственный храм информационного поля Вселенной, который заложен в его генотип еще на стадии зачатия, ключ к дверям которого он должен подобрать сам. В пользу этой гипотезы опосредованно говорит совместное исследование ученых Болонского и Веронского университетов Франко Вацца и Альберто Фелетти, которые доказали, что человеческий мозг по своему строению и взаимодействию в нем нейронов поразительно похож на Вселенную.

Феномен инсайта натолкнул меня еще на одну мысль: видимо, в архитектонике *Homo sapiens*, помимо известных органов познания, есть еще эндогенное ухо с автономным рассудочным аппаратом, которое, преодолевая огромные временные интервалы и постоянно перемещаясь в портале пространственно-временной непрерывности и неразрывности, улавливает модусные пророчества и предостережения, исходящие от Логоса. Такой слуховой биоаппарат базируется внутри человека в анабиозном состоянии и активизируется лишь у особо одаренных людей (к примеру, предсказатели Нострадамус, Ванга, Мессинг, фантасты Жюль Верн, Герберт Уэллс и другие, предсказания которых, как известно, во многом сбылись).

Насколько жизнеспособны эти гипотезы – судить специалистам.

Литература

Бердяев 2007 – *Бердяев Н.А.* Философия свободы. М.: АСТ, 2007. 699 с.

Reference

Berdyayev, N.A. (2007), *Filosofiya svobody* [Philosophy of freedom], AST, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Ханлар Д. Аликперов, доктор юридических наук, профессор, Центр правовых исследований, Баку, Азербайджан; AZ 1073, Азербайджан, Баку, ул. Микаила Мушвига, 2, офис 17; xan_alikperov@hotmail.com

Information about the author

Khanlar J. Alikperov, Dr. of Sci. (Law), professor, Legal Research Center, Baku, Azerbaijan; office 17, bld. 2, Mikaila Mushfiga Street, Baku, Azerbaijan, AZ 1073; xan_alikperov@hotmail.com

О модальной семантике
и семиотических инструментах
построения исторической памяти

Сурен Т. Золян

*Российско-Армянский университет, Ереван, Армения,
Балтийский федеральный университет им. И. Канта,
Калининград, Россия, surenzolyan@gmail.com*

Аннотация. Историческая память репрезентирует прошлое посредством различных семиотических инструментов: нарративов, символов, памятников, ритуалов, и т. д. Подобные формы репрезентации исключают возможность применения к ним семантических критериев оценки истинностного значения. Однако нарративы и другие формы репрезентации исторической памяти претендуют на то, что они основаны на исторических фактах и представляют историческую реальность такой, какой она была/есть. Мы предлагаем рассматривать историческую память и ее представление как многоуровневую семантическую систему. Применительно к историческому дискурсу, где прямое соответствие факта и его описания невозможно, не сама реальность, а ее различные репрезентации/интерпретации представляют собой область референции дискурса. Показано, что такой подход позволяет перенести на исторический дискурс понимание семантической системы языка как механизма, предназначенного на описание возможных состояний дел, а также выявить соотношенность, с одной стороны, между такими разнородными характеристиками, как модальность, каузальность и текстуальность, а с другой – между теориями, описывающими подобные аспекты исторических нарративов. Показано, каким образом в свете семантики возможных миров по-новому интерпретируется известное положение Аристотеля о разграничении исторических и поэтических нарративов. Идеи Ю.М. Лотмана об одновременно проспективном и ретроспективном взгляде позволяют продемонстрировать взаимодействие модальных и темпоральных операторов в историческом дискурсе.

Ключевые слова: Историческая память, модальная семантика, репрезентация прошлого, текстуальность, каузальность, Аристотель, Витгенштейн, Юрий Лотман

Для цитирования: Золян С.Т. О модальной семантике и семиотических инструментах построения исторической памяти // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 4. Ч. 3. С. 365–377. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-4-365-377

Modal semantics and semiotic instruments of constructing of a historical memory

Suren T. Zolyan

*Russian-Armenian University, Yerevan, Armenia,
Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia,
surenzolyan@gmail.com*

Abstract. Historical memory represents the past by some semiotic tools: narratives, symbols, monuments, rituals, etc. The semantic criteria of true-value assessment are not compatible with such representations. However, collective memory narratives pretend to be based on historical facts and represent the historical reality as it was. We suggest considering historical memory and its representation as a multilevel semantic system. The proposed description method is based on modal semantics, where the meaning of the language expression is considered as a system of domains of interpretation (reference) linked by modal relations. As applied to a historical discourse where the direct correspondence of fact and its description is impossible, it is not the reality itself but its representation that constitutes a domain of reference. It demonstrates that such an approach makes it possible to extrapolate on historical discourse the consideration of the semantic system of language as a mechanism intended for a description of possible states of affairs (Wittgenstein), and to identify, on the one hand, the correlation between such heterogeneous characteristics as modality, causality and textuality, and on the other, between theories describing such aspects of historical narratives. In the frame of the semantics of possible worlds, it is possible to reinterpret Aristotle's well-known statement on the distinction and correlation between historical and poetic narratives. Yu. Lotman's ideas about both prospective and retrospective views make it possible to demonstrate the interaction of modal and temporal operators in historical discourse.

Keywords: Historical memory, modal semantics, representation of the past, textuality, causality, Aristotle, Wittgenstein, Yurii Lotman

For citation: Zolyan, S.T. (2022), "Modal semantics and semiotic instruments of constructing of a historical memory", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 4, part 3, pp. 365–377, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-4-365-377

Все, что может быть описано,
может и случиться.

Л. Витгенштейн

Логико-философский трактат

Я верую в пророчества пиитов.
Нет, не вотще в их пламенной груди
Кипит восторг: благословится подвиг,
Его ж они прославили заране!

А.С. Пушкин. Борис Годунов

1. Цель статьи – описать некоторые логико-семантические и семиотические механизмы формирования исторической памяти. Несмотря на огромное количество исследований, описывающих различные проявления исторической (коллективной, культурной) памяти, крайне мало внимания уделяется самой возможности ее формирования и ее соотносительности с общими когнитивными механизмами памяти. Исключения составляют глубокие исследования Юрия Лотмана о семиотических характеристиках исторического дискурса, им же было отмечен креативный потенциал механизмов памяти культуры¹:

Механизмы памяти культуры обладают исключительной реконструирующей силой. Это приводит к парадоксальному положению: из памяти культуры можно извлечь больше, чем в нее внесено. Эта способность ретроспективно наращивать память говорит о принципиально ином ее устройстве, чем то, которым до сих пор наделяются искусственные интеллектуальные устройства [Лотман 2000, с. 568].

В подтверждение этому мы попытаемся рассмотреть семантические условия, при которых становится возможным этот процесс.

2. История и историческая память репрезентируют прошлое посредством различных семиотических инструментов: нарративов, символов, памятников, песен, и т. д. Подобные формы репрезентации исключают возможность применения к ним семантических критериев оценки истинностного значения, основанных на корреспондентных процедурах его оценки. Требуется особые модальные и темпоральные операторы (*возможно, было, рассказывают* и т. д.).

¹ Напомним, что, как было обосновано в [Ассман 2004], понятие *культурная память* может быть рассмотрено как более приемлемое для обозначения представлений о прошлом и исторических событиях.

Например, формула: высказывание «Снег белый» истинно, если и только если снег белый. Оно предполагает возможность непосредственной проверки. Если же эта ситуация перенесена в прошлое «Снег был белым», то все процедуры истинностной оценки предполагают уже введение некоторых темпоральных операторов «было так, что». При этом в соответствии логикой времени Артура Прайора [Прайор 1981] это предполагает, что мир в настоящем некогда был тем самым миром, в котором в некоторый момент времени снег был белым, и мир, в котором мы сейчас находимся, есть наследник именно того мира. В противном случае, помимо темпорального, понадобился бы некоторый иной оператор («мог быть», «мог не быть» и т. п.). Однако откуда возникает возможность путешествия во времени и в некоторый момент, предшествующий данному, удостовериться в том, что снег в этот момент действительно белый? Эту функцию повествователь, излагающий факты о прошлом, как бы перепоручает другому – очевидцу, который действительно существовал в тот момент, воочию видел то, что снег в тот момент был белым, и – более того, оставил об этом достоверное свидетельство (разумеется, это относится и к факту существования подобного очевидца).

Нарративы и другие формы репрезентации истории и исторической памяти претендуют на то, чтобы они основаны на исторических фактах и представляют историческую реальность такой, какой она есть/была. Однако в качестве таких фактов выступают тексты – как вербальные, так и материальные объекты, которым приписывается знаковая функция (археологические артефакты интерпретируются как знаки, отсылающие к некоторому обозначаемому). Таким образом, описание прошлого отсылает к некоторому предыдущему нарратору или квази-автору (например, раскопки города или гробницы описываются как некоторое послание создавшего его социума). Разумеется, в этом случае возникает вопрос об адекватности как первичной записи, так и ее последующей интерпретации. Тем самым возникает многоуровневая семантическая и прагмасемантическая модальная система, хотя призванная создать иллюзию фактологического повествования. Однако это повествование детерминировано модальными операторами; темпоральные операторы времени смешиваются с деонтическими и эпистемическими. Субъективный компонент (условно: автор и интерпретатор) существенно влияет на описание исторического прошлого. Это постоянное взаимодействие между нарративами и их интерпретациями создает новую ситуацию. Переосмысление существующих нарративов в изменяющихся контекстуальных условиях приводит к созданию новых версий прошлого. Так, историк-повествователь

(или коллективный «автор» нарратива) может быть включен в семантическую систему исторической памяти – как отдельная описывающая система, рассматривающая взаимодействие субъектов, описаний и установок.

Какковы семиотические основы описания прошлого? Можно выдвинуть парадоксальную формулу – описания того, что было, есть частный случай описания того, что могло быть. Обычно описание возможного обращено к будущему – как того, что может случиться. Именно на это ориентированы приведенные в эпиграфе высказывания поэта Александра Пушкина (точнее, Дмитрия Самозванца, высказанные – якобы – в присутствии боярина Гаврилы Пушкина, предка Александра Пушкина) и философа-логика Людвиг Витгенштейна: то, что может быть описано посредством поэтического или формального языка, может и случиться. Однако основа этой возможности поэтического или же логического описания возможностей и тем самым предсказаний будущих состояний дел лежит в самом семантическом механизме языка:

Since man can represent to himself the way, the world is he can represent to himself the way the world might be but isn't. So a formal theory of what is going on leads naturally to the postulation of entities which are these 'ways the world might be'; these are the possible worlds. Language then becomes a rule-governed device for putting into the mind of another a representation of the same set of possible worlds which is in the mind of the speaker. If this is so, then the notion of a possible world is at the heart of semantics and is even more basic than the notion of truth [Cresswell 1988, p. 29].

Описания прошлого также оказываются основанными на выборе из некоторого набора возможностей. Вспомним парадоксальную мысль Шлегеля, которую не совсем точно (заменяв Шлегеля Гегелем) высказал Борис Пастернак:

Однажды Гегель ненароком
И, вероятно, наугад
Назвал историка пророком,
Предсказывающим назад².

² Ср.: «Историк – это пророк, обращенный в прошлое» (Шлегель Ф. Фрагменты / Пер. Ю.Н. Попова // Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика: В 2 т. Т. 1. М., 2003. С. 203.

3. Приведенные в качестве эпиграфа тезис Витгенштейна и рассуждения Пушкина дополняют друг друга, поскольку предполагают различные принципы описания того, *что может случиться*. Тезис Витгенштейна отсылает к модальной семантике, фундаментальному свойству языка, которое позволяет нам описывать мир таким, каким он мог бы быть. Но при этом Витгенштейн имел в виду логические описания, поэтому он оговаривал: «То, что может быть описано, тоже может произойти, и то, что закон причинности призван исключить, даже не может быть описано» [Витгенштейн 1958, 6, с. 362].

Однако помимо логики причинности, следует упомянуть логику текстуальности, именно то, что разрабатывается в поэтике и риторике. Первоначальное противопоставление истории и мифа – того, что было в действительности, и того, что было придумано, – уступает место более глубокому разграничению как различию в модусе повествования. Именно так определяется различие между поэзией и историографией в «Поэтике» Аристотеля:

Из сказанного ясно и то, что задача поэта – говорить не о том, что было, а о том, что могло бы быть, будучи возможно в силу вероятности или необходимости (τὸ εἰκὸς ἢ τὸ ἀναγκαῖον). [51b1] Ибо историк и поэт различаются не тем, что один пишет стихами, а другой прозой (ведь и Геродота можно переложить в стихи, но сочинение его все равно останется историей, в стихах ли, в прозе ли), – нет, различаются они тем, что один говорит о том, что было, а другой о том, что могло бы быть. [b5] Поэтому поэзия философичнее и серьезнее истории – ибо поэзия больше говорит об общем (τὰ καθόλου), история – о единичном (τὰ καθ' ἕκαστον). [b8] Общее есть то, что по необходимости или вероятности такому-то <характеру> подобает говорить или делать то-то; это и стремится <показать> поэзия, давая <героям вымышленные> имена. [b10] А единичное – это, например, что сделал или претерпел Алкивиад³.

Приведенный фрагмент хорошо известен, но куда меньшее внимание привлекало его продолжение, где Аристотель предполагает, что *сочинитель* может сочинить и то, что случилось в действительности.

[b27] Итак, отсюда ясно, что сочинитель должен быть сочинителем не столько метров, сколько сказаний: ведь сочинитель он постольку,

³ *Аристотель*. Поэтика // Аристотель. Соч.: В 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1984. С. 655.

поскольку подражает, а подражает он действиям. [b29] Впрочем, даже если ему придется сочинять <действительно> случившееся, он все же останется сочинителем – ведь ничто не мешает тому, чтобы иные из случившихся событий были таковы, каковы они могли бы случиться по вероятности и возможности; в этом отношении он и будет их сочинителем⁴.

Вышеприведенный тезис Витгенштейна может помочь понять эту парадоксальную мысль: если случившиеся события не случайны, то есть могут быть описаны (наперед?) так, как если бы они происходили в силу закона причинности (по Витгенштейну), или по вероятности и возможности (по Аристотелю), то действительно случившееся предстает как сочиненное.

И наоборот, при отсутствии или недостаточной каузальности сочиненное, хоть и не перестает быть нарративом (*сказанием*), выводится Аристотелем за рамки жанра. В пользу этого предположения свидетельствует то, что дальнейшие пояснения Аристотеля основаны не на эстетических, а на каузальных и модальных характеристиках (вероятность, случайность, необходимость), именно исходя из этого Аристотель предлагает отличать *самые слабые и наилучшие сказания*:

Из простых сказаний и действий самые слабые – эпизодические. Эпизодическим сказанием я называю такое, в котором эпизоды следуют друг за другом без вероятия и без необходимости. [b35] Такие сказания складываются у дурных поэтов по собственной их вине, а у хороших – ради актеров: давая им <случай> к соревнованию и растягивая сказание сверх его возможностей, они часто бывают вынуждены исказить последовательность <событий>.

[52a1] А так как <трагедия> есть подражание действию не только законченному, но и <внушающему> сострадание и страх, а это чаще всего бывает, когда <что-то> одно неожиданно оказывается следствием другого [a4] (в самом деле, здесь будет больше удивительного, чем <если что случится> нечаянно и само собой – ведь и среди нечаянных событий удивительнейшими кажутся те, которые случились как бы нарочно: например, как в Аргосе статуя Мития упала и убила виновника смерти этого Мития, когда тот смотрел на нее; такие события кажутся не случайными) – то и наилучшими сказаниями необходимо будут именно такие⁵.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 656–657.

4. Как видим, у Аристотеля речь идет о некоторой повествовательной стратегии, предполагающей, что «хорошие» нарративы должны представлять последовательность событий не так, когда *эпизоды следуют друг за другом без вероятия и без необходимости*, а так, чтобы *нечаянные события случились как бы нарочно*. Не только самому событию, но и отношениям между событиями должно придать определенный смысл, и случайное предстает как закономерное. Эти стратегии, хорошо известные в поэтике и риторике, можно считать манифестацией каузальных логико-семантических отношений применительно к естественноречевому тексту, что позволяет найти общее между аристотелевским и витгенштейновским пониманием связи между тем, что *может быть описано* и тем, что *может случиться*.

Подобная операция – внесение смысла – требует уяснения того, каким образом можно внести то («смысл»), что отсутствует в самом событии. Ограничимся указанием на наиболее важные характеристики. В современных терминах их можно обозначить как механизмы связности между эпизодами и целостности всего повествования, что предполагает наличие у текста единой смысловой рамки. Эта рамка задается такими семантическими координатами, как начало и конец повествования. Правила текстуализации, как можно понять из сказанного Аристотелем, создают определенную каузальную связь между описываемыми событиями. Более того – не может быть события-самого-по-себе, вне описывающей его знаковой репрезентации, будь то предложение, картина, фотография и т. п. Здесь вновь уместно вспомнить Шлегеля: историк в настоящем описывает событие из времени, будущего по отношению к событию, что позволяет ему внести то, что отсутствовало в самом событии – влияние этого события на последующие. В отличие от непосредственного наблюдателя, ему дана возможность знать, какие следствия данное событие оказало на дальнейший ход истории. Как было отмечено Артуром Данто,

Чтобы понимать историческое значений событий в тот момент, когда они происходят, необходимо знать, с какими более поздними событиями их свяжут историки будущего в своих нарративных предложениях. Так что недостаточно одной способности предсказывать события будущего, необходимо знать, какие будущие события окажутся относящимися к делу, для этого потребуются предсказать интересы историков будущего [Данто 2002, с. 164].

Тем самым к самому событию «привязываются» его последствия, что создает причинно-следственную связь (или видимость

таковой). Перечисление событий (эпизодическое повествование, по Аристотелю) преобразуется в такое повествование, где случайное выступает как происшедшее как бы нарочно. Так, решение Кутузова оставить Москву наделяется связями с последующими событиями, как бы следствиями этого решения, и конечной ситуацией – разгромом Наполеона. Это событие с точки зрения предсказывающего назад историка надлено отражением последующих событий, почему и возможны такие высказывания, как, например: *На совете в Филях Кутузов предложил единственно верное решение*. Последовательность событий выступает как связный и целостный текст, обладающий единой смысловой структурой с маркированными началом и концом, и все промежуточные эпизоды подчинены главной функции – создать смысловую, а не только темпоральную связь между ними. Начальные и конечные точки выступают как своего рода борхесовский Алеф – это те точки, в которых присутствуют все остальные точки, лежащие между ними. Эта смысловая структура наделяет соответствующими контекстуальными смыслами любое промежуточное событие (бегство Наполеона, переправа через Березину и т. д.) – именно как способствующая или препятствующая переходу от начала к концу. Так последовательность событий преобразуется в текст, приобретая соответствующие текстуальные характеристики.

5. Как было процитировано выше, по Аристотелю, сочинитель может сочинить и то, что имело место – если опишет его как детерминированное. Но и историк в таком случае, помещая свое повествование о том, что имело место, в некоторую каузальную цепочку, выступает не как описатель фактов, а как их создатель (сочинитель). Эти аспекты текстуализации событийного ряда были выявлены Юрием Лотманом. При этом, создавая факт, историк не в состоянии отделить его от текста, ибо:

...факт – не концепт, не идея, он – текст, то есть имеет всегда реально-материальное воплощение, он есть событие, которому придано значение, а не значение, которому, как в притче, придан вид события. В результате факт, выбранный отправителем, оказывается шире значения, которое ему приписывается в коде, и, следовательно, однозначный для отправителя, он для получателя (в том числе и для историка) подлежит интерпретации [Лотман 1996, с. 304].

Поэтому роль факта в истории оказывается семиотическим явлением, а его семантика может быть рассмотрена как контекстуально-зависимая:

Тем самым факт «вынужден» разделить судьбу всех других типов текстов – он теряет свой абсолютный характер, поскольку он детерминирован не событием, а культурным кодом и оказывается не столько производным от события, сколько порождением культуры в целом. Поэтому воздействие факта на историю оказывается семиотическим или даже текстуальным, а не причинно-следственным, как это принято понимать в философии истории [Лотман 1996, с. 306].

Помимо внесения вышеотмеченных причинно-следственных характеристик, существенно и внесение модальных характеристик. Взгляд из настоящего в прошлое предполагает, что создание текста протекает от конца к началу и в противоположном направлении, чем имевшая место последовательность событий в истории, что приводит к ретроспективной трансформации:

Взгляд из прошлого в будущее, с одной стороны, и из будущего в прошлое, с другой, решительно меняют наблюдаемый объект. Глядя из прошлого в будущее, мы видим настоящее как набор равновероятных возможностей. Когда мы глядим в прошлое, реальное для нас обретает статус факта, и мы склонны видеть в нем нечто единственно возможное. Нереализованные возможности превращаются для нас в такие, какие фатально не могли быть реализованы. Они приобретают эфемерность [Лотман 1992, с. 194–195].

События преобразуются в предложения, последовательность предложений – в повествование. Определяющими оказываются такие критерии текстуальности, как единство, связность и целостность (*coherence and cohesion*). Необходимым оказывается семантическая цельность текста, что предполагает наличие некоторого смыслового каркаса, который должен объединить разрозненные фрагменты. Смыслы, которые отсутствуют в самих событиях, возникают при их описании – как результат соположения предложений в тексте. История как последовательность событий, которая не имеет начала и конца, преобразуется в текст, а для текста его начало и конец имеют определяющее значение. Эти параметры, во-первых, отделяют данное сообщение от корпуса других сообщений, а, во-вторых, определяют семантические координаты повествования. Все излагаемые в тексте события должны быть соотнесены с данными координатами. Это относится не только к темпоральной оси (все события должны располагаться в заданном этими точками интервале), но и к семантической структуре текста: все эпизоды должны тем или иным способом интерпретироваться относительно этих точек. Заметим, что поскольку речь идет об

истории, то есть о том, что имело место в прошлом, то модальный критерий уместен и в этом случае: случайное и сингулярное, так же, как и в поэтике, преобразуется в универсальное и необходимое. Это еще более подчеркивает системообразующую роль начала и конца: последовательность эпизодов разворачивается как некоторая каузально и семантически детерминированная траектория между ними, а промежуточные эпизоды интерпретируются как звенья, обеспечивающие их связность.

6. В целом можно выделить следующие макро-характеристики исторических нарративов:

- повествование управляется модальными операторами; темпоральные операторы времени совмещаются с деонтическими и эпистемическими;
- семантическая система повествования может быть представлена как модальная структура. Такой подход может выявить, как участники воспринимают и оценивают ситуацию, которую они описывают. Этот субъективный компонент существенно влияет на описание исторического прошлого. Подобное постоянное взаимодействие между нарративами и их интерпретациями создает новую ситуацию. Переосмысление существующих нарративов в изменяющихся контекстуальных условиях приводит к созданию новых версий прошлого;
- историк-повествователь (или коллективный «автор» нарратива) может быть включен в семантическую систему исторической памяти – как отдельная система наблюдения, описывающая взаимодействие субъектов, описаний и установок.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Комитета по науке Республики Армения в рамках проекта 21AG-6C041 «Когнитивные, коммуникативные и семиотические механизмы формирования исторической памяти и национальной идентичности».

Acknowledgments

The research is financially supported by the Science Committee of the Ministry of Education, Science, Culture, and Sports of the Republic of Armenia, project 21AG-6C041.

Источники

- Аристотель*. Поэтика // Аристотель. Соч.: В 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1984. 830 с.
Шлегель Ф. Фрагменты / Пер. Ю.Н. Попова // Шлегель Ф. Эстетика. Философия.
 Критика: В 2 т. Т. 1. М., 2003. С. 290–316.

Литература

- Ассман 2004 – *Ассман Я.* Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М.М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
 Витгенштейн 1958 – *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат. М.: Изд-во иностранной литературы, 1958. 133 с.
 Данто 2002 – *Данто А.* Аналитическая философия истории. М.: Идея-Пресс, 2002. 289 с.
 Лотман 1992 – *Лотман Ю.М.* Культура и взрыв. М.: Гнозис, 1992. 270 с.
 Лотман 1996 – *Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров: Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1996. 447 с.
 Лотман 2000 – *Лотман Ю.М.* Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ, 2000. 704 с.
 Прайор 1981 – *Прайор А.И.* Временная логика и непрерывность времени // Семантика модальных и интенциональных логик. М.: Прогресс, 1981. С. 76–97.
 Cresswell 1988 – *Cresswell M.J.* Semantical Essays: Possible Worlds And Their Rivals. Dordrecht: Springer, 1988. 212 p.

References

- Assman, Ya. (2004), *Kul'turnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* [Cultural memory: Writing, memory of the past and political affiliation in the high cultures of antiquity], *Yazyki slavyanskoi kul'tury*, Moscow, Russia.
 Cresswell, M.J. (1988), *Semantical Essays: Possible Worlds And Their Rivals*, Springer, Dordrecht, Netherlands.
 Danto, A. (2002), *Analiticheskaya filosofiya istorii* [Analytical history of philosophy], Ideya-Press, Moscow, Russia.
 Lotman, Yu.M. (1992), *Kul'tura i vzryv* [Culture and explosion], Gnozis, Moscow, Russia.
 Lotman, Yu.M. (1996), *Vnutri myslyashchikh mirov: Chelovek – tekst – semiosfera – istoriya* [Inside the Thinking Worlds: Man – text – semiosphere – history], *Yazyki slavyanskoi kul'tury*, Moscow, Russia.
 Lotman, Yu.M. (2000), *Semiosfera* [Semiosphere], Iskustvo–SPB, Saint Petersburg, Russia.

- Praior, A.I. (1981), "Temporal logic and continuity of time", in *Semantika modal'nykh i intensional'nykh logic* [Semantics of modal and intensional logics], Progress, Moscow, Russia, pp. 76–97.
- Wittgenstein, L. (1958), *Logiko-filosofskii traktat* [Tractatus Logico-Philosophicus], Izd-vo inostrannoi literatury, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Сурен Т. Золян, доктор филологических наук, профессор, Российско-Армянский университет, Ереван, Армения; 0051, Армения, Ереван, ул. Овсепя Эмина, д. 123;

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия; 236041, Россия, Калининград, ул. Александра Невского, д. 14; surenzolyan@gmail.com

Information about the author

Suren T. Zolyan, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian-Armenian University, Yerevan, Armenia; bld. 123, Hovsep Emin street, Yerevan, Armenia, 0051;

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia; bld. 14, A. Nevskogo Street, Kaliningrad, Russia, 236041; surenzolyan@gmail.com

О раздельном (гетерогенность) существовании
трех видов вербального мышления:
практического, технического и теоретического

Алексей Д. Кошелев

Издательский дом ЯСК, Москва, Россия, koshelev47@gmail.com

Аннотация. Основное значение предметного существительного представлено в статье в виде онтоконцепта – иерархии трех концептуальных версий основного значения, последовательно формирующихся у ребенка в процессе его развития. Для примера рассмотрен процесс образования конкретного онтоконцепта СТУЛ. Сначала (в 2–3 года) у ребенка возникает концепт ЦЕЛОСТНЫЙ СТУЛ, который представляет стул как целостный объект и используется ребенком при решении простых практических задач, связанных с использованием стула по его назначению. Затем у младшего школьника из целостного концепта развивается концепт СИСТЕМНЫЙ СТУЛ (стул как система частей), который вместе с ним образует двухуровневый онтоконцепт ЦЕЛОСТНЫЙ СТУЛ → СИСТЕМНЫЙ СТУЛ. Благодаря системному концепту младший школьник может теперь решать более сложные, технические задачи (починить стул, собрать его из частей и пр.). Наконец, у старшего школьника из системного концепта формируется ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ КОНЦЕПТ (система функций частей референта), который присоединяется к двухуровневому онтоконцепту и превращает его в трехуровневый:

ЦЕЛОСТНЫЙ СТУЛ → СИСТЕМНЫЙ СТУЛ →
→ ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ КОНЦЕПТ.

Теперь старший школьник может абстрагироваться от внешнего вида стула и использовать только его функцию: формировать новые сидячие места, приставив стопку кирпичей к стене и под, видеть сидячие места в изгибе ствола дерева, в ступеньке лестницы и пр. Тем самым этот и другие онтоконцепты служат основой для реализации у человека трех относительно самостоятельных видов вербального мышления: практического, технического и теоретического.

Ключевые слова: основное значение слова, гетерогенность вербального мышления, практическое мышление, техническое мышление, теоретическое мышление

Для цитирования: Кошелев А.Д. О раздельном (гетерогенность) существовании трех видов вербального мышления: практического, технического и теоретического // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 4. Ч. 3. С. 378–391. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-4-378-391

On the separate (heterogeneity) existence of three types of verbal thinking: practical, technical and theoretical

Aleksei D. Koshelev

LRC Publishing House, Moscow, Russia, koshelev47@gmail.com

Abstract. The main meaning of the noun is presented in the article in the form of an ontoconcept – a hierarchy of three “age” concepts that are consistently formed in a child during his development. The process of formation of a specific ontoconcept CHAIR is considered in detail. At first (in 2–3 years), the child has the concept of HOLISTIC CHAIR, which represents the chair as an integral object and is used by the child in solving simple practical tasks related to the use of the chair for its intended purpose. Then a junior student develops the concept of SYSTEM CHAIR (a chair as a system of parts) from a holistic concept, which together with it forms a two-level ontoconcept of HOLISTIC CHAIR → SYSTEM CHAIR. Thanks to the system concept, a junior student can now solve more complex, technical tasks (repair a chair, assemble it from parts, etc.). Finally, a senior student forms FUNCTIONAL CHAIR (a system of functions of the referent’s parts) from a system concept, which joins a two-level ontoconcept and turns it into a three-level:

HOLISTIC CHAIR → SYSTEM CHAIR → FUNCTIONAL CHAIR.

Now the senior student can abstract from the appearance of the chair and use only its function: to form new seats by placing a stack of bricks against the wall and under, to see the seats in the bend of the tree trunk, in the step of the stairs, etc. Thus, this and other ontoconcepts serve as the basis for the realization of three relatively independent types of verbal thinking in humans: practical, technical and theoretical.

Keywords: The main meaning of the word, heterogeneity of verbal thinking, practical thinking, technical thinking, theoretical thinking

For citation: Koshelev, A.D. (2022), “On the separate (heterogeneity) existence of three types of verbal thinking: practical, technical and theoretical”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 4, part 3, pp. 378–391, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-4-378-391

Введение

Излагаемое в статье положение можно коротко сформулировать так: вербальное мышление человека не однородно и не универсально. У социально развитого человека оно распадается на несколько самостоятельных видов, которые обусловлены типами человеческой деятельности (практической, теоретической, художественной и др.) и задачами, характерными для данного типа деятельности. Практическое мышление присуще всем людям, независимо от их возраста и образования. Однако это верно не для всякого вида вербального мышления. Например, согласно мнению Ж. Пиаже, Л.С. Выготского и А.Р. Лурии, теоретическое, или абстрактное мышление не появляется спонтанно, само собой. Оно является социально обусловленным и формируется у человека по мере получения им образования [Выготский 1996]. Например, у школьника оно возникает после 11–12 лет. С этого времени он обретает способность к умозаключениям, которые опираются не на его конкретные, житейские знания, а на произвольные (априорные) допущения. Так, согласно экспериментам [Лурия 1974], неграмотные узбекские крестьяне легко решали простые счетные задачи типа «определить время пути до известного им города, скажем до Ферганы, по известному расстоянию и скорости движения». Однако они не могли решать эти же задачи, если исходные данные противоречили их знаниям (например, когда заданное в задаче расстояние до Ферганы резко расходилось с реальным расстоянием, известным крестьянам). Они отказывались решать такие задачи, говоря, что исходные данные не верны. В то же время, их односельчане, поучившиеся в школе (по программе ликбеза) хотя бы 2–3 года, легко решали подобные задачи.

Аналогично, Пиаже в независимых исследованиях обнаружил это же свойство у 8–9 летних школьников. Когда им задавался вопрос: «Допустим, у собаки 6 голов. Сколько будет голов во дворе, где 5 собак?», они отказывались отвечать [Пиаже 1999, с. 243]. В этом возрасте они были не способны принять допущение, что у собаки может быть больше одной головы. Но с 12-ти лет такие допущения их уже не смущали.

Раздельное существование разных видов вербального мышления принято называть гетерогенностью мышления [Лурия 1974¹; Тульвисте 1988; Романов 2014; Глебкин 2016]. Причина возникновения гетерогенности мышления заключается в том, что появление

¹ См. также: *Luria A.R. Cognitive development: Its cultural and social foundations*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1976.

у человека (школьника) нового вида вербального мышления не заменяет предшествующий вид, а начинает существовать наряду с ним, поскольку стимулируется новыми задачами, которые теперь приходится ему решать. Поэтому, к примеру, у 15-летнего школьника имеется три вида мышления: практическое, техническое, используемое им в задачах по сборке или починке объекта, и теоретическое, используемое для решения иных задач, отвлеченных от его практики.

Одно из центральных положений в намеченном круге идей принадлежит Л.С. Выготскому. Он утверждал, что одно и то же слово, употребляясь в различных видах вербального мышления, используется в разных значениях, и что эти значения необходимо изучать в контексте когнитивного развития школьника, ср.:

Все эти учения [о мышлении и речи. – А. К.] рассматривают слово и его значение *вне развития* (курсив Выготского). <...> Значение слова неконстантно. <...> Оно изменяется и при различных способах функционирования мысли [Выготский 1996, с. 304–305].

Подводя итог этим рассуждениям, Выготский вместо одного понятия-значения выделяет у слова два генетически связанных понятия-значения, последовательно возникающих у ребенка в онтогенезе (назовем такую пару значений *онтоконцептом*): 1) житейское, или конкретное понятие-значение (возникает у ребенка 2–3 лет) → 2) научное, или теоретическое понятие-значение (возникает у ребенка с 12 лет). Причем научное понятие генетически связано с житейским (стрелка →), ср.: «развитие научных понятий должно опираться на известный уровень созревания спонтанных понятий... свойственного началу школьного возраста» [Выготский 1996, с. 198²] (для Выготского спонтанные и житейские понятия – синонимы [Выготский 1996]).

В данной статье излагается точка зрения, близкая к положению Выготского. А именно: основное значение предметного существительного имеет три различные формы представления, или версии: целостную (объект-референт представлен целостно), развивающуюся из нее системную (система частей объекта-референта) и развивающуюся из нее функциональную версию (система функций его частей). Эти «возрастные» версии появляются у ребенка последовательно (в 2–3 года, в 4–11 и с 12 лет), в процессе его обучения, и в совокупности образуют трехуровневый онтоконцепт – иерархию

² См. также: *Vygotsky L.S. Thought and Language / Newly revised, transl., and ed. by A. Kozulin. Cambridge, MA: MIT Press, 1986.*

трех версий основного значения. Каждая версия отражает глубину понимания ребенком предмета-референта и используется им для решения задач своего уровня: целостная версия – для практических (бытовых) задач, системная – для задач технического характера (ремонт, сборка, модификация объекта), а функциональная – для решения связанных с объектом теоретических, абстрактных задач. В итоге, в статье будет явным образом продемонстрировано наличие у человека (начиная со старшего школьного возраста) трех независимых видов вербального мышления: практического, технического и теоретического и соответственно трех видов мыслительных единиц (версий основного значения), посредством которых они реализуются. В частности, отдельное внимание будет уделено техническому виду вербального мышления, занимающему промежуточное положение между практическим и теоретическим (соответственно, житейским и научным – по Выготскому) видами мышления.

Важно также отметить, что трехуровневый онтоконцепт представляет собой вариант решения классической проблемы – получить точное и, насколько это возможно, близкое к адекватному определение основного значения предметного существительного и задаваемой им предметной категории (класса референтов слова). Дело в том, что практически все известные определения основного значения слова и задаваемого им класса референтов (например, аналитические толкования Ю.Д. Апресяна [Апресян 2014], определения концептов базового уровня Э. Рош – Дж. Лакоффа [Лакофф 2004], дефиниции имитаторов Л. Барсалу [Barsalou 1999; Barsalou 2020] не являются точными, поскольку все они опираются на типичный внешний вид (прототип) референтов. А поэтому они не способны охватить нетипичные референты, несомненно входящие в человеческие категории. В то же время в онтоконцепте на прототипе основывается только его первый, целостный концепт. В этом плане он аналогичен упомянутым выше определениям. Но уже второй, системный концепт опирается только на прототипы частей типичного референта и потому задает более широкий и точный класс референтов слова. Наконец, третий, функциональный концепт, как правило, вообще не содержит прототипических черт референта и его частей и фокусирует внимание только на функциональных свойствах референта. Тем самым он задает наиболее широкий и точный класс референтов, в котором содержатся не только типичные, но и внешне необычные, «экзотические» референты, удовлетворяющие общими функциональными свойствами референтов.

1. О функциональном подходе к определению понятий-значений

Процесс формирования трехсоставного отноконцепта будет изложен в рамках *функционального подхода* к определению понятий-значений, основанного на существенной модификации как традиционного, репрезентативного, так и телесно-воплощенного (укорененного) подходов. Перечислим основные положения предлагаемого подхода.

Положение 1. Дихотомия «модальные vs. амодальные символы», на которой базируется телесно-воплощенный подход [Barsalou 1999; Barsalou 2020], ее критику см. в [Кошелев 2022], заменяется на дихотомию «сенсорные (внешние, экзогенные) vs. «функциональные [внутренние, эндогенные] когнитивные единицы». К сенсорным единицам относятся перцепты – типизированные продукты непосредственного чувственного восприятия (визуальные, слуховые и др. образы и их нейронные корреляты), а к функциональным единицам относятся типичные реакции человека (подсистем его нервной системы: вестибулярной, соматической, лимбической и др.) [Tsien 2008; Кошелев 2017³]. Они включают эмоции, мотивацию, проприоцепцию, интроспекцию и пр.

Данная дихотомия составлена из единиц принципиально разной природы. Если перцепты *экзогенны* – являются продуктами внешних воздействий на сенсорный аппарат человека, то функции, напротив, имеют *эндогенную* природу, поскольку представляют собой внутренние отклики человека (его подсистем) на эти перцепты, т. е. воспринятые объекты и действия с ними.

Следует заметить, что почти 150 лет назад об этой дихотомии когнитивных единиц проницательно писал И.М. Сеченов:

Наряду с восприятиями из внешнего мира человек непрерывно получает впечатления от собственного тела. <...> Первая половина чувствования имеет, как говорится, объективный характер, а вторая – чисто субъективный. Первой соответствуют предметы внешнего мира, а второй – чувственные состояния собственного тела – *самоощущения* [Сеченов 1952, с. 388; курсив Сеченова].

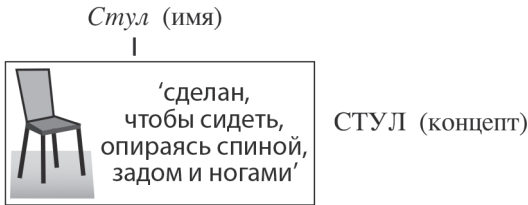
Эти *чувственные состояния тела* или *самоощущения* мы и называем эндогенными единицами, или функциями (в широком смысле слова).

³ См. также: *Koshelev A.D. Essays on the Evolutionary-Synthetic Theory of Language.* Boston: Academic Studies Press, 2019.

Условимся далее типичные сенсорные единицы называть Прототипами, а типичные человеческие реакции на них, или их трактовки – Функциями. Такая пара «Прототип Функция» и задает первичное понятие. Поскольку оба компонента представлены в памяти ребенка в слитном, синкретичном виде, мы не объединяем их бинарным отношением.

Рассмотрим пример определения первичного детского понятия – концепта базового уровня СТУЛ – посредством пары «Прототип Функция».

(1) Целостный концепт СТУЛ (конкретное значение слова *стул*) (ребенку 2–3 года) =

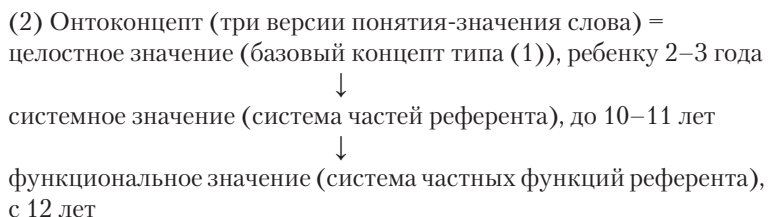

Здесь Прототип стула представлен типичным визуальным образом. Функцию стула представляет текст в лапках. Подчеркнем: это не определение функции, а лишь содержательное описание чувственного, или *психофизического состояния* человека, сидящего на стуле.

Определение (1) во многом аналогично телесно-воплощенным определениям данного концепта (имитатора – в терминологии [Barsalou 1999]). Но у него есть важная особенность: в нем строго разделены сенсорные (Прототип) и функциональные (Функция) компоненты. Из этого разделения видно, что восприятие ребенком внешнего облика объекта сразу (через прототип) подсказывает ему, что можно с ним делать: сесть на него (стул), съесть его (яблоко) и т. д. Таким образом, усвоение первичных понятий – целостных концептов – позволяет ребенку с двух лет начать осваивать новый класс задач: использование окружающих его предметов по назначению: чашку, чтобы пить из нее, ложку, чтобы есть ею, куклу, чтобы ее укачивать, и т. д.

Положение 2. Основное значение слова представлено в памяти человека онтоконцептом, т. е. иерархией нескольких «возрастных» концептов, последовательно возникающих у него в детском и подростковом возрасте.

В известных теориях (например, в семантической теории Ю.Д. Апресяна, в подходе Э. Рош – Дж. Лакоффа, в теории воплощенного/укорененного познания Л. Барсалу) значение слова (имитатор) представляется одной, так сказать, «усредненной», или универсальной когнитивной единицей. Мы покажем, что у социально развитого человека основное значение слова (речь прежде всего идет о предметном существительном) представлено по меньшей мере трехуровневым онтоконцептом:

Здесь стрелка (↓) обозначает отношение развития: из целостного значения в процессе развития ребенка формируется его системная версия, а из нее (вследствие когнитивного развития и обучения) – функциональная версия. Подчеркну: *это не разные (омонимичные) значения слова, а разные формы (структуры) одного и того же основного значения*. Ниже я проиллюстрирую эти формы примерами.

Положение 3. Главным инструментом анализа генезиса у человека онтоконцептов типа (2) будет общая теория развития [Чуприкова 2007; Кошелев 2019⁴]. Ее сущность заключается в двухэтапной трансформации некоторой целостности в систему ее частей, например, целостное представление дерева трансформируется в системное: корни–ствол–ветви с листьями. Эта трансформация проходит в два этапа. Сначала (этап дифференциации) целостность разделяется на самостоятельные части и связывавшие их (в рамках целого) отношения, а затем (этап интеграции) разделившиеся части и отношения соединяются в систему, аутентичную исходной целостности.

2. Трехуровневый онтоконцепт

Рассмотрим процесс образования трехуровневого онтоконцепта на примере концепта СТУЛ. На первом этапе когнитивного развития ребенка в его памяти образовался целостный концепт (1) СТУЛ.

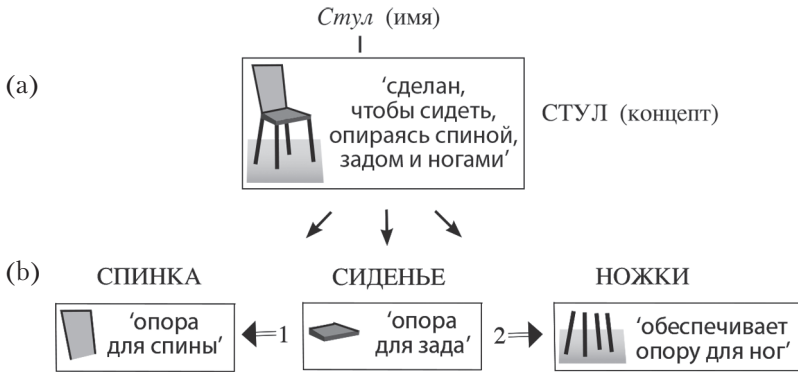
⁴ См. также: *Koshlev A.D. On the Genesis of Thought and Language*. Boston: Academic Studies Press, 2020.

Этот процесс подробно рассмотрен в [Кошелев 2019], поэтому здесь мы его опустим.

2.1. Системные концепты. Техническое мышление

Затем этот целостный концепт трансформируется в двухуровневый онтоконцепт (2):

(2) Двухуровневый онтоконцепт СТУЛ (две версии значения слова *стул*) (ребенку от 4-х до 11 лет) =

В нем первый уровень (a) – это целостный концепт СТУЛ (1). Из него в процессе развития формируется системный концепт (b). Как это происходит? Сначала целостный концепт (a) разделяется на три части (спинку, сиденье и ножки) и два отношения $\leftarrow 1$ и $2 \Rightarrow$. А далее (этап интеграции) эти части и отношения объединяются в системный концепт (b) – систему частных концептов.

Возникший концепт (b) существенно углубляет уровень познания ребенком стула. Знание частей стула и их функций дает ему лучшее понимание того, как стул «работает», каковы вклады частей в осуществление его функции. Например, если стул начинает падать назад, можно сразу же предположить, что перестала «работать» его задняя ножка, поскольку именно ее функция утрачена. Понятно, что из целостной версии (a) этого не следует.

Благодаря системной версии (b), ребенок может теперь решать новые, технические задачи, связанные, к примеру, с ремонтом или сборкой стула (купленного в магазине в разобранном виде). Ведь для этого нужно знать вид и функции частей стула, а также их взаимное расположение, т. е. пространственные отношения $\leftarrow 1$ и $2 \Rightarrow$. Понятно, что целостная версия (a) для этого также не пригодна. И напротив, системная версия не нужна для решения

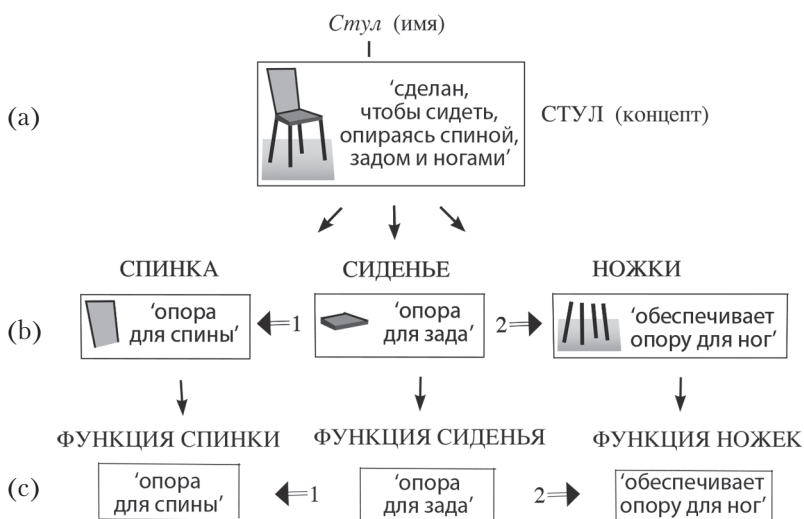
практических задач использования стула. Когда человек говорит собеседнику: «Бери стул и садись поближе», слово *стул* употребляется в целостном значении (а). Части стула собеседников не интересуют. Поэтому системная версия не заменяет целостную, а дополняет ее.

Итак, с появлением системных концептов у ребенка формируется новый вид вербального мышления, который естественно назвать конструктивным, или *техническим мышлением* [Романов 2014]. Ребенок начинает строить пирамиды, домики из кубиков, песочные замки, игрушки из деталей конструктора и т. д. Как отмечает Н.А. Бернштейн, теперь ребенок различает в рубашке пуговицы и петли для них, рукава с их функциями и т. д. Поэтому он может самостоятельно надеть рубашку, застегнуть пуговицы, снять обувь на липучках и совершать другие подобные действия. Бернштейн назвал их действиями предметного уровня *D*, особо подчеркнув, что они «почти монополюбно принадлежат человеку... Даже у высших обезьян процент их очень мал» [Бернштейн 1947, с. 114].

2.2. Функциональные концепты. Теоретическое мышление

С 12–13 лет в онтоконцепте (2) школьника формируется третий уровень (с), т. е. возникает трехуровневый онтоконцепт (3):

(3) Трехуровневый онтоконцепт СТУЛ (три версии значения слова *стул*) (с 12 лет) =

В нем второй уровень (b) это системная версия концепта СТУЛ. Из нее развивается еще одна, уже чисто функциональная версия (c) – система опорных функций частей – сиденья, спинки и ножек, не содержащих никаких прототипических компонентов. Дело в том, что накапливающийся у ребенка опыт взаимодействия со стульями разной формы подсказывает ему, что части стула могут иметь любую, необязательно прототипическую форму. Главное, чтобы они выполняли свои опорные функции. Например, вместо четырех ножек у стула может быть одна ножка в середине сиденья на колесиках (офисный стул), или два прямоугольника по бокам сиденья и т. д. Поэтому для ребенка прототипы частей меняют свой статус: из обязательных они превращаются в необязательные. Поэтому мы их опускаем. Как можно видеть, формирование функциональных (абстрактных и, в частности, научных) понятий действительно опирается, согласно Выготскому, «на известный уровень созревания спонтанных понятий», см. цитату выше. В самом деле, функциональное (в частности, научное) понятие (c) развилось из системного понятия (b), а оно и есть продукт созревания целостного (спонтанного) понятия (a).

Функциональная версия (c) концепта СТУЛ дает старшему школьнику еще более глубокое понимание стула, поскольку, в отсутствие прототипической составляющей, все его внимание сосредоточивается на сущности стула – системе его опорных функций. Благодаря этому школьник обретает способность к теоретическому (абстрактному) мышлению, которое позволяет ему решать отвлеченные задачи, не связанные с привычным ему видом стула и его частей, например, распознавать необычные по внешнему виду, дизайнерские стулья, см. рис. 1, видеть непривычные сидячие места (в выступе скалы, в изгибе ствола дерева, в ступеньке лестницы), создавать новые сидячие места: приставив стопку кирпичей к стене и под. Версия (c) открывает человеку возможности решать совершенно новые, творческие задачи, связанные с целенаправленным преобразованием объекта. Теперь человек понимает, что изменяя функции частей объекта (путем изменения их формы) или добавляя к объекту части с новыми функциями, можно изменять его общую функцию. Например, добавляя к стулу подлокотники, можно преобразовать его в кресло, модифицируя ножки кресла, можно сделать офисное кресло на колесиках, кресло-качалку и пр. Подчеркнем: системный концепт (b) не позволял ему всего этого делать, поскольку содержал прототипы частей стула.

Итак, онтоконцепт (3) задает три версии основного значения слова *стул*: целостную – для практических нужд, системную – для технических, конструктивных задач и функциональную – для тео-

ретических задач. Повторимся, это не разные значения, а версии (разные формы) одного и того же основного значения – ‘объект, сделанный для того, чтобы один человек мог сидеть на нем, опираясь спиной, задом и ногами на пол’.

Если теперь вернуться к задаче о собаке с 6-ю головами, то функциональное значение слова *собака* вполне допускает наличие у нее более одной головы. Поэтому решение такой задачи для 12-летнего школьника проблемы не составляет. Это же верно и в отношении произвольности расстояния до Ферганы.

Литература

- Апресян 2014 – *Апресян Ю.Д.* Об Активном словаре русского языка // Активный словарь современного русского языка / Отв. ред. акад. Ю.Д. Апресян. М.: Языки славянской культуры. 2014. Т. 1. С. 5–36.
- Бернштейн 1947 – *Бернштейн Н.А.* О построении движений. М.: Медгиз, 1947. 255 с.
- Выготский 1996 – *Выготский Л.С.* Мышление и речь. М.: Лабиринт, 1996.
- Глебкин 2016 – *Глебкин В.В.* Тетральная модель когнитивного развития и культурно-историческая типология // Этнографическое обозрение. 2016. № 3. С. 128–142.
- Кошелев 2017 – *Кошелев А.Д.* Очерки эволюционно-синтетической теории языка. М.: Издат. дом ЯСК, 2017. 528 с.
- Кошелев 2019 – *Кошелев А.Д.* О генезисе мышления и языка. М.: Издат. дом ЯСК, 2019. 264 с.
- Кошелев 2020 – *Кошелев А.Д.* О когнитивных основаниях лексической классификации предметного мира // Вопросы психолингвистики. 2020. № 4 (46). С. 59–75.
- Кошелев 2022 – *Кошелев А.Д.* О функциональном определении концептов и языковых значений в русле воплощенного/укорененного (embodied/grounded) подхода // Слово.ру: Балтийский акцент. 2022. Т. 13. № 3. С. 45–67.
- Лакофф 2004 – *Лакофф Дж.* Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. М.: Языки славянской культуры, 2004. 792 с.
- Лурия 1974 – *Лурия А.Р.* Об историческом развитии познавательных процессов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1974. 172 с.
- Пиаже 1999 – *Пиаже Ж.* Мышление и речь ребенка. М.: Педагогика-Пресс, 1999. 530 с.
- Романов 2014 – *Романов В.Н.* Культурно-историческая антропология. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив; Университетская книга, 2014. 362 с.
- Сеченов 1952 – *Сеченов И.М.* – Избранные произведения. Т. 1: Физиология и психология / Под ред. и посл. Х.С. Коштоянца. М.: АН СССР, 1952. 776 с.

- Тулъвисте 1988 – *Тулъвисте II*. Культурно-историческое развитие вербального мышления. Таллин: Валгус, 1988. 342 с.
- Чупикова 2007 – *Чупикова Н.И.* Умственное развитие. Принцип дифференциации. СПб.: Питер, 2007. 448 с.
- Barsalou 1999 – *Barsalou L.W.* Perceptual symbol systems // *Behavioral and Brain Sciences*. 1999. № 22. P. 577–660.
- Barsalou 2020 – *Barsalou L.W.* Challenges and Opportunities for Grounding Cognition // *Journal of Cognition*. 2020. Vol. 3. № 1. P. 1–24.
- Tsien 2008 – *Tsien J.Z.* Neural coding of episodic memory // *Handbook of Episodic Memory* / Ed. by E. Dere, A. Easton, L. Nadel, J.P. Huston. Amsterdam: Elsevier, 2008. P. 399–416.

References

- Apresyan, Yu.D. (2014), “About Active dictionary of Modern Russian”, Apresyan, Yu.D. (ed.) *Aktivnyi slovar’ sovremennogo russkogo yazyka* [An Active dictionary of Modern Russian], vol. 1, Yazyki slavyanskoi kul’tury, Moscow, Russia, pp. 5–36.
- Barsalou, L.W. (1999), “Perceptual symbol systems”, *Behavioral and Brain Sciences*, vol. 22, pp. 577–660.
- Barsalou, L.W. (2020), “Challenges and Opportunities for Grounding Cognition”, *Journal of Cognition*, vol. 3, no. 1, pp. 1–24.
- Bernshtein, N.A. (1947), *O postroenii dvizhenii* [On the construction of movements], Medgiz, Moscow, Russia.
- Chuprikova, N.I. (2007), *Umstvennoe razvitie. Printsip differentsiatsii* [Mental development. The Principle of differentiation], Piter, Saint Petersburg, Russia.
- Glebkin, V.V. (2016), “Tetramerous model of cognitive development and cultural-historical typology”, *Etnographicheskoe obozrenie*, no. 3, pp. 128–142.
- Koshelev, A.D. (2017), *Ocherki evolyutsionno-sinteticheskoi teorii yazyka* [Essays on the Evolutionary-Synthetic Theory of Language], Izd. dom YaSK, Moscow, Russia.
- Koshelev, A.D. (2019), *On the Genesis of Thought and Language*, Izd. dom YaSK, Moscow, Russia.
- Koshelev, A.D. (2020), O kognitivnykh osnovaniyakh leksicheskoi klassifikatsii predmetnogo mira [On the cognitive foundation of lexical classification of the subject world], *Voprosy psikholingvistiki*, vol. 4, no. 46, pp. 59–75.
- Lakoff, G. (1987), *Zhenshchiny, ogon’ i opasnye veshchi: Chto kategorii yazyka govoryat nam o myshlenii* [Women, fire, and dangerous things: What categories reveal about the mind], Yazyki slavyanskoi kul’tury, Moscow, Russia.
- Luriya, A.R. (1974), *Ob istoricheskom razvitii poznavatel’nykh protsessov* [Cognitive development: Its cultural and social foundations], Izd-vo Mosk. un-ta, Moscow, Russia.
- Piaget, J. (1999), *Rech i Myshlenie rebenka* [The Language and Thought of the Child], Pedagogika-Press, Moscow, Russia.

- Romanov, V.N. *Kul'turno-istoricheskaya antropologiya* [The cultural-historical anthropology], Tsentr gumanitarnykh initsiativ, Universitetskaya kniga, Moscow, Saint Petersburg, Russia.
- Sechenov, I.M. (1952), *Izbrannye proizvedeniya, T. 1, Fiziologiya i psikhologiya* [Selected Works, vol. 1, Physiology and Psychology], Koshtoyants, Kh.S. (ed.), Akad. nauk SSSR, Moscow, Russia.
- Tsien, J.Z. (2008), "Neural coding of episodic memory", Dere, E., Easton, A., Nadel, L. and Huston, J.P. (eds.), *Handbook of Episodic Memory*, Elsevier, Amsterdam, pp. 399–416.
- Tul'viste, P. (1988), *Kul'turno-istoricheskoe razvitie verbal'nogo myshleniya* [The cultural-historical development of verbal thinking], Valgus, Tallinn, Russia.
- Vygonskii, L.S. (1996), *Myshlenie i rech'* [Thought and Language], Labirint, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Алексей Д. Кошелев, кандидат физико-математических наук, доцент, Издательский дом ЯСК, Москва, Россия; 107031, Россия, Москва, Большая Лубянка, д. 13/16, стр. 1; koshelev47@gmail.com

Information about the author

Aleksei D. Koshelev, Cand. of Sci. (Physics & Mathematics), associate professor, LRC Publishing House, Moscow, Russia; bldg. 1, bld. 13/16, Bolshaya Lubyanka Street, Moscow, Russia, 107031; koshelev47@gmail.com

О соотношении понятий феномена и ноумена в современной социологии

Жан Т. Тощенко

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, zhantosch@mail.ru*

Аннотация. В статье анализируются смыслы изучаемых процессов и явлений. Показывается, что современная социология ограничивается в основном традиционными подходами, в основе которых лежит анализ феноменов – очевидных, сравнительно просто интерпретируемых понятий. Показывается, что при всем многообразии методологических ориентаций и методических приемов социологические исследования направлены преимущественно на выявление, использование и учет индикаторов жизненного мира, которые выражены посредством знания, мнения, потребностей, мотивов, ценностных ориентаций, интересов и других компонентов общественного сознания, а также таких поведенческих акций как поступки и действия. Видное место занимают феномены макро-, мезо- и микросреды. При таком подходе эти компоненты жизненного мира предстают как явления, воспринимаемые в опыте, как объекты чувственного созерцания, как продукт эмпирического познания. Обоснован вывод, что такой подход серьезно ограничивает возможности познания. Требуется переход к использованию категории «ноумен», позволяющей выявить умопостигаемую, латентную сущность явлений и процессов, становящуюся очевидной в результате изучения, осмысления и созерцания. В этой связи определяется сущность и содержание ноумена, выявляются его восхождение от феномена, а также его использование при изучении социальной реальности – жизненного мира людей, социальных групп и общностей современного мира.

Ключевые слова: категории социологии, особенности познания в социологии, феномен, ноумен

Для цитирования: Тощенко Ж.Т. О соотношении понятий феномена и ноумена в современной социологии // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 4. Ч. 3. С. 392–400. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-4-392-400

On the relationship between the concepts of phenomenon and noumenon in modern sociology

Zhan T. Toshchenko

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
zhantosch@mail.ru*

Abstract. The article analyzes the meanings of the studied processes and phenomena. It is shown that modern sociology is limited mainly to traditional approaches, which are based on the analysis of phenomena – obvious, relatively simply interpreted concepts. It is shown that with all the variety of methodological orientations and methodological techniques, sociological research is mainly aimed at identifying, using and taking into account indicators of the life world, which are expressed through knowledge, opinion, needs, motives, value orientations, interests and other components of public consciousness, as well as such behavioral shares as deeds and actions. A prominent place is occupied by the phenomena of the macro-, meso- and microenvironment. With this approach, these components of the life world appear as phenomena perceived in experience, as objects of sensory contemplation, as a product of empirical knowledge. The conclusion is substantiated that such an approach seriously limits the possibilities of cognition. A transition to the use of the “noumenon” category is required, which makes it possible to reveal the intelligible, latent essence of phenomena and processes, which becomes apparent as a result of study, comprehension and contemplation. In this regard, the essence and content of the noumenon are determined, its ascent from the phenomenon is revealed, as well as its use in the study of social reality – the life world of people, social groups and communities of the modern world.

Keywords: categories of sociology, features of cognition in sociology, phenomenon, noumenon

For citation: Toshchenko, Zh.T. (2022), “On the relationship between the concepts of phenomenon and noumenon in modern sociology”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 4, part 3, pp. 392–400, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-4-392-400

На современном этапе развития науки социология столкнулась с необходимостью более обстоятельно ответить на вызовы времени, глубже проникнуть в сущность происходящих в мире процессов. Реальная ситуация такова, что используемые формы и методы познания нуждаются в дальнейшем коренном улучшении. Однако при всем богатстве используемых методов мы скорее наращиваем объем информации и делаем попытки глубже проникнуть в сущ-

ность изучаемых процессов, но далеко не всегда получаем удовлетворяющие нас ответы.

Развитие социологии в XX – начале XXI в. при обосновании и реализации социологических исследований показало: все они без исключения, хотя с определенными вариациями, были нацелены на изучение явлений и процессов, которые определяются понятием «феномены». Феномен – это «то, что предстало перед моим взором как “этот” мир, сущий и значимый для меня» [Гуссерль 2013, с. 136]. Феномены – это очевидность, которая описывается посредством показателей, фиксирующих определенное состояние и тенденции изучаемых явлений и процессов и позволяющих интерпретировать происходящие изменения. Иначе говоря, феномены – это основной аппарат познания современной социологии (как и большинства социальных и гуманитарных наук). Все ее исследования вне зависимости от различных целей олицетворяют именно такой подход.

Но такой подход имеет свои существенные ограничения. Прежде всего, это возможность произвольной трактовки, предполагающей различную интерпретацию, неоднозначные, а иногда противоречащие друг другу заключения. Не менее важно и часто встречающееся сомнение – а насколько полученная информация отражает реальную жизнь, не оперируем ли мы только ее отдельными фрагментами, отрывочными связями и произвольными предположениями? Это неминуемо ставит под сомнение достоверность получаемой информации, порождает недоверие к выводам и умозаключениям. И что особенно важно – страдает практическая значимость полученных данных, что естественно затрудняет их использование в управлении. Это привело к тому, что возникла проблемная ситуация, которую можно сформулировать так: современная социология испытывает острую потребность выработать и применять другие, более совершенные методы познания, которые бы позволили более глубоко и обстоятельно ответить на появление принципиально новых явлений и процессов, на выявление их сущности и содержания, а также сформулировать способы воздействия в интересах большинства людей в изучаемом обществе.

Какой же можно сделать вывод из сложившейся ситуации?

На наш взгляд, требуется выйти на новый уровень обобщения, на новые формы осмысления и использования того, что накоплено в других науках, и интерпретации своих и их достижений, исходя из принципа междисциплинарности. Одним из таких направлений поиска – выход на следующий шаг – перейти от использования такой категории, как ноумен.

В философии ноумен – скрытая сущность процессов и/или явлений, постигаемая в результате глубокого обоснованного изу-

чения, умозрительного размышления (созерцания) над значительным объемом информации. Впервые вопрос о ноумене поставил Платон, трактовавший его как объект мысли, разума, как объект интеллектуального созерцания¹. Совокупность ноуменов образует умопостигаемый, «интеллигибельный» мир [Нарский 1979, с. 29].

Следующий этап в исследовании ноумена связан с Новым временем, когда ноумен стал неперенным атрибутом практически всех философских учений, находившихся тогда под влиянием неоплатоновских традиций. Наиболее завершённый вид и трактовку эта категория приобрела в новоевропейской философии, и особенно в трудах И. Канта. Мир ноуменов, по Канту, не подчиняется законам физического детерминизма. Он невидимый двойник как субъекта, так и объекта, а также сфера таких категорий, как мораль, свобода, воля². Вместе с тем в «Критике практического разума» и в «Метафизике нравов» Кант трактует ноумены как безусловно необходимые объекты нравственного разума, тем самым допуская, правда гипотетически, их действительное существование³.

По мере использования категории ноуменов в науке их трактовка изменялась и уточнялась. Последователи Канта пришли к выводу, что идеи чистого разума не только необходимы, но и эвристически плодотворны; они выступают регулятивными принципами, которые синтезируют многообразие знания [Гулыга 1977; Simon 1974]. Если обобщить последующие исследования XIX–XX вв., посвященные ноумену, то, помимо утверждения о нем как умопостигаемой сущности, было сформировано представление о нем как об источнике обобщающего познания. Обратим внимание: хотя ноумен относится к сфере мысли, а не к объективной реальности, нельзя утверждать, что мысль, фиксируя представления об этой реальности, оторвана от осознанного стремления обобщить происходящее в окружающем человека мире. Именно такой подход, прямо не суммируя имеющиеся данные о существующих и используемых феноменах (явлениях и/или процессах), позволяет выйти на обобщающие умозаключения, исходя из постоянно возрастающих способностей людей глубже познавать и понимать окружающий

¹ Цит. по: *Прокл*. Комментарий к «Пармениду» Платона / Пер. Л.Ю. Лукомского. СПб.: Мирь, 2006. 895 с.

² Подробнее об этом см.: *Кант И.* Критика чистого разума. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2007. 1118 с.

³ Цит. по: *Ойзерман Т.И.* Ноумен // Новая философская энциклопедия: В 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 2003. С. 109. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH0194da78443990285d864994/> (дата обращения 31 августа 2022).

мир. На этот аспект обращено внимание не только в физике, когда возникло представление о «темной» материи, но и в социальных науках, когда приобрели права гражданства категории глобализации, модернизации, знаменуя новый уровень обобщения имеющегося знания. Более того, эти понятия так или иначе – продукт специфического опытного познания. Именно поэтому категории, возникающие в процессе абстрактного мышления, всегда в той или иной мере проходят проверку реальностью, чтобы получить признание сначала в научном мире, а потом и в общественном мирознании или исчезнуть как не подтвержденные ни логикой научного мышления, ни практикой функционирования конкретных процессов. В настоящее время в мир знания входит понятие Big Data как следствие актуальной потребности осмысления огромного объема данных, отражающих функционирование различных сфер социума, на основе разных методик, с самыми разными, включая утилитарные, целями. В этой связи возникает проблема, каким образом и на основе каких методологических принципов возможно осмысление и строго обоснованное обобщение разноплановых данных?

Не менее конструктивную роль ноумен выполняет при построении новых теоретических моделей, особенно когда определенная наука заимствует категорию/понятие другой науки, по-иному трактует их содержание, исходя из своей специфики, что позволяет получить принципиально иное знание. Так, применение категории «травма» позволила раскрыть ряд глубинных процессов в происходящих изменениях в мире и ряде обществ.

Общество травмы характеризуется как общими, так и специфическими чертами: отсутствие четкой и ясной стратегии развития; экономическая деградация; отсутствие созидательных общественных сил; взаимные переходы властных ресурсов в капитал и, наоборот; добровольное и/или насильственное отстранение большинства населения от участия в политической жизни; отсутствие государственной идеологии и/или национальной идеи; игнорирование национальных интересов или же, напротив, чрезмерная их абсолютизация; резкое увеличение социального неравенства; социальные деформации и утрата стремления к национальному суверенитету; неуважительное отношение к традициям и прошлому опыту страны или, наоборот, архаизация ранее существовавших, ушедших в Лету (историю) этноконфессиональных установок и патриархальных ориентаций. Все эти черты, взятые по отдельности, неоднократно описывались в научной литературе и публицистике, но не было попыток оценить их в комплексе и выйти на такую обобщающую категорию, как общество травмы (подробнее см. [Штомпка 2001; Тощенко 2020]).

Как происходит процесс восхождения к ноуменам в современной социологии? XX в. продемонстрировал постепенное усложнение методов и средств познания, используемых социальными науками, в их числе социологией. В рамках отечественной социологии это проявилось в том, что исследователи стали отходить от абсолютизации количественных методов и искать те, которые позволили бы проникнуть в сущность и содержание изучаемых общественных процессов и явлений, более обстоятельно охарактеризовать их. В то же время процесс осознания и понимания ноуменов в исследовательской практике происходил по-разному. Особенно наглядно это проявилось в эволюции и преобразованиях понятий, используемых при исследовании жизненного мира человека, который пошел такие этапы его познания, как, во-первых, уровень жизни, во-вторых, образ жизни; в-третьих, качество жизни, и, наконец, приблизились к исследованию смысла жизни.

В настоящее время социологии, чтобы охватить все многообразие событий и процессов в жизни человека, потребовался именно этот шаг – введение в теорию познания понятия *жизненный мир* и его ключевой сущности – *смысл жизни*. Справедливости ради скажу, что понятие *жизненный мир* появилось в философской литературе в XX в. [Шюц 2004], означая логический конструкт, который включал общие, претендующие на всесторонний и всеобъемлющий охват всех без исключения характеристик вариантов жизни людей. Но лишь социологии удалось предложить очевидные и подвергаемые познанию количественные и качественные его характеристики. Это реальное общественное сознание (знания, мнения, потребности, мотивы, ценностные ориентации, интересы и другие его компоненты), поведение, деятельность (акты, поступки, действия), макро- (мир, общество), мезо- (территориально-поселенческие общности, структуры) и микросреда (непосредственное окружение человека) и др. (см. [Тощенко 2016, с. 89–117]).

Именно в таком ракурсе очевиден принципиально иной подход, когда мы переходим от изучения феноменов (четко регистрируемых явлений и процессов) к познанию ноуменов, которые, отсутствуя в опыте, возникают, формируются в ходе умопостигаемых рассуждений. В самом деле, познать смысл жизни как ноумен посредством привычных нам методов практически невозможно. Его можно постичь посредством умопостигаемых приемов познания жизненного мира и его проявлений. На наш взгляд, исходной характеристикой понятия *смысл жизни* как ноумена являются цели-принципы, которых придерживаются люди, в виде устойчивых, жизненно важных ориентиров, в известной мере конечной, венчающей жизнь высокой осмысленной установки, не завися-

щей от ситуативных процессов в окружающей среде. Согласно А. Шюцу,

...смысл может быть связан не столько с научным, теоретическим познанием мира, желанием достичь истины, сколько с жизнепрактическими установками и ориентациями, обладающими непосредственной очевидностью и сочетанием различных форм опыта, в том числе и исторического (курсив мой. – Ж. Т.) [Шюц 2004, с. 89].

Смысл жизни предполагает, что люди отдают себе отчет о сущности и содержании своей жизни (осознанно или неосознанно, стихийно), о том, каким образом они будут удовлетворять свои потребности и интересы. Структуру жизненного мира определяет мера – своеобразный навигатор, по которому люди соотносят свои цели-принципы с нормами и требованиями окружающего общества, сравнивая и согласовывая их с другими участниками жизненного пространства. Далее, смысл предполагает осознание человеком своего предназначения и назначения окружающих его социальных институтов (государства, семьи, образования, религии и др.), внутреннее приятие и понимание сущностного содержания действий своих и окружающих его социальных институтов. Кроме того, это процесс созидания и своеобразный компас, которым руководствуется человек в общественной и личной жизни, исходя из исторического и индивидуального опыта [Никольский 2015, с. 7]. Смысл жизни включает в себя и активное участие в его реализации [Леонтьев 1999, с. 26]. И что особенно важно – смысл как ноумен не может существовать вне согласования с действиями других участников, вне постоянного сопоставления со смыслами других людей.

Таким образом, эволюция нашего знания – путь постоянного усложнения и обогащения процесса познания. В этом случае путь восхождения от феномена к ноумену – генерация нового знания на основе новой информации, осмысление которой рождает принципиально иное умопостигаемое понятие. Обращаясь к ноуменам, открывающим новые возможности познания, мы в то же время обнаруживаем методологическую и методическую сложность и трудность попыток подвергнуть их классификации, а также способов их выражения. Такие ноумены, как добро, зло, счастье по исходным характеристикам являются «вещью-в-себе». Мы сталкиваемся с тем, что они заключают в себе большое количество смыслов, они многоплановы, многоаспектны и даже многолики, и потому трудно, практически невозможно охватить их многообразие. В то же время это не означает отказа попытаться представить их через набор неких характеристик, даже показателей (индикаторов), которые внесли

бы определенность в представлении об этих ноуменах. В общем, мы стоим перед необходимостью перейти к более высокому уровню познания, хотя использование ноуменов в социологии встречает теоретико-методологические и методические трудности, которые предстоит осмыслить и попытаться решить.

Литература

- Гулыга 1977 – *Гулыга А.В.* Кант. М.: Молодая гвардия, 1977. 303 с.
- Гуссерль 2013 – *Гуссерль Э.* Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. СПб.: Наука, 2013. 493 с.
- Леонтьев 1999 – *Леонтьев Д.А.* Психология смысла. М.: Смысл, 1999. 486 с.
- Нарский 1979 – *Нарский И.С.* О роли «вещи в себе» и ноумена в кантовской гносеологии // Вопросы теоретического наследия Иммануила Канта. 1979. Вып. 4. С. 15–20.
- Никольский 2015 – *Никольский С.А.* Горизонты смыслов. Философские интерпретации отечественной литературы XIX–XX вв. М.: Голос, 2015. 534 с.
- Тощенко 2016 – *Тощенко Ж.Т.* Социология жизни. М.: Юнити-Дана, 2016. 399 с.
- Тощенко 2020 – *Тощенко Ж.Т.* Общество травмы: между эволюцией и революцией (Опыт теоретического и эмпирического анализа). М.: Весь мир, 2020. 345 с.
- Штомпка 2001 – *Штомпка П.* Социальное изменение как травма // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 6–16.
- Шюц 2004 – *Шюц А.* Избранное: мир, светящийся смыслом / Сост. и пер. Н.М. Смирновой. М.: РОССПЭН, 2004. 1054 с.
- Simon 1974 – *Simon J.* Phenomena and Nomena: On the Use and Meaning of the Categories // *Kant's Theory of Knowledge: Selected Papers from the Third International Kant Congress* / Ed. by L.W. Beck. Dordrecht; Boston, 1974.

References

- Gulyga, A.V. (1977), *Kant*, Molodaya gvardiya, Moscow, Russia.
- Husserl, E. (2013), *Krizis evropeiskikh nauk i transsendental'naya fenomenologiya* [Crisis of European Sciences and Transcendental Phenomenology], Nauka, Saint Petersburg, Russia.
- Leont'ev, D.A. (1999), *Psikhologiya smysla* [The psychology of meaning], Smysl, Moscow, Russia.
- Narskii, I.S. (1979), "On the role of the 'thing in itself' and the noumenon in Kant's epistemology", *Questions of the theoretical heritage of Immanuel Kant*, iss. 4, pp. 15–20.
- Nikol'skii, S.A. (2015), *Gorizonty smyslov. Filosofskie interpretatsii otechestvennoi literatury 19–20 vv.* [Horizons of meanings. Philosophical interpretations of Russian literature of the 19th–20th centuries], Moscow, Russia.

- Schutz, A. (2004), *Izbrannoe: mir, svetyashchiisya smyslom* [Favorites: the world sanctified by meaning], ROSSPEN, Moscow, Russia.
- Simon, J. (1974), "Phenomena and Nomina: On the Use and Meaning of the Categories", Beck, L.W. (ed.), *Kant's Theory of Knowledge: Selected Papers from the Third International Kant Congress*, Dordrecht, Netherlands; Boston, Massachusetts, USA.
- Sztompka, P. (2001), "Social change as a trauma", *Sociological Studies*, no. 1, pp. 6–16.
- Toshchenko, Zh.T. (2016), *Sotsiologiya zhizni* [Sociology of life], Unity-Dana, Moscow, Russia.
- Toshchenko, Zh.T. (2020), *Obshchestvo travmy: mezhdru evolyutsiei i revolyutsiei (Opyt teoreticheskogo i empiricheskogo analiza)* [Society of trauma: between evolution and revolution (Experience of theoretical and empirical analysis)], Ves' mir, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Жан Т. Тощенко, член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская площадь, д. 6; zhan-tosch@mail.ru

Information about the author

Zhan T. Toshchenko, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; zhan-tosch@mail.ru

Анализ рациональности мнений и объективизация опроса

Виктор К. Финн

*Российский государственный гуманитарный университет,
ФИЦ «Информатика и управление» РАН, Москва, Россия,
ira.finn@gmail.com*

Мария А. Михеенкова

*Российский государственный гуманитарный университет,
ФИЦ «Информатика и управление» РАН, Москва, Россия,
m.mikheyenkova@yandex.ru*

Аннотация. Идеиным основанием искусственного интеллекта как научной и прикладной области является точная эпистемология (ТЭ), представляющая собой исследование взаимодействия познающего субъекта и соответствующего объекта познания посредством эвристик и логик рассуждения, порождающих новое знание и его принятие. Формальные средства точной эпистемологии – языки представления знаний и логики рассуждений – и их практическая реализация в компьютерных системах обеспечивают конструктивную имитацию и усиление некоторых сторон интеллектуальной деятельности человека. Формализация познавательной деятельности оказывается чрезвычайно востребованной в гуманитарных областях как таковых и, в частности, в науках о человеке и обществе. С точки зрения точной эпистемологии социологический опрос – традиционная форма социологического исследования – представляет собой взаимодействие теоретического интеллекта (одно из ключевых понятий ТЭ) исследователя и множества common sense респондентов. Для корректного описания социальной действительности не последним оказывается вопрос о рациональном восприятии респондентами элементов опросной анкеты и степени рациональности индивидов и их групп. Научным и конструктивно реализованным аппаратом точной эпистемологии является ДСМ-метод автоматизированной поддержки исследований. Метод располагает логическими средствами для представления мнений, а также формального представления закрытого социологического опроса. Инструментальные возможности ДСМ-метода обеспечивают обоснованное принятие нового знания на основе расширенного представления о рациональности, включающего рациональность как аргументированное мнение и аргументацию,

© Финн В.К., Михеенкова М.А., 2022

поддержанную формализованными эвристиками и преобразованием неясных идей в точно определяемые понятия.

Ключевые слова: точная эпистемология, искусственный интеллект, рациональность, аргументация, социологический опрос

Для цитирования: Финн В.К., Михеенкова М.А. Анализ рациональности мнений и объективизация опроса // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 4. Ч. 3. С. 401–414. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-4-401-414

Analysis of opinions' rationality and objectification of the poll

Viktor K. Finn

*Russian State University for the Humanities,
FRC "Computer Science and Control", RAS, Moscow, Russia,
ira.finn@gmail.com*

Mariya A. Mikheenkova

*Russian State University for the Humanities,
FRC "Computer Science and Control", RAS, Moscow, Russia,
m.mikheyenkova@yandex.ru*

Abstract. The ideological foundation of artificial intelligence as a scientific and applied field is an exact epistemology (EE), which is the study of the interaction of the cognizing subject and the corresponding object of cognition through heuristics and reasoning logics that generate new knowledge and its acceptance. Formal means of exact epistemology – languages of knowledge representation and logic of reasoning – and their practical implementation in computer systems provide constructive imitation and strengthening of some aspects of human intelligent activity. The formalization of cognitive activity is extremely in demand in the humanities, in particular, in the sciences of human and society. From the point of view of exact epistemology, a sociological poll – a traditional form of sociological research – is the interaction of the theoretical intelligence (one of the key concepts of EE) of the researcher and the respondents' common sense. For a correct description of social reality, the question of the respondents' rational perception of the elements of the questionnaire and the measure of rationality of individuals and their groups is not the last one. The scientific and constructively implemented apparatus of exact epistemology is the JSM-method of automated research support. The method has logical means for presenting opinions, as well as the formal presentation of a closed sociological poll. The instrumental capabilities of the JSM method pro-

vide a reasonable acceptance of new knowledge based on an expanded concept of rationality, including rationality as an argued opinion and argumentation, supported by formalized heuristics and the transformation of unclear ideas into precisely defined concepts.

Keywords: exact epistemology, Artificial Intelligence, rationality, argumentation, sociological poll

For citation: Finn, V.K. and Mikheenkova, M.A. (2022), "Analysis of opinions' rationality and objectification of the poll", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 4, part 3, pp. 401–414, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-4-401-414

Каузальный анализ социального действия и его последствий, являющийся конститутивной проблемой понимающей социологии М. Вебера, концептуализируется в выделении четырех типов социального поведения, различающихся по степени осмысленности. Признаваемая многозначность истолкования «рационализации» поведения ([Луман 2004, с. 186–204]) сводится к двум понятийно чистым типам, к которым приближается реальное поведение, – ценностно-рациональному и целерациональному [Вебер 2006, с. 471–473]. Последнее представляется как выбор средств, обеспечивающих оптимальное соотношение между целью действия, имеющимися возможностями и побочными результатами. Принцип «предельной полезности» лежит в основе моделей практической рациональности [Девятко 2003], теорий экономической полезности, теорий оптимального управления, в том числе – математических [Моисеев 1975]. Однако абсолютная целерациональность в чистом виде в поведении индивидов представляет собой достаточно редкий феномен. Чаще она сочетается с ценностной ориентацией, которая учитывается при формировании шкалы критериев оптимальности. Это отражается в развитии математических теорий принятия решений [Ларичев 2008], совершенствованию которых способствует исследование механизмов человеческой рациональности [Кузнецов 2019] и использование средств, допускающих формализацию когнитивных составляющих рациональности.

Исследование социально обусловленных особенностей когнитивных процессов – в том числе рассуждений и принятия решений индивидами и их группами – составляет круг задач когнитивной социологии, представляющей одну из сторон когнитивной науки. Стимулятором заметного числа первоначальных идей в этой области и основным источником формальных инструментов для нее является направление исследований «Искусственный интеллект»

[Boden 2016]. Хотя в эпистемологии гуманитарных наук тезис Г. Риккерта о принципиальном несходстве познания в «науках о природе и науках о культуре» [Риккерт 1998] находит немало сторонников [Zerubavel 1997], возникает и стремление к конвергенции традиционных и естественнонаучных методов [Ignatov 2014]. Эпистемологическая схема «познающий субъект – процесс познания – объект познания» для решения проблем объективизации и оправдания результатов в условиях отсутствия систематического формального языка для представления фактов и знаний и формализации рассуждений, эвристического характера процедур формирования теорий, преобладания идей вместо понятий требует создания аппарата для организации и поддержки исследований.

Исследование взаимодействия познающего субъекта и соответствующего объекта познания конструктивными средствами порождения нового знания и его принятия – формализованными эвристиками и логиками рассуждений [McCarthy 1981] – составляет предмет точной эпистемологии (ТЭ) – метатеоретической дисциплины, являющейся идейным основанием Искусственного интеллекта (ИИ) как научной и прикладной области [Финн 2021, с. 27–98]. Формальные средства точной эпистемологии реализуются в прикладных компьютерных интеллектуальных системах (ИС), являющихся основным продуктом ИИ. Ключевым для точной эпистемологии является понятие теоретического (идеального) интеллекта [Финн 2021, с. 13–26], включающего систему знаний, множество интеллектуальных способностей и высшие психические функции. ИС обеспечивают конструктивную имитацию и усиление некоторых сторон интеллектуальной деятельности (прежде всего, познавательной) человека, причем лишь часть из них может быть реализована в автоматическом режиме. Такие способности естественного интеллекта, как целеполагание, рефлексия, интеграция знаний для формирования теорий и некоторые другие, реализуются в интерактивном режиме – в симбиозе человека с компьютером. С точки зрения идейного каркаса точной эпистемологии решение задач когнитивной социологии представляется как формализация собственно познавательной деятельности познающего субъекта – социолога – в его взаимодействии с объектом познания – социумом, представленным множеством индивидуумов.

Научным и конструктивно реализованным аппаратом точной эпистемологии является ДСМ-метод автоматизированной поддержки исследований (ДСМ-метод АПИ) [Финн 2021]. ДСМ-метод представляет собой методологию создания интеллектуальных систем и является средством формализации, имитации и усиления интеллектуальных процессов, воспроизводя и реализуя в интеллек-

туальных ДСМ-системах (ИС-ДСМ) исследовательские эвристики «анализ данных – предсказание – объяснение». ДСМ-рассуждение, формализующее логическими средствами такие эвристики, представляет собой синтез неэлементарных познавательных процедур: «эмпирическая индукция (представленная формальными уточнениями и расширениями индуктивных методов Д.С. Милля [Милль 2022]) – структурная аналогия – абдуктивное принятие гипотез» на основе абдуктивной объяснительной схемы Ч.С. Пирса [Josephson 2010] (что принципиально важно для открытых областей с плохо развитым или вовсе отсутствующим формальным аппаратом). Целью применения ДСМ-метода АПИ является исследование – получение нового знания, что достигается обнаружением эмпирических закономерностей в последовательностях расширяемых баз эмпирических фактов. Полнота ДСМ-исследования достигается применением различных стратегий ДСМ-рассуждений и комбинаторикой расширений баз фактов. При решении задач качественного (неколичественного) анализа социологических данных (одной из которых является задача анализа и прогнозирования мнений) средствами интеллектуального анализа данных [Михеенкова, Климова 2018; Mikheyenkova 2020], партнерская человеко-машинная ИС-ДСМ выполняет функции познающего субъекта.

В рамках ДСМ-метода сформирована концепция эмпирической качественной причинности как эффективной реализации расширенного понятия рациональности средствами ИС. С точки зрения этой концепции исследование является идеальным образцом рациональности. Принятие результатов исследования опирается на формализованную эвристику (что соотносится с представлением П. Бернайса [Бернайс 2000] об эвристике как средстве рациональности), аргументацию и преобразование неясных идей в точно определенные понятия. ДСМ-рассуждения, реализующие познавательный процесс, представляют собой формализованные эвристики; аргументация и проверка фальсифицируемости встроены в предикаты и правила правдоподобного вывода, а инструментом принятия является абдуктивное объяснение. Анализ и прогнозирование мнений средствами ДСМ-метода представляет собой не только применение концепции эмпирической качественной причинности, но и открывает дополнительные возможности для исследования когнитивных составляющих рациональности, в том числе рационального формирования мнений.

Одним из наиболее широко практикующихся источников получения эмпирического материала в социологии является опрос, порой воспринимающийся как «визитная карточка» социологии. Статистические методы, традиционно используемые для обра-

ботки (что не является эквивалентной заменой анализа) результатов опроса, обезличивают субъекта и не позволяют исследовать вопросы индивидуальной и групповой рациональности, несмотря на усилия по совершенствованию опросных методологий в этом направлении [Schwarz 2007]. Логические средства ДСМ-метода позволяют уточнить формальную структуру закрытого социологического опроса, с точки зрения точной эпистемологии представляющего собой взаимодействие теоретического интеллекта социолога с «common sense»-интеллектами респондентов.

Движением в сторону объективизации опроса, составляющей основу анализа рациональности мнений, является формирование отношения респондента к теме опроса T на основании индивидуального восприятия утверждений из элементов опросной анкеты $P = \{p_1, \dots, p_n\}$, раскрывающих содержание темы. Для обеспечения относительной объективности и рациональности выбора ответов исследователем задаются содержательные (семантические) связи между утверждениями p_1, \dots, p_n , которые в формальном языке преобразуются в логические зависимости между пропозициональными переменными p_1, \dots, p_n . Эти зависимости представляются в виде непротиворечивого множества формул $\Sigma = \{\psi_1, \dots, \psi_s\}$ соответствующей логики, в которой конъюнкция формул $\psi_1 \& \dots \& \psi_s$ не является тавтологией. Представление множества Σ логическими средствами является элементом формализованной эвристики, однако вопрос полноты описания связей между p_1, \dots, p_n в Σ , так же, как и полноты представления темы T элементами P , не может быть решен в рамках формального аппарата. Задание множества Σ отвечает принципу рационализации представления темы с учетом объективного знания и позволяет оценить рациональность восприятия темы респондентом.

В предложенном представлении опроса утверждения p_1, \dots, p_n оказываются для респондента аргументами «за» и «против» принятия или непринятия темы T . Рассмотрим четырехзначный опрос с вариантами ответов «да», «нет», «и да, и нет», «не знаю», согласующимися с семантикой четырехзначной логики аргументации A_4 [Финн 2021, с. 199–221] с истинностными значениями 1, -1 , 0, τ соответственно. Концептуализация анализа мнений осуществляется

средствами четырехзначной логики с аргументационной семантикой JA_4 [Финн, Михеенкова 2020]. Элементы P являются пропозициональными переменными, функция оценки $v[p_i] = v \in \{1, -1, 0, \tau\}$, $i = 1, \dots, n$. Выбор респондентом для оценки утверждения p_i одного из значений $v \in \{1, -1, 0, \tau\}$ представляется в виде $J_{v_i}p_i$; $J_{v_i}p = t$, если $v[p] = v$, $J_{v_i}p = f$, если $v[p] \neq v$. $v[p]$ – функция оценки, $v \in \{1, -1, 0, \tau\}$, t и f – (внешние) истинностные значения двузначной логики «истина» и «ложь» соответственно. Аргументированное восприятие респондентом темы T – *мнение* – представляется максимальной конъюнкцией логики JA_4 $\varphi \equiv J_{v_1}p_1 \& \dots \& J_{v_n}p_n$ (\equiv – графическое равенство, v_i – соответствующие оценки утверждений p_i , $v_i \in \{1, -1, 0, \tau\}$, $i = 1, \dots, n$). Таких ответов теоретически может быть 4^n (по числу максимальных конъюнкций для n переменных, которые могут принимать одно из четырех значений), множество всех возможных ответов по теме T с $P = \{p_1, \dots, p_n\}$ обозначим K , $|K| = 4^n$. В реальном опросе с участием респондентов из множества R реализуются лишь некоторые варианты ответов $K' \subseteq K$, хотя число респондентов может быть больше числа возможных ответов. K' фиксируется в результате эмпирического получения стабилизированного множества ответов, когда при привлечении новых респондентов новые варианты ответов не появляются. В этом случае можно говорить об экспериментально полученной репрезентативной (в логическом, а не статистическом смысле) выборке респондентов R .

Таким образом, закрытый опрос O по теме T реализуется средствами дедуктивной логики L (например, JA_4) и может быть представлен в виде $O = \langle L, P, \Sigma, K', R \rangle$. Соответствующий выбранной логике аппарат позволяет установить непротиворечивость множества $\Sigma = \{\psi_1, \dots, \psi_s\}$, выяснить, не является ли конъюнкция формул $\psi_1 \& \dots \& \psi_s$ тавтологией логики L , и определить, какие из представленных мнений противоречат Σ . На содержательном уровне это означает, что представившие эти мнения респонденты не различают заложенные исследователем связи между утверждениями, характеризующими заданную тему, т. е. мыслят нелогично и нерационально (или недобросовестно относятся к своей роли респондента).

Непротиворечивость множества Σ может быть установлена методом аналитических таблиц для соответствующей логики L (для JA_4 см. [Финн, Михеенкова 2020]). Для непротиворечивого множества $\Sigma = \{\psi_1, \dots, \psi_s\}$ аналитическая таблица \mathcal{T}_Σ , началом которой является последовательность формул ψ_1, \dots, ψ_s , не замкнута. Пусть в результате реального опроса получено множество ответов $K' = \{C_1, \dots, C_k\}$, $K' \subseteq K$, $k \leq 4^n$. Если аналитическая таблица \mathcal{T} для множества $\Sigma \cup \{C_j\}$ не замкнута, это значит, что мнение C_j не противоречит Σ – имеет место *consis* ($\Sigma \cup \{C_j\}$) (*consis* – метапредикат непротиворечивости), – а респондентов с таким мнением можно считать рациональными. Отделяя рациональные мнения от нерациональных, можно определить степень непротиворечивости опроса [Михеенкова, Финн 2012]: $\delta(K^*, K') = |K^*| / |K'|$, где K^* – множество мнений, не противоречащих Σ , $K^* \subseteq K'$, $K^* = \{X \mid \text{consis}(\Sigma \cup \{X\}) \& (X \in K')\}$. Задание степени непротиворечивости позволяет расширить формальное определение опроса: $O = \langle L, P, \Sigma, K', R, \delta \rangle$.

Создание формальных инструментов для представления и анализа когнитивных процессов требует адекватного отображения семантических особенностей исследуемого феномена синтаксическими средствами. Логика является наукой о рассуждениях и эвристиках: несводимость человеческих рассуждений к основанным на аксиомах схемам доказательств очевидна специалистам [van Benthem 2008; Rahwan, Simari 2009]. Таким образом, инструменты точной эпистемологии – в том числе используемые для анализа рациональности – должны ориентироваться на возможности формализации семантики, что доступно некоторым многозначным логикам¹.

Аргументационный подход в предложенном представлении опроса может распространяться не только на принятие/непринятие темы T на основании утверждений p_1, \dots, p_n , но и на сами утверждения. Если само мнение – оценка элементов P – формируется на основании некоторой аргументации (даже и внутренних убеждений и мотивов), можно говорить о многоуровневой аргументации с различной ее глубиной [Финн 2021, с. 199–221]. Тем самым мы получаем инструмент учета влияния когнитивной деятельности на социальное поведение, т. е. решения одной из задач когнитивной социологии. Многоуровневая аргументация явным образом демонстрирует взаимодействие двух теорий истины [Финн 2021, с. 27–98]. Так, формирование оценок утверждений p_1, \dots, p_n непо-

¹ Недостаточность классической двузначной логики для формирования критериев рациональности отмечается в [Луман 2004, с. 191].

средственно в результате опроса соответствует корреспондентной истине, а на основании аргументации – когерентной.

Такой опрос может быть формализован средствами четырехзначной логики с аргументационной семантикой JA_4 [Финн, Михеенкова 2020]. Выберем A – множество доводов (аргументов и контраргументов) относительно принятия или непринятия утверждений из $P = \{p_1, \dots, p_n\}$. Для каждой пропозициональной переменной $p_i \in P$ определим две функции g^+ и g^- , задающие множество аргументов «за» и множество аргументов «против», соответственно: $g^+: P \rightarrow 2^A$, $g^+(p_i) \subseteq A$, $g^-: P \rightarrow 2^A$, $g^-(p_i) \subseteq A$, при этом для всех $p_i \in P$ ($i = 1, \dots, n$) $g^+(p_i) \cap g^-(p_i) = \emptyset$, $i = 1, \dots, n$. Атомарная оценка для множества истинностных значений $V = \{1, -1, 0, \tau\}$ определяется следующим образом ($i = 1, \dots, n$): $v[p_i] = 1 \Leftrightarrow g^+(p_i) \neq \emptyset \ \& \ g^-(p_i) = \emptyset$; $v[p_i] = -1 \Leftrightarrow g^+(p_i) = \emptyset \ \& \ g^-(p_i) \neq \emptyset$; $v[p_i] = 0 \Leftrightarrow g^+(p_i) \neq \emptyset \ \& \ g^-(p_i) \neq \emptyset$; $v[p_i] = \tau \Leftrightarrow g^+(p_i) = \emptyset \ \& \ g^-(p_i) = \emptyset$.

Разумеется, каждый респондент сам назначает свои аргументационные функции. Согласие респондента с утверждением p_i (выбор ответа «да») означает, что у него есть аргументы «за» принятие утверждения p_i и нет аргументов «против». Таким образом, в четырехзначном аргументационном опросе ответы интерпретируются следующим образом: 1 – «да», -1 – «нет» (есть только аргументы «против»), 0 – «и да, и нет», «затрудняюсь ответить» (есть аргументы как «за», так и «против»), τ – «не знаю» (нет никаких аргументов). Соответствующие логические средства логики JA_4 позволяют, в частности, установить степень непротиворечивости опроса $O = \langle JA_4, P, \Sigma, K', R, \delta \rangle$ и выделить респондентов, рационально реагирующих на ситуацию опроса.

Аргументационная семантика допускает иные варианты означивания с сохранением возможности их содержательной интерпретации. Пусть множество истинностных значений есть $V = \{0, \frac{1}{3}, \frac{2}{3}, 1\}$. Определим атомарную оценку следующим образом ($i = 1, \dots, n$): $v[p_i] = 1 \Leftrightarrow g^+(p_i) \neq \emptyset \ \& \ g^-(p_i) = \emptyset$; $v[p_i] = 0 \Leftrightarrow g^+(p_i) = \emptyset \ \& \ g^-(p_i) \neq \emptyset$; $v[p_i] = \frac{2}{3} \Leftrightarrow g^+(p_i) \neq \emptyset \ \& \ g^-(p_i) \neq \emptyset$; $v[p_i] = \frac{1}{3} \Leftrightarrow g^+(p_i) = \emptyset \ \& \ g^-(p_i) = \emptyset$. Здесь 1 интерпретируется как ответ «да», 0 – «нет», ответу «затрудняюсь ответить» соответствует $\frac{2}{3}$, «не знаю» – $\frac{1}{3}$. Рассмотрим варианты семантики истинностных значений $\frac{1}{3}$ и $\frac{2}{3}$ для расширений B_4 , E_4 и L'_4 так называемых логик значения: логики Бочвара B_3 , логики Эббингхауза E_3 и варианта логики Лукасевича L'_3 , соответственно [Финн и др. 2020]. Первые две логики относятся к логикам «бессмысленностного» типа, фиксирующим

дефекты смысла, последняя – логика «неопределенностного» типа, свидетельствующая о недостаточности имеющейся информации. В [Михеенкова, Финн 2022] показано, что непротиворечивость мнения отдельного респондента для фиксированного множества Σ и, соответственно, степень непротиворечивости опроса существенно зависят от выбора логики анализа рациональности, т. е. – в конечном итоге – от семантики оценок опроса и их социологической интерпретируемости.

Решение проблемы объективизации и концептуализации опросных технологий позволяет дополнить расширенное понятие рациональности, явившееся результатом развития концепции эмпирической качественной причинности в ДСМ-методе автоматизированной поддержки исследований. Сюда включаются представление данных о социальном субъекте с учетом постулатов поведения и ситуационизма (см. [Финн 2021, с. 273–289]), позволяющих включать в структуру исследования источники мотивации поведения, собственно логические средства представления мнений, достижение стабилизированного множества ответов при проведении опроса, аргументация при формировании мнений и анализ рациональности с учетом объективного знания, представленного множеством Σ . Формальное представление опроса означает преобразование *идеи* опроса в точно определенное *понятие*. Обнаруженная зависимость результатов анализа рациональности мнений от выбора логического аппарата стимулирует рефлексию относительно выбора инструментов, релевантных цели исследования: анализ рациональности (понимаемой как логичность) может осуществляться средствами логик V_4 и/или E_4 , анализ информированности – средствами L'_4 . Предложенный подход явным образом демонстрирует необходимость тщательной разработки языка представления данных и выбора адекватных формальных средств при решении исследовательских задач в плохо формализованных областях. Наилучшей стратегией для достижения этой цели является междисциплинарное взаимодействие представителей точных наук и специалистов предметной области, обеспечивающее взаимную адаптацию представлений о предмете с последующей эмпирической верификацией формальных инструментов применительно к конкретным задачам [Климов, Климова, Михеенкова 2019].

Литература

- Бернайс 2000 – *Бернайс П.* О рациональности // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук. Карл Поппер и его критики / Ред. В.Н. Садовский. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 154–162.
- Вебер 2006 – *Вебер М.* Избранное: протестантская этика и дух капитализма. М.: Российская полит. энциклопедия, 2006. 656 с.
- Девятко 2003 – *Девятко И.Ф.* Социологические теории деятельности и практической рациональности. М.: АВАНТИ ПЛЮС, 2003. 336 с.
- Климов, Климова, Михеенкова 2019 – *Климов И.А., Климова С.Г., Михеенкова М.А.* Формирование зоны общего языка в междисциплинарном взаимодействии: рефлексии по поводу опыта сотрудничества представителей точных и социальных наук // Социологический журнал. 2019. Т. 25. № 3. С. 117–132.
- Кузнецов 2019 – *Кузнецов О.П.* Ограниченная рациональность и принятие решений // Искусственный интеллект и принятие решений. 2019. № 1. С. 3–15.
- Ларичев 2008 – *Ларичев О.И.* Теория и методы принятия решений (3-е изд., перераб. и доп.). М.: Университетская книга: Логос, 2008. 392 с.
- Луман 2004 – *Луман Н.Л.* Общество как социальная система. М.: Логос, 2004. 232 с.
- Милль 2022 – *Милль Д.С.* Система логики силлогистической и индуктивной (изд. стереотип.). М.: URSS, 2022. 832 с.
- Михеенкова, Климова 2018 – *Михеенкова М.А., Климова С.Г.* Интеллектуальный анализ данных в социологических исследованиях // Научно-техническая информация. Серия 2. Информационные процессы и системы. 2018. № 12. С. 12–24.
- Михеенкова, Финн 2012 – *Михеенкова М.А., Финн В.К.* Интеллектуальный анализ данных и проблемы когнитивной социологии // Математическое моделирование социальных процессов. 2012. Вып. 12–13. С. 68–85.
- Михеенкова, Финн 2022 – *Михеенкова М.А., Финн В.К.* Об аргументационном подходе к анализу мнений // Интегрированные модели и мягкие вычисления в искусственном интеллекте: XI Междунар. науч.-техн. конф.: Труды: В 2 т. Т. 2. М.: РАИИ, 2022. С. 60–73.
- Моисеев 1975 – *Моисеев Н.Н.* Элементы теории оптимальных систем. М.: Наука, 1975. 528 с.
- Риккерт 1998 – *Риккерт Г.* Науки о природе и науки о культуре. М.: Республика, 1998. 413 с.
- Финн 2021 – *Финн В.К.* Интеллект, информационное общество, гуманитарное знание и образование. М.: ЛЕНАНД, 2021. 464 с.
- Финн и др. 2020 – *Финн В.К., Аншаков О.М., Григолия Р.Ш., Забежайло М.И.* Многозначные логики как фрагменты формализованной семантики // Многозначные логики и их применения. Т. 1: Логические исчисления, алгебры и функциональные свойства. 2-е изд., стереотип. / Ред. В.К. Финн. М.: URSS, 2020. С. 323–356.

- Финн, Михеенкова 2020 – *Финн В.К., Михеенкова М.А.* О логических средствах концептуализации анализа мнений // Многозначные логики и их применения. Т. 2: Логики в системах искусственного интеллекта. 2-е изд., стереотип. / Ред. В.К. Финн. М.: URSS, 2020. С. 152–199.
- van Benthem 2008 – *van Benthem J.* Logic and Reasoning: Do the Facts Matter? // *Studia Logica*. 2008. Vol. 88. No 1. P. 67–84.
- Boden 2016 – *Boden M.A.* AI. Its nature and future. Oxford: Oxford University Press, 2016. 198 p.
- Ignatow 2014 – *Ignatow G.* Ontology and Method in Cognitive Sociology // *Sociological Forum*. 2014. Vol. 29. No 4. P. 990–994. DOI: 10.1111/sof.12131.
- Josephson 2010 – *Josephson J.R.* Smart inductive generalizations are abductions // *Abduction and Induction. Essays on their Relation and Integration* / Ed by P.A. Flach, A. Kakas. Dordrecht; Boston; London: Kluwer Academic Publishers, 2010. P. 31–44.
- McCarthy 1981 – *McCarthy J.* Epistemological problems of artificial intelligence // *Readings in Artificial Intelligence* / Ed by B.L. Webber, N.J. Nilsson. Morgan Kaufmann, 1981. P. 459–465.
- Mikheyenkova 2020 – *Mikheyenkova M.A.* Cognitive Knowledge Discovery in Social Sciences // *Communications in Computer and Information Science*. 2020. Vol. 1282. P. 48–63. DOI: 10.1007/978-3-030-60447-9_4.
- Rahwan, Simari 2009 – *Rahwan I., Simari G.R.* (eds.) *Argumentation in artificial intelligence*. Dordrecht; Heidelberg; London; New York: Springer, 2009. 493 p.
- Schwarz 2007 – *Schwarz N.* Cognitive aspects of survey methodology // *Applied Cognitive Psychology*. 2007. Vol. 21. Issue 2. P. 277–287.
- Zerubavel 1997 – *Zerubavel E.* *Social mindscape. An Invitation to cognitive sociology*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1997. 172 p.

References

- Benthem, J. van (2008), “Logic and Reasoning: Do the Facts Matter?”, *Studia Logica*, vol. 88, no. 1, pp. 67–84.
- Bernays, P. (2000), “Concerning Rationality”, in Sadvovsky, V.N. (ed.), *Evolyutsionnaya epistemologiya i logika social'nykh nauk. Karl Popper i ego kritiki* [Evolutionary Epistemology and Logic of Social Sciences. Karl Popper and his critics], Editorial URSS, Moscow, Russia, pp. 154–162.
- Boden, M.A. (2016), *AI. Its nature and future*, Oxford University Press, Oxford, UK.
- Devyatko, I.F. (2003), *Sotsiologicheskie teorii deyatel'nosti i prakticheskoi ratsional'nosti* [Sociological theories of activity and practical rationality], AVANTI PLUS, Moscow, Russia.
- Finn, V.K. (2021), *Intellekt, informatsionnoe obshchestvo, gumanitarnoe znanie i obrazovanie* [Intelligence, information society, humanitarian knowledge and education], LENAND, Moscow, Russia.

- Finn, V.K., Anshakov, O.M., Grigolia, R.Sh. and Zabezhailo, M.I. (2020), "Many-valued logics as fragments of formalized semantics", in Finn, V.K. (ed.), *Mnogoznachnyye logiki i ih primeneniya, t. 1: Logicheskie ischisleniya, algebrы i funktsional'nye svoystva* [Many-valued logics and their applications, vol. 1: Logical calculus, algebras and functional properties], 2nd ed., URSS, Moscow, Russia, pp. 323–356.
- Finn, V.K. and Mikheenkova, M.A. (2020), "On the logical means of conceptualizing the analysis of opinions", in Finn, V.K. (ed.), *Mnogoznachnyye logiki i ih primeneniya, t. 2: Logiki v sistemakh iskusstvennogo intellekta* [Many-valued logics and their applications, vol. 2: Logics in Artificial Intelligence systems], 2nd ed., URSS, Moscow, Russia, pp. 152–199.
- Ignatov, G. (2014), "Ontology and Method in Cognitive Sociology", *Sociological Forum*, vol. 29, no. 4, pp. 990–994, DOI: 10.1111/socf.12131.
- Josephson, J.R. (2010), "Smart inductive generalizations are abductions", in Flach, P.A. and Kakas A. (eds.), *Abduction and Induction. Essays on their Relation and Integration*, Kluwer Academic Publishers, Dordrecht, Boston, London.
- Klimov, I.A., Klimova, S.G. and Mikheenkova, M.A. (2019), "Formation of a common language zone in interdisciplinary interaction: reflections on the experience of cooperation between representatives of the exact and social sciences", *Sociological Journal*, vol. 25, no. 3, pp. 117–132, DOI: 10.19181/socjour.2019.25.3.6679.
- Kuznetsov, O.P. (2019), "Limited rationality and decision making", *Scientific and Technical Information Processing*, no. 1, pp. 3–15, DOI 10.14357/20718594190101.
- Larichev, O.I. (2008), *Teoriya i metody prinyatiya reshenii* [Theory and methods of decision making], 3rd ed., Universitetskaya kniga, Logos, Moscow, Russia.
- Luhmann, N. (2004), *Obshestvo kak sotsial'naya sistema* [Gesellschaft als soziales System], Logos, Moscow, Russia.
- McCarthy, J. (1981), "Epistemological problems of artificial intelligence", in Webber, B.L. and Nilsson, N.J. (eds.), *Readings in Artificial Intelligence*, Morgan Kaufmann, San Mateo, CA, pp. 459–465.
- Mill, J.S. (2022), *Sistema logiki sillogisticheskoi i induktivnoi* [A System of Logic, Rationative and Inductive], URSS, Moscow, Russia.
- Mikheenkova, M.A. (2020), "Cognitive Knowledge Discovery in Social Sciences", *Communications in Computer and Information Science*, vol. 1282, pp. 48–63, DOI: 10.1007/978-3-030-60447-9_4.
- Mikheenkova, M.A. and Finn, V.K. (2012), "Knowledge Discovery and Problems of Cognitive Sociology", *Matematicheskoe modelirovanie social'nykh protsessov*, iss. 12–13, pp. 68–85.
- Mikheenkova, M.A. and Finn, V.K. (2022), "On the argumentative approach to opinions analysis", *Integriruvannyye modeli i myagkie vychisleniya v iskusstvennom intellekte, XI Mezhdunar. nauchno-tekhn. konf., Trudy* [Integrated Models and Soft Computing in Artificial Intelligence, Proc. XI International Conference], vol. 2, RAI, Moscow, Russia, pp. 60–73.
- Mikheenkova, M.A. and Klimova, S.G. (2018) "Knowledge Discovery in Social Research", *Automatic Documentation and Mathematical Linguistics*, no. 12, pp. 12–24.

- Moiseev, N.N. (1975), *Elementy teorii optimal'nykh sistem* [Elements of the theory of optimal systems], Nauka, Moscow, Russia.
- Rahwan, I. and Simari, G.R. (eds.) (2009), *Argumentation in artificial intelligence*, Springer, Dordrecht, Heidelberg, London, New York.
- Rickert, H. (1998), *Nauki o prirode i nauki o kul'ture* [Kulturwissenschaft und Naturwissenschaft], Respublika, Moscow, Russia.
- Schwarz, N. (2007), "Cognitive aspects of survey methodology", *Applied Cognitive Psychology*, vol. 21, iss. 2, pp. 277–287.
- Weber, M. (2006), *Izbrannoe: protestantskaya etika i dukh kapitalizma* [Die protestantische Ethik und der "Geist" des Kapitalismus], ROSSPEN, Moscow, Russia.
- Zerubavel, E. (1997), *Social mindspace. An Invitation to cognitive sociology*, Harvard University Press, Cambridge, Mass.

Информация об авторах

Виктор К. Финн, доктор технических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская площадь, д. 6;

ФИЦ «Информатика и управление» РАН, Москва, Россия; 119333, Россия, Москва, ул. Вавилова, д. 40; ira.finn@gmail.com

Мария А. Михеенкова, доктор технических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская площадь, д. 6;

ФИЦ «Информатика и управление» РАН, Москва, Россия; 119333, Россия, Москва, ул. Вавилова, д. 40; m.mikheyenkova@yandex.ru

Information about the authors

Viktor K. Finn, Dr. of Sci. (Engineering), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047;

FRC "Computer Science and Control", RAS, Moscow, Russia; bld. 40, Vavilova Street, Moscow, Russia; ira.finn@gmail.com

Maria A. Mikheyenkova, Dr. of Sci. (Tech.), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047;

FRC "Computer Science and Control", RAS, Moscow, Russia; bld. 40, Vavilova Street, Moscow, Russia; m.mikheyenkova@yandex.ru

Анализ дискурса

УДК 32: 81`42

DOI: 10.28995/2686-7249-2022-4-415-424

О некоторых разновидностях подтекста в современном политическом дискурсе

Ольга В. Александрова

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия, ovaleksandrova@gmail.com*

Денис С. Мухортов

*Московский государственный институт
международных отношений (Университет)
Министерства иностранных дел России, Москва, Россия,
dennismoukhortov@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена разновидностям прагмалингвистического явления «подтекст» в современном политическом дискурсе. Ее целью является обзор примеров, выявляющих злободневность исследования семантических, синтаксических и прагматических аспектов «лингвистики лжи», или, точнее, разграничения конвенциональных и коммуникативных импликатур. Обсуждаемые типы условно соотносятся либо с процессами эвфемизации речи и «раздувания» смыслов, либо со скрытыми манипулятивными стратегиями, основывающимися на использовании жаргона и канцелярита. В большинстве анализируемых случаев первого кластера наблюдается избыток слов с позитивной коннотацией, но с не эксплицитно выраженной предметной семантикой, что зачастую способствует отвлечению аудитории от реальных прагматических интересов говорящего. Второй кластер примеров указывает на ставшую повсеместно актуальной проблему неграмотной устной и письменной речи наделенных властью людей. Таким образом, исследование «подтекста» может, с одной стороны, представлять интерес для исследователей неориторики, семантики и семиотики, а с другой стороны – обладать лингводидактическим потенциалом, становясь материалом для изучения стилистики английского языка методом «от противного».

Ключевые слова: подтекст, политический дискурс, политическая коммуникативистика, манипулятивные стратегии

© Александрова О.В., Мухортов Д.С., 2022

Для цитирования: Александрова О.В., Мухортов Д.С. О некоторых разновидностях подтекста в современном политическом дискурсе // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 4. Ч. 3. С. 415–424. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-4-415-424

Featuring subtext in contemporary political discourse

Ol'ga V. Aleksandrova

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia,
ovaleksandrova@gmail.com*

Denis S. Mukhortov

MGIMO University, Moscow, Russia, dennismoukhortov@mail.ru

Abstract. The article discusses the pragmalinguistic phenomenon ‘subtext’ in today’s political discourse. It seeks to review a number of examples that demonstrate semantic, syntactic and pragmatic aspects of the “linguistics of lies”, or more precisely, accentuate the distinction between conventional and communicative implicatures. The varieties of subtext refer either to euphemization processes and inflated meanings, or to stealth persuasion strategies resting on the use of jargon and bureaucratese. In most analyzed cases of the first cluster, there is an abundance of words with a positive connotation, but with vague subject semantics, which often helps the politician distract the audience from the actual meaning of things. The second cluster of examples highlights the problem of bad style on the part of a person endowed with power. Subtext studies may thus, on the one hand, be of interest to researchers of neo-rhetoric, semantics, and semiotics, and, on the other hand, to instructors and learners of English stylistics.

Keywords: subtext, political discourse, political communication studies, manipulative strategies

For citation: Aleksandrova, O.V. and Mukhortov, D.S. (2022), “Featuring subtext in contemporary political discourse”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 4, part 3, pp. 415–424, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-4-415-424

Особым предметом исследования политической речи, устной или письменной, является выявление и анализ подтекста или, точнее, скрытых манипулятивных стратегий. В своих работах по данной тематике американский филолог Вильям Лац (см. [Lutz

1988, 1989, 1996]) предлагает именовать «подтекст» не менее емким английским словом *doublespeak*. Анализ предложенных В. Лацем разновидностей подтекста позволяет определить объем понятия «подтекст» и выявить его функциональные характеристики.

Помимо метафоры, основным действующим элементом в этом случае является эвфемизм. Говорящий использует его, чтобы ввести аудиторию в заблуждение или обмануть ее. Политическая речь изобилует подобными примерами.

Так, одним из излюбленных оборотов в риторике западных милитаристов стало появившееся (по данным Merriem-Webster Dictionary¹) в 1947 г. выражение ‘collateral damage’ (дословно «сопутствующий ущерб»), а в переводе на общеразговорный язык – «убийство мирных граждан в ходе военных операций». Дата появления данного выражения указывает на то, что после окончания Второй мировой войны в странах Запада наметилась тенденция к поиску «политкорректных» выражений для обозначения фактов действительности, которые в случае наименования их неэвфемистичным образом могли бы вызвать негативную реакцию у читателя или слушателя.

Другим примером является слово ‘humanitarian’, которое также длительное время находится в обиходе американских и европейских политиков, особенно тогда, когда речь идет о военных операциях западных сил с целью свержения непокорных правительств или президентов. Принимая в расчет тот факт, что слушатель привык воспринимать это слово в позитивном контексте в таких словосочетаниях, как ‘humanitarian aid’, ‘humanitarian assistance’, ‘humanitarian action’, ‘humanitarian initiative’ или ‘humanitarian law’, ведомые прагматическими интересами политики порождают оксюмороны подобные выражениям ‘humanitarian intervention’ или ‘humanitarian relief operations’.

Разновидностью подтекста становится появление в речи «раздутого языка» (“inflated language”). По меткому выражению Вильяма Лаца, содержание «раздувается» тогда, когда обычному хотят придать окраску необычного, из простого – сделать сложное, из повседневной ситуации – породить сенсацию.

Так, вместо того чтобы сказать «Америка напала первой», говорится о том, что была совершена “pre-emptive counterattack”, вместо того, чтобы признать, что войска попали в засаду, появляется оборот “[the troops] engaged the enemy on all sides”, а когда нужно сообщить об отступлении американских войск, говорится о “backloading of augmentation personnel” [Lutz 1989; Minin-White 2017].

¹ URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/collateral%20damage>. Лексема “collateral damage” (дата обращения 23 марта 2022).

Целью использования подобного языка является желание скрыть от слушателя информацию, обнародование которой принесло бы говорящему репутационные потери.

Подтекст данного типа можно рассматривать сквозь призму теории хеджирования, т. е.

...приема речевого страхования или речевой осторожности, направленного на завуалированное воздействие на массовое сознание путем намеренного ухода от использования прямо номинативных средств вербализации [Осипов 2013, с. 15].

Ко второй разновидности подтекста, среди прочего, относится использование жаргона, который вопреки своим конвенциональным функциям – служить коммуникативным целям узкого сообщества специалистов – призван отвлекать слушателя от главного, сбивать его с толку, погружать в бафос.

Так, в американской политике существует целый ряд слов и выражений, которые для непосвященного в перипетии взаимоотношений политиков и бизнесменов слушателя окажутся малопонятной, следовательно, незначимой информацией. Именно этой цели и добиваются выступающие с трибун политические деятели.

В качестве примера можно привести ситуацию с принятием в 2005 г. законопроекта под названием 'REAL ID Act' [Longley 2021]. Выступавшие за него сенаторы инициировали создание государственного реестра персональных данных. До этого момента американское общество выступало против этого. От каждого штата теперь требовалось выдавать водительские права «нового поколения», а федеральным агентствам отныне запрещалось принимать, например при посадке в самолет, удостоверения личности, которые не соответствовали самым минимальным стандартам, устанавливаемым данным законом.

Поддержка сенаторов у данного законопроекта была настолько незначительной, что его даже не хотели ставить на голосование. Но лоббирующие его группы все равно добились своего. Автор законопроекта, член палаты представителей Джеймс Сенсенбреннер из Висконсина, предложил его принять вкупе с законопроектом, против которого не осмелился бы проголосовать ни один политик после событий 11 сентября 2001 г., а именно «Законом о чрезвычайных ситуациях, дополнительных ассигнованиях на оборону, глобальную войну против терроризма и помощь при цунами». Данный законопроект выделял деньги на содержание войск и финансирование войны с терроризмом. В итоге законопроект о военных расходах в качестве приложения к REAL ID Act был принят в Палате представителей 368 голосами «за» (с 58-ю голосами

«против»), а в Сенате – просто единогласно. 11 мая 2005 г. закон был подписан президентом Бушем.

Как видно из этого примера, если необходимо, чтобы парламентарии одобрили какой-то законопроект, связанный с выделением крупных средств, то его присовокупляют к другому законопроекту, и во избежание задержек финансирования якобы важных государственных программ, он принимается.

Подобные законопроекты получили название “rider bills” (см. [Longley 2021]), или «законопроекты-всадники». Их разновидностью являются “Christmas tree bills”, или законопроекты, в которые вносятся целый ряд поправок, зачастую не связанных между собой. Таким образом, принимаемый законопроект оказывается своего рода новогодней елкой, а украшениями к ней становятся поправки, которые любой конгрессмен может «повесить» в угоду интересам «обслуживаемых» им бизнесменов, военных или политиков.

Считается, что этот термин был придуман в 1956 г. сенатором-демократом от штата Нью-Мексико Клинтонем Андерсоном, который на просьбу корреспондента журнала “Time” прокомментировать законопроект о сельском хозяйстве, в который было внесено более ста поправок, сказал: «Этот законопроект все больше и больше похож на новогоднюю елку; под ним есть что-то почти для каждого».

Ко второй разновидности «подтекста» также можно отнести речи политиков, изобилующие идеологемами типа ‘democracy’, ‘freedom’, ‘human rights’, ‘equality’, ‘values’. Эти примеры идеологической полисемии (подробнее см. [Мухортов 2014; Alexandrova, Mukhortov 2020]) можно, образно говоря, назвать «мантрами», появление которых в речи политика призвано убаюкать сознание слушателя или, точнее, избирателя и, как следствие, помешать ему задуматься о реальном положении дел в стране и мире. Как справедливо однажды было подмечено,

...эффективные политики умело используют... «риторику идентификации», когда широкой публике предъявляются не образцы классической ораторской речи, а «мозаичные коллажи» с эмоциональными лозунгами, патриотическим пафосом, ничем не подкрепленным оптимизмом [Стрелец 2020, с. 108].

Изобилие слов с позитивной коннотацией, но с неясно выраженной предметной семантикой «придает тексту бóльшую аргументативность и, как следствие, высокую степень воздействия на реципиентов и возможность манипулирования ими в нужном политическом направлении» [Андрюхина 2019, с. 75]. В данном случае – оправдания своего «неискреннего дискурса» [Андрюхина 2019].

К *третьей* разновидности подтекста, по мнению В. Лаца, относится манера изъясняться высокопарным, а зачастую замысловатым языком для того, чтобы аудитория не сразу поняла, о чем идет речь, быстро потеряла интерес к предмету разговора. Такой стиль общения называется 'officialese', 'bureaucratese', 'governmentese' (см. напр., [Beatty 1982]).

Появление бюрократичного слога в речи политика, по утверждению одного из спичрайтеров, долгое время проработавшего в Конгрессе США [Moore 2018], может указывать на одно из трех.

Во-первых, сложный синтаксис, книжная лексика, упоминание цифр в ущерб известным правилам общеупотребительного языка позволяют говорящему чувствовать себя комфортно, ему никто не будет докучать уточнениями, потому что знает, что любое уточнение окажется еще более громоздким по сравнению с произнесенным ранее; его информацию никто не будет оспаривать, поскольку она прозвучала так, что в ее нюансах потребуются разбираться, а у слушателей делать это нет ни времени, ни желания. Спичрайтеры таких политиков знают об этом и постоянно корректируют свой стиль письма, чтобы он соответствовал стилю речи их начальника, их непосредственного заказчика. Во-вторых, этот человек, скорее всего, высокомерен, поэтому считает, что это *аудитория* должна приспосабливаться к его стилю речи, а не *он* должен проявлять учтивость к аудитории. В-третьих, возможно, он незнаком с темой разговора, поэтому, чтобы прикрыть свое незнание, предпочитает понятным словам и выражениям язык запутанный, бюрократический.

Следует отметить, что в 2009–2010 гг. в Британском парламенте была образована рабочая группа, которой было поручено проанализировать речи представителей Палаты общин на предмет выявления и дальнейшего исправления многочисленных стилистических ошибок. К проекту был привлечен известный британский филолог Дэвид Кристал. Одним из выводов было указание на то, что язык подобного рода отдаляет избирателя от своих депутатов, в округах забирает голоса в пользу противников, а политик со временем забывает о том, что он по определению должен уметь говорить с народом на понятном языке². Приведем три примера из аналитической записки экспертов по стилистике, которые вызвали серьезную критику.

²Bad Language: The Use and Abuse of Official Language. House of Commons Public Administration Select Committee. First Report of Session 2009-10. URL: <https://publications.parliament.uk/pa/cm200910/cmselect/cmpubadm/17/17.pdf> (дата обращения 23 марта 2022).

Letter from the Minister of State for Care Services to Roger Gale MP:

Pacesetters aims to tackle inequalities in health services and in the workplace arising out of discrimination and disadvantage. The programme is founded on a robust evidence base and evaluation strategy. Its projects are developed through co-design with communities and delivered through a service improvement methodology... We anticipate that most interventions worked on will be for a period of one year – after which successful innovations will be mainstreamed into the work of the trusts and spread nationally. This will ensure long-term sustainability of equality and diversity into core business.

House of Commons business plan for 2008/09: FY 2008/09:

objectives:...To ensure a risk management system is embedded within business processes, allowing for risks to be escalated up and down the organisation as necessary.

Cabinet Office annual report and accounts, 2008–2009:

Savings on the core grant-in-aid delivering the Change-Up programme, against the counterfactual of an inflationary increase and re-prioritisation of the OTS budget to fund a wider range of investment programmes from the 2007–08 baseline amount to around £4.8m realised in 2008–09. Capacitybuilders is now delivering further third sector funding streams in order to rationalise delivery and to take advantage of existing funding mechanisms.

Подвидом политического дискурса, в котором активно реализуются перечисленные типы подтекста, является дискурс дипломатический. По своей функциональной сути он, возможно, представляет собой его наиболее эвфемистичную разновидность.

Выдающийся дипломат и ученый Виктор Иванович Попов определяет дипломатию как «умение высказ[ыв]ать самые отвратительные вещи в приятных выражениях». В качестве показательных примеров В.И. Попов приводит следующие «силлогистические» уравнения: «правительство считает необходимым сохранить за собой право...» означает «правительство не позволит...»; «в таком случае правительство будет вынуждено пересмотреть свою позицию...» может означать «дружба в любой момент превращается во вражду...»; «действия (правительства) будут рассматриваться как недружелюбный акт» означает возникновение угрозы войны [Попов 2003, с. 433].

Целью дипломатического дискурса прежде всего является создание общественного мнения и определенного настроения в обществе. Для дипломатического переговорного процесса большое

значение имеет обстановка спокойствия и принятия взвешенных решений, сохраняя при этом свое лицо в целях избежания обостренной обстановки [Александрова, Стрелец 2021].

Учитывая происходящие сегодня изменения в международных отношениях, без преувеличения можно сказать, что политический дискурс занимает важное место в когнитивно-дискурсивной парадигме современной лингвистики и изучение подтекста как значимого, а в некоторых отношениях основное явление политической коммуникативистики, требует от филологов разработки как новых методов семантического анализа, так и эффективных методов междисциплинарного исследования.

Литература

- Александрова, Стрелец 2021 – Александрова О.В., Стрелец И.Э. Место и роль дипломатического дискурса в составе современных дискурсивных исследований // Когнитивные исследования языка. 2021. Т. 44. № 1. С. 413–420.
- Андрюхина 2019 – Андрюхина Н.В. Неискренний дискурс в англоязычных политических текстах: Дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2019. 229 с.
- Мухортов 2014 – Мухортов Д.С. Манипулятивный потенциал идеологической полисемии в современном политическом дискурсе // Убеждение и доказательство в современном политическом дискурсе: Материалы Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 26–28 авг. 2014). Екатеринбург: Уральск. гос. пед. ун-т, 2014. С. 68–76.
- Осинов 2013 – Осинов Г.А. Хеджирование как когнитивно-прагматический прием суггестии в политическом дискурсе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2013. 23 с.
- Попов 2003 – Попов В.И. Современная дипломатия: Теория и практика. М.: Междунар. отношения, 2003. 572 с.
- Стрелец 2020 – Стрелец И.Э. Лингвостилистические особенности коммуникативного поведения Д. Трампа в кризисный период 2020 г. // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2020. № 6. С. 100–114.
- Alexandrova, Mukhortov 2020 – Alexandrova O., Mukhortov D. Political discourse within cognitive pragmatic studies of the language // Problémy interakce jazyka, literatury a kultury: nové směry výzkumu [Problems of Language, Literature and Culture Interaction: New Trends of the Research]. Kolektivní monografie / Pod obecným vedením Olgy Višňakové. Plzeň: Západočeská univerzita v Plzni, 2020. S. 199–219.
- Beatty 1982 – Beatty R. Windyfogger and Bureaucratese // Rhetoric Society Quarterly. 1982. Vol. 12. № 4. P. 261–269 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.jstor.org/stable/3885166> (дата обращения 23 марта 2022).
- Longley 2021 – Longley R. Overview of Rider Bills in Government: Rider Bills are Often Stealth Legislation [Электронный ресурс]. URL: <https://www.thoughtco>.

- com/rider-bills-in-the-us-congress-stealth-legislation-4090449 (дата обращения 23 марта 2022).
- Lutz 1988 – Lutz W. Fourteen Years of Doublespeak // The English Journal. 1988. Vol. 77. № 30. P. 40–42.
- Lutz 1989 – Lutz W. Doublespeak: From “revenue enhancement” to “terminal living”: How government, business, advertisers, and others use language to deceive you. New York: Harper & Row, 1989. 290 p.
- Lutz 1996 – Lutz W. The new doublespeak: Why no one knows what anyone’s saying anymore. New York, NY: Harper Perennial, 1996. 244 p.
- Minin-White 2017 – Minin-White D. Political Speech, Doublespeak, and Critical-Thinking Skills in American Education // School of Education Student Capstone Projects. 83 [Электронный ресурс]. URL: https://digitalcommons.hamline.edu/hse_cp/83 (дата обращения 23 марта 2022).
- Moore 2018 – Moore J. Why do politicians usually bureaucratise in their speech? Is the language barrier somehow necessary? // Quora, 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.quora.com/Why-do-politicians-usually-bureaucratise-their-speech-Is-the-language-barrier-somehow-necessary> (дата обращения 23 марта 2022).

References

- Aleksandrova, O.V. and Strelets, I.E. (2021), “The place and role of diplomatic discourse in modern discursive studies”, *Cognitive Studies of Language*, no. 1, vol. 44, pp. 413–420.
- Alexandrova, O. and Mukhortov, D. (2020), “Political discourse within cognitive pragmatic studies of the language”, in Višňaková, O. (ed.), *Problémy interakce jazyka, literatury a kultury: nové směry výzkumu* [Problems of Language, Literature and Culture Interaction: New Trends of the Research], Západočeská univerzita v Plzni, Plzeň, Česká republika, pp. 199–219.
- Andryukhina, N.V. (2019), *Insincere discourse in English-language political texts*, Ph.D. Thesis, Samara, Russia.
- Beatty, R. (1982), “Windyfoggery and Bureaucratise”, *Rhetoric Society Quarterly*, vol. 12, no. 4, pp. 261–69, available at: <http://www.jstor.org/stable/3885166> (Accessed 23 March 2022).
- Longley, R. (2021), *Overview of Rider Bills in Government: Rider Bills are Often Stealth Legislation*, available at: <https://www.thoughtco.com/rider-bills-in-the-us-congress-stealth-legislation-4090449> (Accessed 23 March 2022).
- Lutz, W. (1988), “Fourteen Years of Doublespeak”, *The English Journal*, vol. 77, no. 30, pp. 40–42.
- Lutz, W. (1989), *Doublespeak: From “revenue enhancement” to “terminal living”: How government, business, advertisers, and others use language to deceive you*, Harper & Row, New York, USA.
- Lutz, W. (1996), *The new doublespeak: Why no one knows what anyone’s saying anymore*. Harper Perennial, New York, USA.

- Minin-White, D. (2017), "Political Speech, Doublespeak, and Critical-Thinking Skills in American Education", *School of Education Student Capstone Projects*. 83, available at: https://digitalcommons.hamline.edu/hse_cp/83 (Accessed 23 March 2022).
- Moore, J. (2018), "Why do politicians usually bureaucratise in their speech? Is the language barrier somehow necessary?", available at: <https://www.quora.com/Why-do-politicians-usually-bureaucratise-their-speech-Is-the-language-barrier-somehow-necessary> (Accessed 23 March 2022).
- Mukhortov, D.S. (2014), "Manipulative potential of ideological polysemy in modern political discourse", *Ubezhdenie i dokazatel'stvo v sovremennom politicheskom dis-kurse: materialy Mezhdunar. nauch. konf.* [Persuasion and proof in contemporary political discourse: Proceedings of the Intern. scientific conf.], 26–28 August 2014, Ekaterinburg, Russia, pp. 68–76.
- Osipov, G.A. (2013), *Hedging as a cognitive-pragmatic method of suggestion in political discourse*, Abstract of Ph.D. dissertation, Maikop, Russia.
- Popov, V.I. (2003), *Sovremennaya diplomatiya. Teoriya i praktika* [Diplomacy Today. Theory and Practice], *Mezhdunarodnye otnosheniya*, Moscow, Russia.
- Strelets, I.E. (2020), "Linguistic and stylistic features of D. Trump's communicative behavior during the crisis period of 2020", *Moscow University Bulletin. Series 9: Philology*, no. 6, pp. 100–114.

Информация об авторах

Ольга В. Александрова, доктор филологических наук, профессор, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 119991, Россия, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 53; ovaleksandrova@gmail.com

Денис С. Мухортов, кандидат филологических наук, доцент, МГИМО (Университет) МИД РФ, Москва, Россия; 119454, Россия, Москва, проспект Вернадского, д. 76; dennismoukhortov@mail.ru

Information about the authors

Ol'ga V. Aleksandrova, Dr. of Sci. (Philology), professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; bld. 1/53, Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991; ovaleksandrova@gmail.com

Denis S. Mukhortov, Cand. of Sci. (Philology), associate professor, MGIMO University, Moscow, Russia; bld. 76, Vernadsky Avenue, Moscow, Russia, 119454; dennismoukhortov@mail.ru

Мультимодальная репрезентация в составе коммуникативного события (когнитивно-дискурсивный аспект)

Наталья Б. Гвишиани

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия, ngv@wddb.ru*

Аннотация. В статье рассматривается концептуальная структура термина «мультимодальный» и его английского переводного эквивалента “multimodal” в ретроспективе его осмысления в контексте современных представлений о мультимодальной коммуникации, а также пересечений с семиотикой и когнитивными исследованиями. Развитие новых смыслов в структуре концепта прослеживается с использованием компьютерных методов на основе рассмотрения дистрибутивной семантики лексем в частотных фрагментах их функционирования. Данный подход выявляет ассимилятивные связи слов и отражает языковую репрезентацию концептосферы. Различные семиотические ресурсы в структуре многомерного объекта могут быть представлены актуально или потенциально (в виде ментальной репрезентации). Нарративность визуального выявляется по отношению к использованию вербальных элементов в живописи. Одним из примеров является включение букв и их сочетаний в изобразительное пространство произведения искусства. В названиях некоторых подобных произведений используются «речевые маркеры», которые могут быть развернуты в целую ситуацию. Перевод таких дискурсивных единиц становится «интерсемиотическим», поскольку он охватывает широкий диапазон значений и смыслов в пространственной перспективе объекта искусства, обусловленных индивидуальным восприятием зрителя. Большой объем информации, заключенный в короткое слово или фразу, тем самым подвергается интерпретации.

Ключевые слова: мультимодальная репрезентация, дистрибутивные синонимы, социальная семиотика, интерсемиотический перевод, категоризация мира

Для цитирования: Гвишиани Н.Б. Мультимодальная репрезентация в составе коммуникативного события (когнитивно-дискурсивный аспект) // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 4. Ч. 3. С. 425–435. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-4-425-435

The structure of a communicative event
as a multimodal representation
(based on the cognitive-discursive analysis)

Natal'ya B. Gvishiani

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia,
ngv@wdcb.ru*

Abstract. The article discusses the conceptual structure of the term “мультимодальный” and its English translation equivalent “multimodal” in the conceptual retrospective of its understanding with regard to modern approaches to multimodal communication, as well as intersections with semiotics and cognitive research. The development of new meanings in the structure of the concept is traced using computer methods based on the consideration of distributional semantics of lexemes in high frequency fragments of their functioning. This approach reveals the assimilative connections of words and reflects the linguistic representation of the conceptual sphere. Various semiotic resources in the structure of a multidimensional object can be represented actually or potentially (in the form of a mental representation). The ‘narrativity’ of the visual is revealed in relation to the use of verbal elements in painting. One example is the inclusion of letters and their combinations in the pictorial space of a work of art. The titles of some such works use “speech markers” that can be expanded into a whole situation. The translation of discursive units becomes “intersemiotic”, as it covers a wide range of meanings and senses in the spatial perspective of the art object, due to the individual perception of the viewer. A large amount of information contained in a short word or phrase is thus subjected to interpretation. The article also reveals the intrinsic ties of multimodality studies with psycholinguistics and cognitive discourse analysis.

Keywords: multimodal representation, distributional synonyms, social semiotics, intersemiotic translation, world categorization

For citation: Gvishiani, N.B. (2022), “The structure of a communicative event as multimodal representation (based on cognitive-discursive analysis)”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 4, part 3, pp. 425–435, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-4-425-435

Возникновение термина «мультимодальный» в его современном понимании как взаимодействие различных семиотических кодов в репрезентации содержания текста связано со стремительным развитием таких общественных сфер жизнедеятельности, как «изобразительные» технологии в средствах массовой коммуникации и рекламе, а также цифровые среды и создание электронных

текстов в более узкой профессиональной области. В начале XXI в., как отмечают исследователи, происходит поворот к «мультимодальности» как направлению научного поиска, стремящемуся добраться до реальности во всех ее проявлениях, воздействующих на наши органы чувств. Наступает век визуализации, атрибутом которого становится вездесущность фотографических и других изображений, представленных в разных форматах по аналогии с нарративами. На этой основе происходит расширение понятия текста, в которое наряду с вербальными влетают и невербальные элементы [Кибрик, Молчанова 2013, с. 99–114]. Возможности понимания и интерпретации этих сложных объектов являются предметом мультимодального дискурс-анализа. Таким образом, «мультимодальный подход пытается в русле семиотических исследований «дешифровать» заложенные в визуальных обыденно-привычных «текстах» интенции автора и возможные реакции аудитории» [Троцук 2014, с. 246].

Очевидно, что, описывая соотношение между текстовыми и аудиовизуальными репрезентациями, мультимодальный анализ становится междисциплинарным и, в первую очередь, соотносится с социологическими исследованиями, а также с нейро- и психолингвистикой. Мультидисциплинарный подход при этом является мотивирующим фактором в процессе «экспорта» и «импорта» терминологии и понятийного аппарата в исследовании сложных многомерных объектов. Неслучайно термин «мультимодальный» первоначально применялся в области медицины и неврологии, где под разными «модальностями» подразумевалась совокупность средств и методов, облегчающих болевые симптомы пациентов («мультимодальная аналгезия»).

На данный момент, согласно корпусным данным, английский термин “*multimodal*” существенно опережает свой русский эквивалент по частотности употребления как первично возникший в терминологической ретроспективе. Визуализация его коллокационного профиля в компьютерном менеджере Sketch Engine¹ (рис. 1) выделяет по признаку наиболее частотного употребления словосочетание “*multimodal transportation*”, относящееся к различным видам транспорта – наземного, водного и воздушного, которые обеспечивают доставку груза по назначению. Известен также термин “*multimodal biometrics*”, широко применяемый в судебной экспертизе и обозначающий один из основных методов идентификации личности по биометрическим параметрам структуры лица и «геометрии руки».

¹ URL: <https://www.sketchengine.eu> (дата обращения 31 мая 2022).

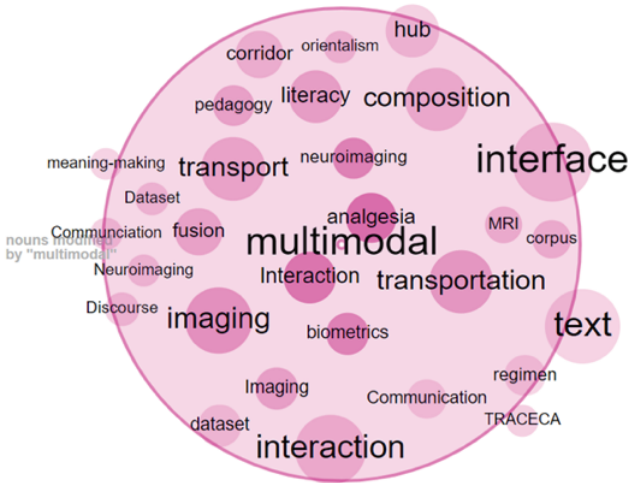

Рис. 1. Коллокационный профиль “multimodal”

Дальнейшее развитие концептуальной структуры лексемы “multimodal” связано со сферой коммуникации и внедрением цифровых технологий в учебно-образовательный процесс. На этой основе возникает осмысление “multimodal” как интегративного подхода в создании, восприятии и интерпретации мультимодальных текстов, практик и данного типа дискурса как такового. Вводится термин “multimodal literacies” («мультимодальные компетенции»), который подразумевает способность и умение специалистов, работающих в сфере мультимодальной коммуникации, охватить всю совокупность свойств исследуемых многомерных объектов. Этой цели способствует концептуализация “multimodal” как “multimodal pedagogy” («мультимодальная педагогика»), предусматривающая работу с «мультимодальными жанрами», где трактовка передаваемого сообщения не сводится лишь к нарративной, то есть лингвистической, компетенции.

Лексема “multimodal” начинает использоваться в одном контексте с такими единицами, как “cognitive”, “integrated”, а также с термином “intertextuality”. Подтверждение этому мы находим в корпусных конкордансах. К примеру, в следующем высказывании речь идет о возрастающих когнитивных потребностях в интерпретации интертекстуальности коммуникативных событий, сочетающих такие средства репрезентации, как печать, речь, изображение, звук, движение, музыка и анимация:

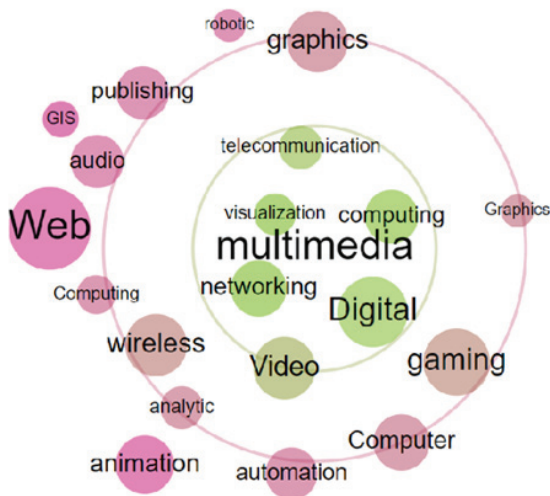

Рис. 2. Коллокационный профиль “multimedia”

In the 21st century there are increased cognitive demands on the audience to interpret the intertextuality of communication events that include combinations of print, speech, images, sounds, movement, music, and animation. Products may blur traditional lines of genre, author/audience, and linear sequence².

Иначе говоря, в новом цифровом мире на первый план выходят «мультимодальные мультимедийные и мультидисциплинарные» технологии. Термин «мультимедийный» в этой триаде показывает, что в коммуникативном процессе между способом передачи сообщения (*mode*) и средой его применения (*media*) устанавливается взаимообусловленная связь. Термин же “*art-multimedia*” трактуется как совокупность художественных средств, материалов и ‘техник’, используемых при создании произведения, например графика, анимация, шрифты, печать, виртуальные образы и т. д. Рис. 2 демонстрирует наиболее частотные употребления в коллокационном профиле “*multimedia*”, к которым относятся *multimedia visualization*, *graphics*, *animation*, *digital multimedia*, *multimedia web*, *telecommunication* и другие.

² Standards for English language / arts teacher candidates. Sketch Engine [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sketchengine.eu/> (дата обращения 31 мая 2022).

В исследовании концепта МУЛЬТИМОДАЛЬНЫЙ целесообразно опереться на «большие данные» ('BIG DATA') компьютерно-корпусного анализа, позволяющего проследить тренды и корреляции в категоризации действительности, включая взаимодействие фреймов как устоявшихся моделей опыта. Для этих целей можно рассмотреть фрейм *Тезаурус* в электронном менеджере Sketch Engine. Эта программа позволяет осуществить вывод «синонимов» или слов, входящих в единое семантическое поле или категорию. Хотя анализ проводится на основе контекстуального функционирования словоформ и лексем, он также может отражать языковую репрезентацию определенной концептосферы. В качестве исходной посылки здесь используется стратегия дистрибутивной семантики, в соответствии с которой слова, образующие сходные коллокации и функционирующие в однотипных контекстах, обладают общностью значения. Параметр дистрибуции является не абсолютной, а относительной (вероятностной) величиной, и степень синтагматической ассимиляции слов может быть различной в зависимости от степени сходства (или близости) их дистрибуций (*similarity score*).

Ассимилятивные связи лексемы "*multimodal*" по данным британского веб-корпуса English Web 2020 enTenTen 20 (Sketch Engine), насчитывающего 38 млн слов, представлены следующими единицами (рис. 3):

	Word	Frequency [?]	Similarity [?] ↓
1	multi-modal	15,533	0.387 ...
2	data-driven	71,335	0.256 ...
3	contextual	135,282	0.251 ...
4	computational	395,965	0.248 ...
5	web-based	177,882	0.245 ...
6	multidimensional	51,259	0.237 ...
7	spatial	617,943	0.234 ...
8	computer-based	48,141	0.233 ...
9	automated	631,460	0.232 ...
10	quantitative	461,138	0.232 ...
11	state-of-the-art	335,792	0.230 ...
12	integrative	123,114	0.230 ...
13	multidisciplinary	183,260	0.229 ...

Рис 3. Ассимилятивные связи '*multimodal*'

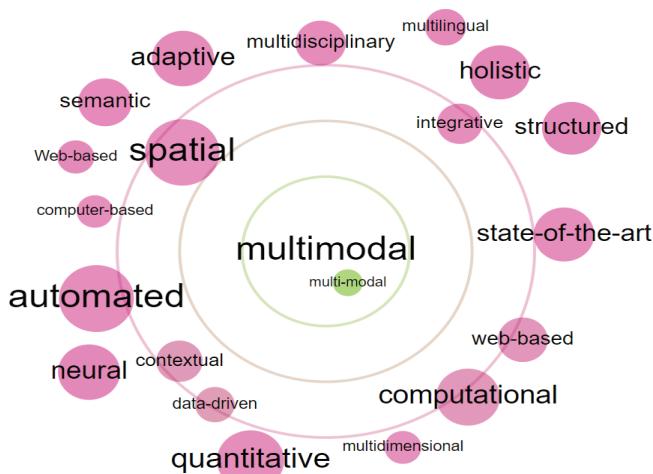

Рис. 4. Концептосфера “*multimodal*”

Индекс “*similarity*” показывает степень ассимиляции слов с исходной лексемой. Пересечение “*multimodal*” с дистрибутивными синонимами “*data-driven*” (управляемый данными), “*computational*” (вычислительный), “*web-based*” (имеющий веб-интерфейс), “*computer-based*” (компьютерный), “*automated*” (автоматизированный) и “*quantitative*” (количественный, статистический) (рис. 4) свидетельствует о том, что интерес к мультимодальности в рамках научных исследований связан с развитием цифровых и компьютерных технологий. Это именно та среда, где применение *multimedia* является наиболее естественным, где различные модальности могут естественно существовать в структуре передаваемой информации (рис. 4).

Другая группа дистрибутивных синонимов включает лексемы “*contextual*”, “*multidimensional*”, “*integrative*” и “*multidisciplinary*”. Эти корреляции фокусируют наше внимание на том, что мультимодальные объекты являются многомерными, интегративными, мультидисциплинарными и контекстуально обусловленными.

При дальнейшем рассмотрении концептуальных сфер в составе данного фрейма (рис. 5) можно выделить ассоциативные отношения с концептом “*semiotic*” (семиотический) через такие ряды, как “*interpretative*” (интерпретирующий или подлежащий интерпретации), “*representative*” (репрезентативный), “*sociocultural*” (социокультурный), “*integrative*” (интегративный), “*perceptual*” (перцептивный) и “*discursive*” (дискурсивный):

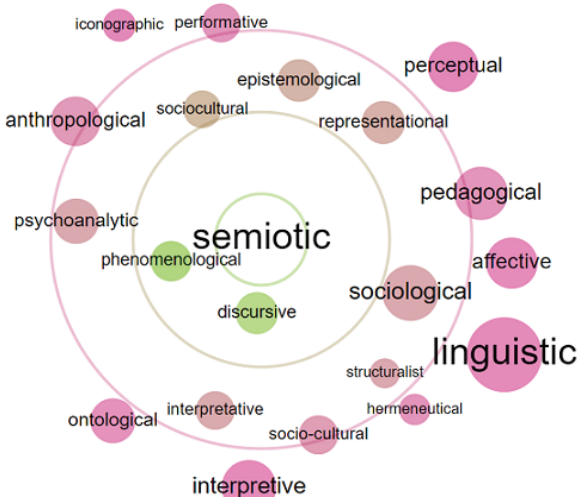

Рис. 5. Концептосфера “semiotic”

При визуализации полученных данных (рис. 1–5) размер кружков показывает частотность употребления лексем, в то время как близость к центру соответствует индексу ассимиляции с исходной лексемой. Таким образом, статистический анализ подтверждает мысль У. Эко о том, что через культурную коммуникацию, а также в процессе научного обмена происходит переход или трансляция знаков и образов из одной системы в другую, где возникают новые знаковые системы и культурные объекты, подлежащие объяснению и интерпретации:

...культура непрерывно переводит знаки в другие знаки, а определения – в другие определения, слова – в иконы, иконы – в остенсивные знаки, остенсивные знаки – в новые определения, новые определения – в пропозициональные функции, пропозициональные функции – в экземплифицирующие предложения и т. д.; тем самым она предлагает своим членам непрерывную цепь культурных единиц, составляющих другие культурные единицы и тем самым переводящих и объясняющих их [Есо 1979, р. 71].

«Экземплификация» предметов лежит и в основе понятия “*intersemiotic translation*” (интерсемиотический перевод), когда содержание сообщения передается через язык и другие семиотические ресурсы, представляющие различные «медиа» и социальные

практики. Речь идет о «*мультимодальном семиотическом подходе*», который объясняет, как социально структурированные смыслы в опыте и логические связи между ними могут быть переданы на другом языке [Кау et al. 2016]. Перевод мультимодальных текстов предполагает не только языковое сопоставление, но и поиск соответствий различных символов, изображений, фотографий и звуковых треков в отображении коммуникативного события и раскрытии новых потенциальных смыслов. В сегодняшней цифровой среде семиотические ресурсы не только сосуществуют и кооперируются в составе коммуникативного события, но и становятся объектом перевода.

Одним из примеров сложного взаимодействия семиотических ресурсов в составе многомерного объекта является использование текста в живописи. В эстетике концептуального искусства (от лат. *conceptus* – мысль, представление) идея произведения главенствует над формой ее художественного выражения. К примеру, в работах Эрика Булатова одной из опознанных форм вербального кода становятся буквы, которые складываются в слова в пространственном изображении картины (рис. 6).

Рис. 6. Эрик Булатов. «То-то и оно» (2000)³

В названиях картин «Вот» (2001) и «То-то и оно» (2000) используются концептуально емкие слова, которые часто встречаются в обыденной разговорной речи. Однако их прагматический

³ Изображение предоставлено Фондом культуры «Екатерина».

потенциал оказывается чрезвычайно широким, поскольку в зависимости от восприятия зрителя/читателя они могут выражать различное содержание. Становится ясно, что подобные дискурсивные элементы наполняются «рефлексией», будучи помещенными в пространственное изображение. В качестве их перевода («Вот» / “That’s it” и «То-то и оно» / “Here you are”) также используются «речевые маркеры», которые могут быть развернуты в целую ситуацию [Гвишиани 2022, с. 9].

Семиотические ресурсы в составе многомерного объекта или коммуникативного события могут быть представлены актуально (текст в изобразительном искусстве) или же потенциально, в виде ментальной репрезентации (визуальный образ в нарративе). При этом мультимодальность образной схемы позволяет соединить воедино сознание человека, его восприятие, реальность и культуру, представленную в семиотических системах.

Литература

- Гвишиани 2022 – *Гвишиани Н.Б.* Лингвопрагматические особенности взаимодействия вербального и невербального компонентов мультимодального текста в коммуникативном пространстве различных типов дискурса // Вопросы когнитивной лингвистики. 2022. № 1. С. 5–17.
- Кибрик, Молчанова 2013 – *Кибрик А.А., Молчанова Н.Б.* Каналы мультимодальной коммуникации: относительный вклад в понимание дискурса // Мультимодальная коммуникация: теоретические и эмпирические исследования: Материалы семинара. М., 2013. С. 99–114.
- Троцук 2014 – *Троцук И.* Нарративность визуального, или о пользе несоциологического чтения // Социологическое обозрение. 2014. Т. 13. № 1. С. 242–258.
- Eco 1979 – *Eco Umberto.* A Theory of Semiotics. Bloomington: Indiana University Press, 1979. 354 p.
- Kay et al. 2016 – *Kay L., O’Halloran S., Tan S., Wignell P.* Intersemiotic Translation as Resemiotisation: A Multimodal Perspective // SIGNATA. 2016. No 7. P. 119–129 [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.4000/signata.1223> (дата обращения 31 мая 2022).

References

- Eco, Umberto (1979), *A Theory of Semiotics*, Indiana University Press, Bloomington, USA.
- Gvishiani, N.B. (2022), “A multimodal ‘text’: the linguopragmatic peculiarities of verbal and non-verbal components interacting in different communicative types of discourse”, *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*, no. 1, pp. 5–17.

- Kay, L., O'Halloran, S., Tan, S. and Wignell, P. (2016), "Intersemiotic Translation as Resemiotisation: A Multimodal Perspective", *SIGNATA*, no. 7, pp. 119–129, available at: <https://doi.org/10.4000/signata.1223> (Accessed 31 May 2022).
- Kibrik, A.A. and Molchanova, N.B. (2013), "Channels of Multimodal Communication: Relative Contribution to Understanding Discourse", in *Mul'timodal'naya kommunikatsiya: teoreticheskie i empiricheskie issledovaniya: Materialy seminar* [Multimodal communication: theoretical and empirical research, Materials of the seminar], Moscow, Russia, pp. 99–114.
- Trotsuk, I. (2014), "Narrativity of the visual, or about the benefits of non-sociological reading", *Sotsiologicheskoe obozrenie*, vol. 13, no. 1. pp. 242–258.

Информация об авторе

Наталья Б. Гвишиани, доктор филологических наук, профессор, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 119991, Россия, Москва, ул. Колмогорова, д. 1; ngv@wdcb.ru

Information about the author

Natal'ya B. Gvishiani, Dr. of Sci. (Philology), professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; bld. 1, Kolmogorov Street, Moscow, Russia, 119991; ngv@wdcb.ru

Многоаспектность языковой личности политика

Елена М. Позднякова

*Московский государственный институт
международных отношений (университет) МИД России,
Москва, Россия, helenprozdnyakova@yandex.ru*

Олеся Б. Нестерова

*Московский государственный институт
международных отношений (университет) МИД России,
Москва, Россия, olesyas13@mail.ru*

Аннотация. В статье представлены положения, развивающие теорию языковой личности, активно разрабатываемую в отечественном языкознании. Материалом для исследования послужили два автобиографических произведения и политические речи 44 президента США Барака Обамы. В данной работе в рамках когнитивно-дискурсивного подхода, позволившего проанализировать ключевые концепты языковой личности Б. Обамы, были выявлены характерные для картины мира этого политика иерархии смыслов и ценностей в разные периоды его жизни. Доказано, что языковая личность политика характеризуется не только уровневой структурой, но и динамикой ее концептуальной и дискурсивной составляющих. В статье прослеживается изменение концептосферы Б. Обамы по результатам исследования концептов, выявленных в его произведениях в течение 20 лет: с 1995 по 2015 г. На основе разработанной авторами методики были выявлены ключевые концепты языковой личности политика. Показано, что концепт UNITY является центральным в речах Барака Обамы. Наряду с рассмотрением многоаспектности языковой личности в структурном плане, авторы статьи уделяют внимание динамике языковой личности политика как в хронологическом, так и в концептуальном плане. Доказано, что языковая личность Б. Обамы претерпевает изменения, заключающиеся в динамике языковых и ментальных репрезентаций. Предложенное в статье видение многоаспектности языковой личности является интересным продолжением развития теории ЯЛ.

Ключевые слова: языковая личность политика, концептосфера, динамика концептосферы, дискурс, Б. Обама

Для цитирования: Позднякова Е.М., Нестерова О.Б. Многоаспектность языковой личности политика // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 4. Ч. 3. С. 436–450. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-4-436-450

© Позднякова Е.М., Нестерова О.Б., 2022

Multidimensionality of politician's linguistic profile

Elena M. Pozdnyakova

*MGIMO University, Moscow, Russia,
helenpozdnyakova@yandex.ru*

Olesya B. Nesterova

MGIMO University, Moscow, Russia, olesyas13@mail.ru

Abstract. The article presents provisions that develop the linguistic personality theory, which is actively developed in Russian linguistics. The material, used for research, is two autobiographical works and political speeches of the 44th US President Barack Obama. In this work, within the framework of the cognitive-discursive approach, which made it possible to analyze the key concepts of B. Obama's linguistic profile, the hierarchies of meanings and values characteristic of the politician's worldview in different periods of his life were identified. It is proved that the linguistic profile of a politician is characterized not only by the level structure, but also by the dynamics of its conceptual and discursive components. The article traces the change in the concept sphere of B. Obama based on the results of a study of concepts identified in his works over 20 years: 1995 to 2015. Based on the methodology developed by the authors, the key concepts of the politician's linguistic profile were identified. It is shown that the UNITY concept is central in Barack Obama's speeches. Along with considering the multidimensionality of the linguistic profile in structural terms, the authors of the article pay attention to the dynamics of the politician's linguistic profile both in chronological and conceptual terms. It is proved that B. Obama's linguistic profile is undergoing changes, which consist in the dynamics of linguistic and mental representations. The vision of the multidimensionality of the linguistic personality proposed in the article is an interesting direction of the development of the linguistic personality theory.

Keywords: linguistic profile of politician, conceptsphere, dynamics of conceptsphere, discourse, B. Obama

For citation: Pozdnyakova, E.M. and Nesterova, O.B. (2022), Multidimensionality of politician's linguistic profile", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 4, part 3, pp. 436–450, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-4-436-450

Введение

В данной статье авторы рассматривают *многоаспектность языковой личности политика*. Несмотря на достаточное количество работ, посвященных языковой личности (далее – ЯЛ), особенно

в российском языкознании, предложенное видение многоаспектности языковой личности является, на наш взгляд, интересным продолжением развития теории ЯЛ.

Понятие «личность» в данной работе трактуется следующим образом: личность – конкретный человек, включенный в реальные социальные отношения, который на основе освоенных им достижений цивилизации и культуры осознанно и интенционально формирует что-то новое в себе, природе или социуме, при этом общий ориентир деятельности личности характеризуется позитивной направленностью. Способность к коммуникации, прежде всего языковой коммуникации, является одним из ингерентных свойств личности.

Исследование проводится по итогам анализа автобиографических мемуаров 44 президента США Б. Обамы (“Dreams from my Father”, “Audacity of Hope”) и его речей в допрезидентский и президентский период. Объем проанализированного языкового материала позволяет представить структуру и уровни языковой личности Б. Обамы в динамике – как в хронологическом, так и в концептуальном плане.

По определению Ю.Н. Караулова, ЯЛ это

...совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание им речевых произведений (текстов), которые различаются а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определенной целевой направленностью [Караулов 1987, с. 3].

Отметим, что совокупность способностей и характеристик человека коррелирует с понятием «многоаспектность», поскольку «многоаспектность» определяется как наличие в чем-либо нескольких, многих аспектов, а «совокупность» – это сочетание, соединение чего-либо в одном. «Аспект», в свою очередь, толкуется как

1. Точка зрения, с которой рассматриваются какие-либо предметы, явления, понятия и т. п.

2. Определенная сторона какого-л. явления, понятия и т. п.¹

Таким образом, исследование многоаспектности ЯЛ Б. Обамы предполагает рассмотрение его произведений в аспекте его дискурсивной деятельности и лингво-когнитивных процессов, являющихся основой этой деятельности, а также в аспекте динамики ключевых концептов ЯЛ. Кроме того, в статье будут представле-

¹ Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000.

ны положения различных авторов относительно концептосферы Б. Обамы, характеристик его дискурса и особенностей риторики, что тоже подразумевает представление различных точек зрения на ЯЛ политика и, соответственно, позволит более глубоко изучить многоаспектность ЯЛ Б. Обамы.

Структура языковой личности как определенная эпистемологическая категория представлена в работах российских лингвистов [Архипов 2008; Карасик 2002; Караулов 1987]. Ю.Н. Караулов представляет структуру ЯЛ в виде иерархии вербально-семантического, лингво-когнитивного и мотивационного уровней.

Как замечает исследователь: «интеллект человека наиболее интенсивно проявляется в его речи, но интеллектуальные свойства человека манифестируются не на каждом уровне использования языка» [Караулов 1987, с. 36–37].

В частности, ученый называет «семантический» уровень нулевым, этот уровень характерен для всех носителей языка.

Языковая личность начинается по ту сторону обыденного языка, когда в игру вступают интеллектуальные силы, и первый уровень (после нулевого) ее изучения – выявление, установление иерархии смыслов и ценностей в ее картине мира, в ее тезаурусе» [Караулов 2010, с. 36].

Лингво-когнитивный уровень ЯЛ представляет характерный для конкретной ЯЛ набор концептов и способов их вербализации.

В.И. Карасик также подчеркивает значимость второго уровня, который он называет познавательным. Он говорит о том, что концептосфера и картина мира являются основными элементами когнитивного уровня ЯЛ [Карасик 2002].

В данной работе в рамках когнитивно-дискурсивного подхода, позволившего проанализировать ключевые концепты ЯЛ Б. Обамы, были выявлены характерные для картины мира этого политика иерархии смыслов и ценностей в разные периоды его жизни.

Анализ произведений самого Б. Обамы и работ ученых, исследовавших его риторiku и дискурс, позволил рассмотреть третий уровень ЯЛ, обозначенный как мотивационный в терминологии Ю.Н. Караулова и поведенческий в терминологии В.И. Карасика.

Анализ дискурса Б. Обамы

С выходом Б. Обамы на политическую арену и особенно после избрания его президентом США многие ученые заинтересовались риторическим даром этого политика афроамериканского происхождения. Многочисленные академические достижения молодого юриста-профессора еще в допрезидентский период тоже не остались без внимания: сенатор, выпускник юридического факультета Гарвардского университета и Университета Колумбия в городе Нью-Йорк, первый афроамериканец, избранный редактором *Harvard Law Review*, преподаватель юриспруденции в Университете штата Чикаго, Обама казался аномалией, исключением из правил.

Многие ученые исследуют риторические приемы, которые использовал кандидат в президенты и затем президент для достижения своих целей. В работе Ш. Линн (Shel Leanne) под названием “Say it Like Obama: The Power of Speaking with Purpose and Vision” изучению подверглись предвыборные речи Б. Обамы [Leanne 2009]. Автор рассматривает успешную риторику политика и его искусство убеждать аудиторию. По мнению Ш. Линн, немалую роль в избрании Б. Обамы президентом сыграло его красноречие и умение использовать техники коммуникации.

Э. Лик (Eric Leake) ставит задачей исследование используемых Б. Обамой манипулятивных приемов в общении с аудиторией [Leake 2016]. Он называет эмпатию одним из решающих факторов воздействующего потенциала речей и выступлений Б. Обамы. Это психологическое свойство можно проследить как в предвыборных речах 2008 года, так и в выступлениях на посту президента. Э. Лик приходит к выводу, что эмпатия Обамы является не только средством манипулятивного воздействия, это его личный ценностный посыл, который он транслирует аудитории [Leake 2016, pp. 2–3].

Джордж Лакофф (George Lakoff), анализируя основные темы в речах Б. Обамы в работе “Obama Code” 2009 г., отмечает, что в его речах прослеживается характерное для его политической позиции стремление к единению Америки. Дж. Лакофф вводит понятие «код Обамы» (the Obama code). По мнению лингвиста, в своих речах политик обращается к когнитивному подсознательному слушателей, вовлекая их в процесс единения. А идея единения способствует сплочению страны на основе традиционных американских ценностей [Lakoff 2009].

Лингвисты С. Алем (H. Sami Alem) и Ж. Смизерман (Geneva Smitherman) в совместной работе “Articulate while Black” провели социолингвистический анализ дискурса Обамы. Они отмечают тот

факт, что благодаря качественному образованию Б. Обама свободно владел грамотной речью образованных американцев, однако умел переключаться на стили речи, свойственные чернокожему населению. Социолингвисты подчеркивают, что подобное умение сыграло важную роль в его избрании президентом [Alim, Smitherman 2012, p. 20]. Они также показывают, что владение стилями речи различных социальных групп работало в предвыборной кампании Б. Обамы как мощный культурный символ.

Существуют выступления Б. Обамы, которые привлекли активное внимание лингвистов, политологов, философов заложенными в них идеями, оригинальностью аргументации, риторическим мастерством. Достаточно большое количество исследований посвящено речи “A More Perfect Union”, произнесенной в марте 2008 г.

В 2010 г. вышла книга “The speech: race and Barack Obama’s ‘A more perfect union’”, посвященная анализу речи “A More Perfect Union” [Sharples-Whiting 2010]. В ней говорится, что в этой речи все еще остающийся непростым для Америки расовый вопрос был сознательно поднят политиком. Он обратился к американцам с идеей единения независимо от расовой принадлежности.

Роберт Роуланд (Robert Rowland) и Джон Джоунс (John Jones) в статье “One Dream: Barack Obama, Race, and the American Dream” показывают, что, осветив в речи “A More Perfect Union” расовую проблему в контексте Священного писания, Б. Обама связал религиозные идеи с идеями, заложенными в американской мечте, с идеями того, как можно преодолеть расовый вопрос, сделав американскую мечту достижимой для каждого жителя страны, независимо от расы. Он подчеркнул, что американская мечта – это мечта обычных людей, а не супергероев, она достижима, если движение к ней станет единым устремлением американцев, принадлежащих к разным расам [Rowland, Jones 2011, p. 127]. Р. Роуланд и Дж. Джоунз делают вывод, что ошеломительный успех речи “A More Perfect Union” был обеспечен как риторическим мастерством спикера, так и высказанными им идеями.

Ричарда Лиман (Richard Leeman) в книге “The Teleological Discourse of Barack Obama” [Leeman 2012] представил философский анализ политических речей. В дополнение к ним Лиман рассматривает и его мемуары, написанные до вступления на президентский пост. Ричард Лиман видит силу риторики Обамы в приверженности телеологии. Идея достижения телоса благородна по своей сути, стремление к телосу, однако, важнее, ибо оно порождает добродетель [Leeman 2012, pp. 1–27]. Р. Лиман соотносит стремление к телосу с характерным для американской нации концептом JOURNEY. Он называет концепт JOURNEY архетипичной

телеологической метафорой. По мнению Р. Лимана, движение к свободе и равенству в сочетании с оптимизмом и терпением и представляют для Б. Обамы телос. В своих речах политик представляет эти категории как неотъемлемые качества нации, ведущие к достижению американской мечты [Leeman 2012, p. 239].

По мнению Р. Лимана, успешность риторики Барака Обамы определяется включением в его произведение концептуальной метафоры JOURNEY, которой Б. Обама стремится передать аудитории идею пути к достижению идеальной цели (телоса). Р. Лиман выделяет также важные для политика концепты HOPE, LIBERTY, JUSTICE, OPPORTUNITY в качестве неотъемлемых составляющих его телеологии, поскольку эти концепты прослеживаются во многих выступлениях, а также в мемуарах Б. Обамы.

Значимой работой, выполненной с позиций когнитивной лингвистики, можно назвать труд Марты Дегани (Marta Degani), профессора университета города Клагенфурт (Австрия), под названием "Framing the Retic of a Leader: an Analysis of Obama's Election Campaign Speeches" [Degani 2015]. Исходя из известной идеи Дж. Лакоффа, что значимой концептуальной метафорой для американцев является метафора NATION IS FAMILY, М. Дегани прослеживает ее реализацию в предвыборных речах Барака Обамы. Дж. Лакофф показал также, что в отношении политических партий у американцев есть две достаточно определенные концептуальные модели: модель строгого отца, характерная для республиканцев, являющихся сторонниками консервативных взглядов, и модель заботливого родителя, характерная для демократов [Lakoff 2002, p. 154].

Марта Дегани продолжила исследование этих двух концептуальных моделей, обратившись к предвыборным речам Барака Обамы 2008 г. Лингвист выявила в речах частотные слова и выражения и установила, в какой степени они могут быть соотнесены с одной из двух концептуальных моделей.

Одним из наиболее важных выводов, к которому пришла Марта Дегани в результате концептуального анализа, является вывод о том, что Барак Обама в предвыборных речах 2008 г. использует концептуальную модель NURTURANT PARENT. Анализ, проведенный М. Дегани, также показал, что Б. Обама демонстрирует приверженность концептуальной модели NURTURANT PARENT, используя лексемы, соотносимые с категориями "care", "we", "social rights", "fairness", "opportunity", "protection", "responsibility", "freedom". На основании концептуального анализа исследователь утверждает, что активация концептуальной модели NURTURANT PARENT позволила политике успешно завершить президентскую кампанию 2008 г. [Degani 2015].

Как показывает анализ ряда наиболее значимых работ западных авторов, посвященных риторике Б. Обамы, его дискурс характеризуется многоаспектностью. Обама выступает и как успешный ритор, и как политик, стремящийся к телосу, который для него состоит в достижении свободы и равенства, и как либерал, исповедующий эмпатию и лежащую в ее основе концептуальную модель NURTURANT PARENT. Несомненно, можно говорить о несоответствии его заявлений в отношении миграционной политики реальным действиям, о неудачах программы Obamascare, о нелиберальных принципах в области международной политики. Тем не менее, исследуя языковую личность, ученые опираются именно на языковые произведения, созданные ею. Выявленные в них концепты и дискурсивные структуры подтверждают обозначенные выше аспекты ЯЛ Б. Обамы.

Ключевые концепты в произведениях Б. Обамы

Для анализа ключевых концептов, характерных для ЯЛ Б. Обамы, авторы исследовали два мемуарных произведения Б. Обамы и его речи.

Первые мемуары были опубликованы в 1995 г. под названием “Dreams From My Father”. В книге три части: в первой части автор описывает детство, проведенное на Гавайях и в Индонезии; во второй части он описывает свою деятельность в качестве общественного организатора в Чикаго; третья часть посвящена его поездке в Кению и знакомству с историей семьи его отца. Одним из ключевых моментов книги является поиск и принятие Обамой своей идентичности как чернокожего американца.

В данной статье мы показываем результаты дискурсивного и концептуального анализа текста мемуаров с целью выявления ключевых концептов ЯЛ Б. Обамы. Итогом стало выделение концептов IDENTITY, BLACKNESS, ALIENATION, LONELINESS, COMMUNITY, BELONGING, NEIGHBOURHOOD, ANGER, FEAR, AMERICAN CHARACTER, UNITY, FAITH, HOPE, DESPAIR, FAIRNESS. Как видим, эти концепты образуют концептуальную сеть, в целом покрывающую повествовательную линию произведения.

BLACKNESS, ALIENATION, COMMUNITY и IDENTITY играют центральную роль в первой автобиографии Обамы. Вопросы, связанные с политикой, не играют существенной роли в данном повествовании. Первое автобиографическое произведение – это

рассказ Обамы о желании чего-то достичь и преуспеть в жизни, работая на благо других, о поиске справедливости, о становлении идентичности. Такие идеи и ценности, несомненно, могли встретить отклик и в общекультурном пространстве США.

Второе автобиографическое произведение “The Audacity of Hope” состоит из пролога, девяти глав и эпилога. В каждой из глав автор описывает какое-либо событие из истории Америки, предлагая свою интерпретацию этого события. Кроме этого, в каждой из глав он рассказывает случаи из своей биографии. Каждая глава в своем названии содержит тему, которой она посвящена, и ключевой концепт для данной главы. На основании дискурсивного и концептуального анализа, выполненного по той же методике, что и для первой автобиографии, мы выявили в качестве ключевых концептов UNITY, VALUES, SECURITY, WORK, EDUCATION.

Покажем на примере концепта UNITY процесс анализа лингвокогнитивного уровня ЯЛ Б. Обамы. В тезаурусах и словарях есть целый ряд лексем, синонимичных лексеме *unity*, а значит, способных репрезентировать тот или иной признак концепта UNITY. Учитывая только те из них, которые были обнаружены в анализируемом тексте, мы получили 208 случаев референции к концепту.

Путем концептуального, контекстуального и дискурсивного анализа мы выявляем индивидуальную составляющую концепта и получаем еще 287 случаев референции к концепту во второй автобиографии Б. Обамы.

Это могут быть отдельные лексемы: a bond, a coalition, solidarity, mutual, ties, agreement, collaboration, collaborative, unanimity, to bind, bound, to join и многие другие; свободные словосочетания: a bond that will not break; what held it together; brings us together as Americans; a genuine bond of friendship; shared understandings that pull us together, to do something multilaterally и др.; устойчивые выражения: have (smth.) in common, common ground, in concert и др.; предложения: There is not a black America and white America and Latino America and Asian America – there’s the United States of America и др.; идиомы: A house divided could not stand (интерпретация поговорки звучит как: A house divided cannot stand).

Барак Обама в “The Audacity of Hope” выступает как политическая фигура, предлагая свое видение развития государства, основных ошибок в управлении и путей их устранения. Идея единения нации, как мы видим, является краеугольным камнем в смысловой организации произведения и в концептосфере самого автора, о чем свидетельствует номинативная плотность концепта UNITY.

Концепт UNITY играет существенную роль в построении концептуального пространства ЯЛ не только во втором автобиографи-

ческом произведении Б. Обамы, но и в публичных речах. При помощи лексем, отобранных из словарей и тезаурусов, представляется возможным описать только ту часть концепта, которая содержит признаки, объективированные и закрепленные в семантическом пространстве национального языка. Если в автобиографических произведениях Б. Обамы личностный аспект определяется самим жанром, то в политических речах этот аспект в силу особенностей жанра может быть выражен не столь явно. Поэтому для анализа ЯЛ на лингво-когнитивном уровне (в терминах Ю.Н. Караулова) особенно важно обращение к концептуальному, контекстуальному и дискурсивному анализу речей, что позволяет более точно эксплицировать индивидуальную составляющую концепта.

Одним из выводов проведенного анализа стал следующий: по сравнению со вторым автобиографическим произведением номинативная плотность концепта UNITY в речах выше. Приведем количественные данные: общее количество слов в 67 отобранных речах – 176 968, а в автобиографии “The Audacity of Hope” – 119 017. Количество референций к концепту UNITY: более 7306 единиц в речах против 2050 единиц в автобиографии. В произведении “Dreams from my Father” данный концепт не был выделен среди наиболее значимых, там идея единения репрезентирована концептом COMMUNITY, а в оппозиции к нему стоит концепт ALIENATION, характерный для ЯЛ Б. Обамы того периода.

Увеличение номинативной плотности концепта UNITY в речах можно объяснить, на наш взгляд, спецификой публичной политической речи, в которой использование маркеров единения, к которым относится местоимение we, является действенным риторическим приемом.

Структура и динамика концептосферы языковой личности Б. Обамы

Рассмотрев некоторые ключевые концепты дискурса Б. Обамы, то есть первый уровень ЯЛ по Ю.Н. Караулову, мы можем перейти к рассмотрению второго уровня. Второй уровень анализа ЯЛ (мотивационный) подразумевает выявление мотивов и целей, движущих речевым поведением данной ЯЛ [Караулов 2010, р. 37].

В ходе концептуального анализа было показано, какие мотивы, репрезентированные на ментальном уровне соответствующими концептами, а на языковом – их вербальными репрезентациями, определяли дискурсивные стратегии, заложенные в автобиогра-

фических произведениях и речах Б. Обамы. Среди них – поиск собственной идентичности, отстаивание прав чернокожих американцев (“Dreams from my Father”); опора на систему традиционных американских и общечеловеческих ценностей; стремление доказать американскому избирателю, что он (Обама) является частью американского мира, что он понимает и разделяет значимые для американцев ценности (“The Audacity of Hope”).

Кроме того, к мотивам и целям политика можно отнести целенаправленное создание Б. Обамой, апеллирующим в мемуарах и речах к традиционным американским ценностям, желаемого имиджа, что оказывает манипулятивное воздействие на аудиторию. В связи с этим отметим, что анализируя коммуникативные потребности говорящего, Ю.Н. Караулов отмечает:

...выделенные уровни языковой личности соответствуют трем коммуникативным потребностям: контактоустанавливающей, информационной и воздействующей [Караулов 2010, с. 215].

Языковая личность, по утверждению Ю.Н. Караулова, манифестирует себя не на нулевом, а на первом, лингво-когнитивном уровне, и на втором, мотивационном уровне [Караулов 2010, с. 53]. По итогам анализа ключевых концептов и дискурсивных практик Б. Обамы продемонстрируем иерархию уровней ЯЛ, предложенную Ю.Н. Карауловым, в отношении языковой личности Б. Обамы.

На лингво-когнитивном уровне ЯЛ Б. Обамы показаны понятия (идеи, концепты) и их языковые репрезентации. Как было показано выше, это ключевые концепты: IDENTITY, BLACKNESS, CHANGE, UNITY, EDUCATION, WORK, SECURITY, THREAT и ряд других.

Мотивационный уровень ЯЛ Б. Обамы, на наш взгляд, не ограничивается лишь символами и знаками стандартных для данной культуры прецедентных текстов, хотя в книгах и речах данного политика их предостаточно, и ряд из них заслуживает, пожалуй, детального рассмотрения в перспективе. Вот несколько примеров:

we share more than divides us;
 we were always playing on the white man's court, by the white man's rules;
 a Westerner not entirely at home in the West, an African on his way to a land full of strangers;
 David and Goliath;
 Moses and Pharaoh;
 the Christians in the lion's den;

Ezekiel's field of dry bones;
A house divided could not stand;
through pluck, and sweat and smarts everyone can rise above the
circumstances;
everybody has got a chance at the American Dream;
play by the same rules from Main Street to Wall Street...

Третий, поведенческий уровень ЯЛ, предложенный В.И. Карасиком, также важен и дополняет концепцию мотивационного уровня Ю.Н. Караулова. Описывая личность в поведенческом аспекте, автор рассматривает «общение как деятельность с ее мотивами, целями и стратегиями» [Карасик 2002, с. 19–45]. Данные параметры были представлены выше в описании дискурса Б. Обамы.

Уровневая структура, предложенная российскими лингвистами, несомненно, высвечивает различные аспекты ЯЛ политика, ее ментальные и языковые особенности. В данном случае мы говорим о *многоаспектности языковой личности* как структуре. Такой подход фиксирует сущностные черты ЯЛ, но не фокусируется на изменении характеристик ЯЛ.

Однако в рамках функционально-когнитивного и когнитивно-дискурсивного направлений принято рассматривать явление в его динамике, развитии. Когда мы рассматриваем дискурс и концептосферу Б. Обамы в аспекте его языковой личности, мы анализируем этот дискурс с определенной для данного периода его жизни точки зрения, с учетом того, что языковая личность изменяется под воздействием социальных и личностных факторов.

В данном случае многоаспектность языковой личности Б. Обамы представлена теми различиями в его концептуальной картине мира, которые неизбежно формируются под воздействием таких характеристик личности человека, как возраст, социальный статус, политическая карьера. Многоаспектность языковой личности трактуется здесь как изменение характеристик ЯЛ во временном континууме. Мы выделяем три временных периода в жизни Б. Обамы, представленные в его произведениях. Концептуальный анализ изучаемых произведений с очевидностью показывает, что языковая личность Б. Обамы претерпевает изменения, характеризуется динамикой языковых и ментальных репрезентаций.

1-й период – автобиографическое произведение “Dreams from my Father” (1995 г.). Ключевые концепты ЯЛ: BLACKNESS, ALIENATION, COMMUNITY, IDENTITY.

2-й период – политическое эссе с элементами автобиографии “The Audacity of Hope” (2006 г.). Ключевые концепты ЯЛ: UNITY, VALUES, EDUCATION, WORK, SECURITY.

3-й период – политические речи (2004–2016 гг.). Ключевые концепты ЯЛ: AMERICA, UNITY, WORK, EDUCATION, SECURITY, HOPE, CHANGE, PROGRESS, THREAT, ECONOMY, ENERGY, OPPORTUNITY, EQUALITY, COMMITMENT RESPONSIBILITY.

Динамика концептосферы является основанием для рассмотрения многоаспектности ЯЛ. Действительно, каждый новый период жизни и деятельности данного политика – это отдельный аспект рассмотрения такого явления, как его языковая личность. Напомним, что слово «многоаспектность» толкуется как «наличие в чем-либо нескольких, многих аспектов». Если рассматривать дискурс произведений Б. Обамы в обозначенные выше периоды, то мы видим, что его языковая личность эксплицируется в нескольких аспектах: как человека, осознающего свою идентичность, как политика в период становления карьеры, как главы государства, несущего ответственность за безопасность и процветание страны.

Литература

- Архипов 2008 – *Архипов И.К.* Язык и языковая личность: Учеб. пособие. СПб.: Книжный дом, 2008. 244 с.
- Карасик 2002 – *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
- Караулов 1987 – *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 261 с.
- Караулов 2010 – *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 264 с.
- Alim, Smitherman 2012 – *Alim H.S., Smitherman G.* Articulate While Black: Barack Obama, language, and race in the US. Oxford: Oxford University Press, 2012. 224 p.
- Degani 2015 – *Degani M.* Framing the Rhetoric of a Leader: an Analysis of Obama's Election Campaign Speeches, London: Palgrave Macmillan, 2015. 315 p.
- Lakoff 2002 – *Lakoff G.* Moral politics: how liberals and conservatives think, Chicago: The University of Chicago Press, 2002. 471 p.
- Lakoff 2009 – *Lakoff G.* The Obama Code. 2009 [Электронный ресурс]. URL: <https://fivethirtyeight.com/features/george-lakoff-on-obama-code/> (дата обращения 4 августа 2022).
- Leake 2016 – *Leake E.* Empathizer-in-Chief: The Promotion and Performance of Empathy in the Speeches of Barack Obama // *Journal of Contemporary Rhetoric*. 2016. Vol. 6. № 1/2. P. 1–14.
- Leanne 2009 – *Leanne S.* Say it Like Obama: The Power of Speaking with Purpose and Vision. New York: McGraw-Hill, 2009. 224 p.
- Leeman 2012 – *Leeman R.W.* The Teleological Discourse of Barack Obama. Lanham, MD: Lexington Books, 2012. 284 p.

- Rowland, Jones 2011 – *Rowland R.C., Jones J.M.* One Dream: Barack Obama, Race, and the American Dream // *Rhetoric and Public Affairs*. 2012. Vol. 14. no. 1. pp. 125–154.
- Sharpley-Whiting 2010 – *Sharpley-Whiting T.D.* The speech: race and Barack Obama's "A more perfect union". New York: Bloomsbury, 2010. 272 p.

References

- Arkhipov, I.K. (2008), *Yazyk i yazykovaya lichnost'*: uchebnoe posobie [Language and linguistic personality: study book], Knizhnyi dom, Saint Petersburg, Russia.
- Alim, H.S. and Smitherman, G. (2012), *Articulate While Black: Barack Obama, language, and race in the US*, Oxford University Press, Oxford, US.
- Degani, M. (2015), *Framing the Rhetoric of a Leader: an Analysis of Obama's Election Campaign Speeches*, Palgrave Macmillan, London, UK.
- Karasik, V.I. (2002), *Yazykovoï krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse], Peremena, Volgograd, Russia.
- Karaulov, Yu.N. (1987), *Russkii yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and linguistic personality], Nauka, Moscow, Russia.
- Karaulov Yu.N. (2010), *Russkii yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and linguistic personality], Izdatel'stvo LKI, Moscow, Russia.
- Lakoff, G. (2002), *Moral politics: how liberals and conservatives think*, The University of Chicago Press, Chicago, US.
- Lakoff, G. (2009), *The Obama Code* [Online], available at: <https://fivethirtyeight.com/features/george-lakoff-on-obama-code/> (Accessed 4 August 2022).
- Leake, E. (2016), "Empathizer-in-Chief: The Promotion and Performance of Empathy in the Speeches of Barack Obama", *Journal of Contemporary Rhetoric*, vol. 6, no. 1/2, pp. 1–14.
- Leanne, S. (2009), *Say it Like Obama: The Power of Speaking with Purpose and Vision*, McGraw-Hill, New York, US.
- Leeman, R.W. (2012), *The Teleological Discourse of Barack Obama*, Lexington Books, Lanham, MD, US.
- Rowland, R.C. and Jones, J.M. (2012), "One Dream: Barack Obama, Race, and the American Dream", *Rhetoric and Public Affairs*, vol. 14, no. 1, pp. 125–154.
- Sharpley-Whiting, T.D. (2010), *The speech: race and Barack Obama's "A more perfect union"*, Bloomsbury, New York, US.

Информация об авторах

Елена М. Позднякова, доктор филологических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, Москва, Россия; 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, д. 76; helenpozdnayakova@yandex.ru

Олеся Б. Нестерова, кандидат филологических наук, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, Москва, Россия; 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, д. 76; olesyas13@mail.ru

Information about the authors

Elena M. Pozdnyakova, Dr. of Sci. (Philology), professor, MGIMO University, Moscow, Russia; bld. 76, Vernadskogo Avenue, Moscow, Russia, 119454; helenpozdneyakova@yandex.ru

Olesya B. Nesterova, Cand. of Sci. (Philology), MGIMO University, Moscow, Russia; bld. 76, Vernadskogo Avenue, Moscow, Russia, 119454; olesyas13@mail.ru

Дизайн обложки
Е.В. Амосова

Корректор
Ж.П. Григорьева

Компьютерная верстка
Н.В. Москвина

Подписано в печать 29.08.2022.
Формат $60 \times 90^{1/16}$.
Уч.-изд. л. 10,0. Усл. печ. л. 10,3.
Тираж 1050 экз. Заказ № 1621

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., 6
www.rsuh.ru